

САМОЗВАНЦЫ
И
ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

ТОМЪ I.

САМОЗВАНЦЫ.

САМОЗВАНЦЫ

И

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. Мордовцева.

ТОМЪ I.

Самозванецъ Степанъ Малый. — Дополнительные данныя о Степанѣ Маломъ. — Самозванецъ Богмоловъ. — Пугачовъ. — Пугачовъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевской крѣпости. — Самозванецъ Ханинъ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА - ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

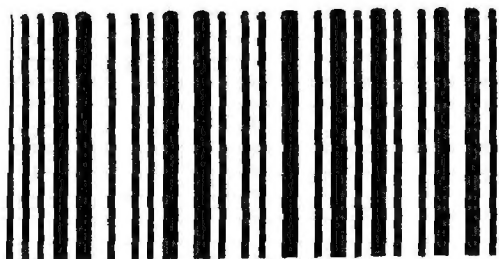
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гостинный Дворъ, № 18, 19 и 20.

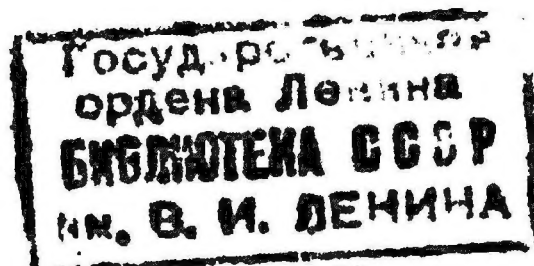
МОСКВА.

Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1867.

2007044624

59693-48

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

САМОЗВАНЦЫ.

Самозванецъ Степанъ Малый.

Явленіе Пугачова, какъ самозванца и претендента на всероссійскій тронъ, подготовлено было цѣлымъ рядомъ одинаково смѣлыхъ и рѣшительныхъ, но и одинаково несчастныхъ искателей русскаго престола, изъ которыхъ одинъ, солдатъ Кремневъ, появившійся много лѣтъ раньше Пугачова, цѣлые годы высидѣлъ въ воронежскомъ острогѣ и пережилъ знаменитаго Емельяна, другой — Богомоловъ, схваченный въ волжскомъ козачьемъ войскѣ за годъ до Пугачова, умеръ, на дорогѣ въ Нерчинскъ, въ то самое время, когда Пугачовъ имѣлъ уже свое войско, артиллерию и крѣпости и успѣлъ наполнить ужасомъ цѣлую треть населенія Европейской и Азіятской Россіи. Но въ то время, когда Кремневъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи казни, а Пугачовъ былъ еще не больше какъ новопроду-

денный казакскій офицеръ (хорунжій), но уже мечтавшій о многомъ, — третій самозванецъ, никогда не бывшій въ Россіи и не русскій по происхожденію, но славянинъ, вдали отъ Россіи, но именемъ давно умершаго русскаго императора Петра III, приводилъ въ трепетъ и разбивалъ огромныя турецкія арміи, уничтожалъ всѣ планы и распоряженія сената Венеціанской республики, обращалъ въ бѣгство ея войска и не боялся ея флота, еще страшнаго въ то время. Судьба этого самозванца замѣчательна въ высшей степени: слава объ немъ прошла по всѣмъ государствамъ, и цѣлая Европа говорила о его побѣдахъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ; его именемъ взволнована была большая часть Турецкой Албаніи, Адриатическое поморье, нѣсколько городовъ и селеній территоріи Венеціанской республики и вся Черногорія: черногорцы, албанцы и венеціане неудержимо шли подъ его знамена, поднятыя во имя свободы.

Личность этого замѣчательнаго человѣка принадлежитъ не столько намъ, сколько Черногоріи; однако, она должна быть занесена на страницы русской исторіи, потому что черногорскій самозванецъ дѣйствовалъ именемъ Россіи и, по-видимому за Россію, приводя въ исполненіе, быть можетъ, ложно и необдуманно, но, можетъ быть, и искренно тѣ идеи, которымъ давно сочувствовали лучшіе люди славянскаго міра. Не его вина, если средства, которыми онъ располагалъ, были ничтожны, а сосѣди и тѣ, которые должны были быть его друзьями, боялись его и не задумались въ выборѣ средствъ погубить опаснаго для нихъ человѣка.

Еще до разрыва дружественныхъ сношеній между Россією и Оттоманскою Портою, въ концѣ 1767 года, когда даже въ Россіи, не только за границею, пять лѣтъ громкаго царствованія императрицы Екатерины II давно могли заставить забыть покойнаго императора Петра Ѳеодоровича, не долго царствовавшего и не успѣвшаго оставить по себѣ памяти, — по Черногоріи мгновенно прошла вѣсть, что онъ живъ и явился у Адриатическаго поморья, чтобы, соединивъ славянскіе народы, томившіеся подъ ярмомъ турецкаго покровительства и составлявшіе часть владѣній вольной Венеціи; образовать, вмѣстѣ съ Россією и Черногорією, одно великое славянское государство, съ господствующею греческою религією. Не знаемъ, могли ли понимать идею этого смѣло задуманнаго или, просто, нечаянно создавшагося плана юнаки-горцы и забитыя славянскія племена Адриатическаго побережья, воодушевляла ли ихъ идея соединенія съ Россією на столько, какъ можетъ намъ это казаться, или кругъ ихъ юнацкихъ понятій единственно ограничивался мечтою о близкой возможности подраться съ притѣснителями — «са турцима и съ вѣромъ латинскомъ», — только вѣсть о появленіи между ними русскаго царя встрѣтила горячее сочувствіе въ бѣдныхъ славянахъ.

Виновникомъ этого движенія былъ юноша, по-видимому, лѣтъ осьмнадцати, появившійся въ Черногоріи вскорѣ послѣ обнародованія въ Россіи манифеста о смерти императора Петра III и поступившій въ служеніе въ одному богатому черногорцу, хотя благородная наружность и горделивые приемы не соотвѣт-

ствовали его низкому званію. Никто не зналъ, кто онъ и откуда: знали, или, напротивъ, говорили только, что онъ пришелъ изъ Крайны. Пришлецъ былъ, по-видимому, богатъ, но никто не зналъ, откуда онъ имѣлъ деньги; видно было, что онъ получилъ хорошее образованіе, потому что зналъ нѣсколько языковъ и слылъ въ народѣ подъ именемъ врача. Въ одно время пришлецъ передалъ своему господину за тайну, что онъ — русскій императоръ Петръ Третій, что вѣсть о его смерти распущена русскимъ правительствомъ ложно и такъ далѣе. Намъ знакомы эти приемы: такъ Димитрій, будущій царь Россіи, слуга Вишневецкаго, открываетъ своему господину, что онъ сынъ московскаго царя и что вѣсть о его смерти распущена тѣми, которые покушались на его жизнь; такъ Пугачовъ, будто противъ воли и съ горестью, повѣряетъ тайну одному яицкому казаку, у котораго былъ работникомъ, что онъ — царь, котораго давно поминаютъ за упокой въ церквахъ, не вѣдая, что онъ живъ и пришелъ спасти Россію, и т. п.

Этотъ новый самозванецъ слылъ въ народѣ подъ именемъ Степана Малаго. Какимъ образомъ въ молодой головѣ его родилась мысль сдѣлаться славяно-русскимъ царемъ; былъ ли онъ къ тому настроенъ и воодушевленъ греческимъ духовенствомъ и православными славянскими монахами, которымъ опротивѣла роль рабовъ и безотвѣтныхъ жертвъ мусульманскаго начальства; помнилъ ли онъ старую дружбу сербскаго народа съ русскимъ и вѣрилъ возможности соединенія съ Россіею; была ли это тайная, глубоко скрытая, интрига Австріи,

Пруссіи, наконецъ, какой-либо другой державы или никому неизвѣстной партіи въ Польшѣ, даже въ Россіи, — мы не имѣемъ на это положительныхъ доказательствъ; но что онъ имѣлъ партизановъ въ калугерахъ и другихъ представителяхъ Черногоріи, былъ подготовленъ къ избранной роли, — это несомнѣнно. Онъ увѣрилъ тѣхъ, съ кѣмъ прежде столкнула его судьба, что вѣсть о его мнимой смерти и погребеніи была выдумана русскимъ правительствомъ, что онъ бѣжалъ изъ заключенія и пришелъ спасти славянскія племена и ихъ вѣру отъ турецкаго и латинскаго насилья, — тѣ же приемы, какіе употреблялъ въ свое время Пугачовъ, лаская народъ обѣщаніями свободы и облегченія податей, а раскольникамъ суля свободу вѣры и совѣсти. Черногорцамъ хотѣлось вѣрить словамъ самозванца, и они вѣрили имъ. Всего естественнѣе, что желанія ихъ не простирались вдаль; они не думали да, быть можетъ, и не были на столько развиты политически, чтобы думать о славянской федераціи: было бы имъ хорошо да вѣру ихъ не трогали, жить не мѣшали, — вотъ и все, чего желали они. Вѣроятно также, что и самъ Степанъ Малый не былъ такой энтузіастъ, чтобы мечтать о русской коронѣ; его мечты, быть можетъ, не то обѣщали ему, хотя самъ онъ и сулилъ скромнымъ калугерамъ много несбыточнаго.

Въ сентябрѣ 1767 года, изъ черногорской провинціи Майны, самозванецъ, какъ царь русскаго народа, послалъ въ Будву, въ одинъ изъ приморскихъ городовъ, принадлежавшій тогда Венеціи, прокламацію или манифестъ, съ тѣмъ, чтобы онъ прочитанъ былъ въ городѣ.

«Мы, Степанъ Малый (говорилось въ этомъ странномъ манифестѣ), который скоро будетъ *Великимъ*, возвѣщаемъ народу, что плоды не созрѣли еще; но когда настанетъ время, и созрѣютъ плоды, въ нихъ найдетъ народъ неисчерпаемыя сокровища — драгоценные камни, рубины, смарагды, сапфиры, алмазы, золото и серебро, — и каждый, кто увѣруетъ въ насъ, будетъ имѣть все, чего пожелаетъ. Миръ и благоденствіе тѣмъ, которые покорятся намъ, и горе невѣрующимъ и непокорнымъ: они погибнуть отъ меча и будутъ брошены въ море, которое ждетъ только нашего голоса, чтобы встать и поглотить все живущее.»

Съ манифестомъ отправленъ былъ монахъ Василій Марковичъ, въ то время канцлеръ и секретарь черногорскаго владыки Саввы Петровича. Странная, довольно витіеватая, но самоувѣренныя выраженія этой прокламаціи, которую жизнеописатель Степана Малаго называетъ «нѣсколько сумасбродною», произвели на жителей Будвы сильное впечатлѣніе. Марковичъ читалъ воззваніе вездѣ и всѣмъ, кто могъ его слушать, грозилъ и пугалъ именемъ Степана Малаго, ласкалъ обѣщаніями Богъ-вѣсть какого благополучія, — и скоро молва о появленіи въ Черногоріи русскаго царя прошла такъ далеко, какъ едва ли могъ рассчитывать смѣлый самозванецъ. Народъ вездѣ болѣе или менѣе довѣрчивъ, особенно тогда, когда ему тяжело жить, и тамъ особенно, гдѣ, при безвыходности положенія настоящаго, горя, ему сулятъ и перемѣну горькой жизни, довольство и счастье въ будущемъ; довѣрчивъ онъ къ этимъ обѣщаніямъ потому, что ему терять нечего, кромѣ

жизни, между тѣмъ какъ въ душѣ у бѣдняка еще остается надежда на лучшее. Особенно вѣрить всякимъ нелѣпостямъ доброе сердце славянина, котораго вся историческая, долговременная жизнь не успѣла много ознакомить съ тѣмъ, что другіе народы называютъ гражданскимъ благосостояніемъ. Понятно, что если русскаго мужика могъ увлечь Пугачовъ, и онъ шелъ подъ его бѣлое съ крестомъ знамя на встрѣчу смерти, не боясь ни кнута, ни Нерчинска, ни даже московской волокиты, то съ подобнымъ же чувствомъ ожиданія лучшей жизни отозвалась Черногорія на зовъ какого-то русскаго царя, котораго она никогда не видѣла; можетъ быть, къ этому примѣшивалось и другое чувство, даже страхъ, внушаемый именемъ самозванца. Наконецъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій стать подъ знамя Петра III была разнесенная по Черногоріи вѣсть, что уполномоченный русскимъ императоромъ калугеръ ихъ, Василій Марковичъ, возбуждавшій народъ къ возстанію, навлекъ на себя месть венеціанскаго правительства, которое старалось схватить отважнаго монаха. Встревоженный сенатъ оцѣнилъ даже его голову. Подобныя оскорбительныя распоряженія венеціанской полиціи не могли не напомнить народу цѣлаго ряда старинныхъ, кровныхъ обидъ, за которыя Венеція еще не заплачено. Воззванія Марковича сдѣлали то, что все поморье встало поголовно и пошло на встрѣчу русскому царю. Марковичъ увидѣлъ себя во главѣ многочисленнаго народнаго ополченія.

Жители пришли къ Степану съ поклономъ и поздравленіемъ; явились и чиновники изъ Каттаро, чтобы

имѣть честь представиться императору, — такъ велико было всеобщее воодушевленіе! Приморскія пространныя общины венеціанской Далмаціи, цѣлыя провинціи Албаніи и пограничныя сербскія общины, находившіяся подъ властію турокъ, узнавъ о прокламаціяхъ Марковича и слыша изъ устъ народа о появленіи Петра III, о томъ, что скоро настанутъ войны съ притѣснителями, что настанетъ скоро и свобода, — послѣдовали общему увлеченію и шли соединиться съ черногорцами. Вотъ почему такъ встревожился венеціанскій сенатъ; не менѣе того ошеломлено было и черногорское правительство, въ главѣ котораго находился тогда митрополитъ Савва, изъ рода Петровичей, человекъ добрый, но слабый, почитаемый народомъ болѣе изъ приличія, чѣмъ по внутреннему чувству любви и уваженія къ престарѣлому владыкѣ, который жилъ уединенно и ни во что не вмѣшивался. Тотъ, кѣмъ могуча была Черногорія, владыка Василій Петровичъ, племянникъ Саввы, умеръ въ Петербургѣ въ 1766 году. Около самозванца образовался дворъ, свита, назначены министры и генералы. Знаменитый Симо-Суцца, который давно былъ грозою турокъ, даже черногорцевъ, и всѣхъ, кто только могъ показать ему видъ сопротивленія, пожалованъ званіемъ великаго виночерпія царскаго и генераломъ его арміи. Напрасно старые, лишенные народнаго довѣрія, приверженцы правительственныхъ сторонъ Венеціи, Турціи и самой Черногоріи старались остановить волненіе населенія, увѣряя его въ неосновательности слуховъ, распущенныхъ партизанами самозванца, и представляя неопровержимыя доказательства, что Петръ

III дѣйствительно умеръ и погребенъ: народу было все равно, что ему ни говорили. Напрасно Венеція, ставъ за свои права, которыя сама давно разучилась уважать въ другихъ, силилась доказать, пуская въ народъ свои казенныя объявленія, что возмутившій его спокойствіе пришлецъ — не царь, а обманщикъ: сербъ не вѣрилъ уже въ то время ни венеціанскому сенату, ни его полиціи, тѣмъ менѣе могъ вѣрить дожу, потому что искони сербъ не любилъ «дужда млетачкога» и въ своихъ пѣсняхъ далъ ему мѣсто малымъ чѣмъ почетнѣе, какое отвелъ «проклетому» турку. Что же касается тогдашней главы Венеціанской республики, дожа Мочениго, то ни черногорецъ, ни далматинецъ не имѣлъ никакого повода любить его особенно, тѣмъ болѣе, что и въ самой Венеціи его не ставили ни во что, называя въ насмѣшку «догарессой» ¹⁾. Напрасно престарѣлый владыка старался вразумить своихъ подданныхъ письмами и словесными увѣщаніями, представляя сильныя доказательства въ подтвержденіе самозванства Степана Малаго. Тщетными, наконецъ, оказались и послѣднія мѣры къ подавленію возстанія: нашлись люди, которые сами были въ Петербургѣ, при жизни Петра Ѳеодоровича, и лично имѣли случай бесѣдовать съ покойнымъ императоромъ; они клялись, что видѣн-

---

¹⁾ Вотъ эпиграмма, сравнивающая двухъ послѣднихъ дожей Венеціи съ двумя римскими папами.

Gran doge Foscарini,
Gran papa Lambertini;
Ma Rezzonico papessa,
Moncenigo dogaressa.

ный ими царь нисколько не похожъ на того, который теперь пришелъ въ Черногорію. Тогда явились другіе свидѣтели: они стали увѣрять народъ, что ни указы венеціанскаго сената, ни внушенія владыки, ни показанія лицъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ и лично видѣвшихъ императора, никакъ не могутъ быть доказательствами самозванства явившагося между ними русскаго царя; что и сенатъ, и владыка, и всѣ, свидѣтельствующіе противъ Петра III, — его недоброжелатели и клеветы русскаго двора; что всѣ ихъ показанія и клятвы еще болѣе обнаруживаютъ ту таинственную нить интригъ, посредствомъ которыхъ Петръ III лишился престола; что все это ковы его враговъ, новыя преслѣдованія, отъ которыхъ несчастный императоръ не можетъ укрыться даже въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, у добрыхъ черногорцевъ, «своихъ друзей и братьевъ», у которыхъ онъ пришелъ просить защиты и помощи. Какъ самый сильный и неопровержимый аргументъ того, что явившійся среди ихъ народа странникъ есть дѣйствительно изгнанный изъ Россіи Петръ III, они представляли его любовь къ вину и водкѣ, къ *ракии*, которую царь охотно пьетъ съ своими новыми министрами и генералами ¹⁾. Наконецъ, не замедлилъ явиться еще одинъ свидѣтель въ пользу самозванца.

Въ Майнѣ, гдѣ прежде всего появился самозванецъ и открылся въ томъ, что онъ царь, былъ тогда сердарь Марко Тановичъ, который пользовался уваженіемъ и

---

¹⁾ Подлинныя слова жизнеописателя Степана Малаго.... son amour pour le vin et le *rachia* ou eau-de-vie qu'il buvoit en abondance avec ses nouveaux ministres d'état et ses généraux d'armée (Stiépan-Mali, p. 21).

полнымъ довѣріемъ какъ между своими близкими соотечественниками, такъ и между всѣми черногорцами; онъ имѣлъ вѣсъ въ народѣ и по своему происхожденію, и по родственнымъ связямъ, наконецъ, по богатству своихъ стадъ, и особенно потому, что былъ когда-то въ Петербургѣ, именно въ царствованіе Петра III, и былъ принятъ ко двору. Говорили, что онъ имѣлъ аудіенцію у покойнаго императора, часто былъ приглашаемъ къ его столу и много разъ пилъ тосты съ нимъ за здоровье и благоденствіе самого государя, его имперіи, за здоровье всѣхъ черногорцевъ, его друзей и братьевъ. Пользуясь такимъ авторитетомъ, Марко Тановичъ былъ первый изъ мірянъ, который поклялся передъ черногорцами своею жизнію и имуществомъ, что находящійся между ними странникъ — точно императоръ Петръ III, — въ то время, какъ извѣстный калугеръ Василій Марковичъ, который объявилъ въ Будвѣ манифестъ самозванца, самое уважаемое лице между своими монахами и всѣми священниками греческаго исповѣданія, говорилъ вездѣ, призывая Бога въ свидѣтели, что его слова и клятва Марка Тановича не ложны. Чтобы болѣе убѣдить народъ въ томъ, въ чемъ, кажется, онъ и безъ того убѣждался, Марко Тановичъ не смѣлъ отказаться отъ чести служить Степану Малому, когда самозванецъ, желая видѣть себя царемъ Черногоріи, назначилъ его своимъ великимъ канцлеромъ. Въ качествѣ канцлера, онъ носилъ государственную печать, которую будущій императоръ вручилъ ему, возлагая на него званіе перваго своего министра. Всего удивительнѣе то, — восклицаетъ по поводу этого обстоя-

тельства жизнеописатель Степана Малаго, — что великій канцлеръ Черногоріи, который долженствовалъ быть впослѣдствіи канцлеромъ всей имперіи російской — имперіи, въ настоящее время, самой обширной, какая только существовала со временъ древней Римской имперіи, — не умѣлъ ни читать, ни писать даже на своемъ родномъ языкѣ ¹⁾). Можетъ быть, Марко Тановичъ былъ прежній господинъ Степана Малаго, раньше всѣхъ признавшій въ своемъ слугѣ развѣнчаннаго императора, когда онъ пришелъ въ Майну; какъ бы то ни было, но это свидѣтельство и клятва рѣшили дѣло: черногорцы созвали вѣче и единодушно признали незнакомца своимъ и русскимъ царемъ. Энтузіазмъ и слѣпая вѣра въ лучшее будущее, подъ державой помазанника, котораго права они признали и готовились защищать, были такъ сильны, радость ихъ такъ обаятельна, что не только свободные черногорцы, но и другія общины, расположенныя по рѣкамъ Зетѣ и Морачѣ, — Бѣлопавличи, Пиперы и Кучи, находившіеся подъ властью турокъ, — отложились отъ султана и присягнули на подданство Россіи, въ лицѣ Петра III ²⁾).

Что касается до наружности и пріемовъ этого загадочнаго лица, то въ немъ, по-видимому, не было ничего общаго съ покойнымъ царемъ русскимъ. Очевидецъ такъ его описываетъ: самозванецъ былъ молодъ,

---

¹⁾ Stiépr.-Mali, p, 24-52. Для насъ это неудивительно, потому что и у Пугачова всѣ члены его военной коллегіи и государственнаго совѣта, даже предсѣдатели и самъ императоръ, не умѣли ни читать, ни подписывать своего имени.

²⁾ Путешеств. въ Черногор., Попова, 64.

имѣлъ прекрасные и живые глаза; онъ не былъ высокъ, но превосходно сложенъ; онъ говорилъ на многихъ языкахъ съ легкостію и большимъ изяществомъ. Несходство ли съ наружностію государя, имя котораго онъ принялъ, или другія причины заставляли его, особенно въ началѣ своего царственнаго поприща, принимать нѣкоторыя предосторожности съ лицами, съ которыми онъ имѣлъ сношенія: онъ старался держать себя нѣсколько въ сторонѣ, и такъ, чтобы всегда находиться въ полусвѣтѣ; «капакъ» свой (черногорская шапка, родъ фески) онъ надѣвалъ очень низко, надвигая къ самымъ глазамъ; его никто не видѣлъ neodѣтымъ, кромѣ развѣ самыхъ приближенныхъ лицъ и тѣхъ слѣпыхъ фанатиковъ, которые свято вѣрили его царственному происхожденію и неотъемлемымъ правамъ на русскій престолъ ¹⁾).

Было еще много другихъ обстоятельствъ, которыя ясно говорили, что Степанъ Малый вовсе не былъ той особой, за которую выдавалъ себя. Но — прибавляетъ его жизнеописатель — умъ человѣческій, по какимъ-то непостижнымъ законамъ противорѣчія, часто вѣрить тому именно, что всего менѣе вѣроятно, и нерѣдко цѣлыя массы, не имѣя силъ, а, можетъ быть, даже и охоты противостоятъ общему увлеченію, когда оно уже началось такъ или иначе, по чьей-либо прихоти, или просто по ошибкѣ или недосмотру, — покорно склоняются передъ тѣмъ, что создано и возвеличено ихъ же собственною фантазіею. Тѣмъ обаятель-

---

¹⁾ Stiép.-Mali, 21-22.

нѣе становится это увлеченіе, иногда, по-видимому, самое бессмысленное, чѣмъ болѣе оңо соединено съ положительными ожиданіями и требованіями массы и ведетъ къ цѣли, къ которой хотѣлось бы дойти тѣмъ или другимъ путемъ, только бы скорѣе и вѣрнѣе, или хотя бы какъ-нибудь и когда-нибудь. При Пугачовѣ, русскій народъ видѣлъ вдали не Пугачова на тронѣ, а свои мелкія, можетъ быть, безумныя и даже положительно незаконныя, требованія и ожиданія дошедшими, наконецъ, до цѣли; изъ-за релей, на которыхъ самозванецъ вѣшалъ всѣхъ, кто шелъ на перекоръ его, по-видимому, сумасброднымъ домогательствамъ, народу свѣтились давно ожидаемая льготы, довольство жизни, и мало ли еще что. Не за Пугачова онъ шелъ умирать. Черногорскій самозванецъ не могъ не признавать этой простой истины, быть можетъ, угадывая ее чутьемъ своего генія, потому что онъ именно такъ взялся за дѣло, какъ слѣдовало: онъ явился какъ-будто олицетвореніемъ народной воли, ясно указавъ черногорцамъ на то, что они, конечно, сами признавали въ глубинѣ души, но пока безотчетно,—и увлекъ все за собою.

Между тѣмъ, какъ новоизбранный царь Черногоріи разсылалъ вездѣ свои горячія воззванія, прокламаціи, наконецъ, манифесты, держа народъ въ постоянной лихорадкѣ ожиданія чего-то сверхъестественнаго и волнуя обѣщаніями всего, что только было ему любо, голосъ его великаго канцлера раздавался у воротъ и подъ стѣнами Будвы, куда прежде посланъ былъ манифестъ еще съ монахомъ Василіемъ, и которая те-

перь заперлась въ своихъ укрѣпленіяхъ, у стѣнъ Зупани и, наконецъ въ самой средѣ населенія, подвластнаго Венеціанской республикѣ. Марко вездѣ, куда ни приходилъ, кричалъ къ окружающимъ его толпамъ народа: *добра вѣра!... добра блага!...* и толпы эти увеличивались при всякомъ произнесеніи Маркомъ этихъ магическихъ словъ и росли съ каждымъ днемъ, чѣмъ дальше шелъ Марко. Едва ли проповѣдь первыхъ апостоловъ могла производить на слушателей такое магическое дѣйствіе, какъ жаркія и отчасти мистическія рѣчи этого черногорца, говорившаго народу, что настало время освобожденія и мести за старые долги сильныхъ сосѣдей Черногоріи. Вѣсть о воззваніяхъ Марка достигла, наконецъ, Венеціи. Венеціанское правительство немедленно приказало поймать и арестовать канцлера-возмутителя, а въ скоромъ времени отсѣнило его голову. Такъ опасно было для болѣзненнаго организма старой, начинавшей уже внутренно распадаться республики вліяніе возмутительныхъ рѣчей этого человѣка. Натурально, что казенныя фразы указовъ венеціанскаго сената и мѣстныхъ властей, какъ бы онѣ ни были энергичны, не могли произвести на черногорцевъ того впечатлѣнія, какое испытывали они, слушая воззванія Марка и читая манифесты Степана Малаго; указы эти были безсильны подавить волненіе даже въ тѣхъ изъ подданныхъ республики, которые увлечены были примѣромъ свободныхъ черногорцевъ и начинали волноваться. Произошло даже то, чего не ожидала республика: простой народъ переходилъ толпами на сторону самозванца; являлись къ нему и офи-

церы венеціанской службы. Впереди не видно было ничего хорошаго. Тогда Венеція поспѣшила привести въ оборонительное положеніе всѣ пограничныя съ Черногорією города и гавани; военные отряды, поставленные въ разныхъ мѣстахъ Далмаціи, вошли въ крѣпости и заперли ихъ. Между тѣмъ самозванецъ съ каждымъ днемъ дѣлалъ удивительные успѣхи; уже нѣсколько разъ, съ своимъ великимъ канцлеромъ и другими генералами своей свиты, между которыми было нѣсколько храбрыхъ венеціанскихъ офицеровъ, онъ подходилъ къ самымъ укрѣпленіямъ городовъ Будвы и Каттаро; республиканскіе начальники этихъ городовъ, не смотря на свои грозные декреты противъ возмутителей, дрожали отъ страха въ своихъ укрѣпленныхъ и наполненныхъ солдатами городахъ, между тѣмъ какъ мнимый Петръ III, его офицеры и солдаты, обвиняемые республикою въ измѣнѣ законной власти и заочно осужденные на казнь, — уничтожали ихъ виноградники и сады оливковыхъ деревьевъ и грабили всякое попадавшееся имъ жильё по окрестностямъ этихъ городовъ ¹⁾.

Митрополитъ Савва, при всей своей нравственной слабости и потерявъ всякое значеніе въ странѣ, не переставалъ, впрочемъ, безъ всякой пользы, возмущать народъ противъ Степана Малаго, тщетно называя его похитителемъ царской власти. Зимой, около Рождества, пріѣхалъ въ Черногорію сербскій патріархъ Василій Іоанновичъ Берчичъ, сверженный съ патріаршаго престола, по приказанію турецкаго правитель-

---

¹⁾ Stiépan-Mali, 25 — 26.

ства, и заключенный на островъ Кипръ. Ему удалось бѣжать изъ заключенія и пробраться въ Печь; но тамъ турки узнали его, хотѣли убить, и только особеннымъ счастьемъ онъ успѣлъ бѣжать оттуда въ единственное безопасное для него мѣсто. Онъ явился въ Черногорію. Митрополитъ Савва принялъ его и просилъ поставить владыку Черногоріи, потому что, по смерти послѣдняго владыки, Василя Петровича, любимца императрицы Елисаветы Петровны, Черногорія оставалась безъ правителя; самъ же онъ былъ слабъ и старъ, а Степанъ Малый отнялъ у него, вмѣстѣ съ волей, и послѣднее значеніе, какое онъ имѣлъ до появленія этого загадочнаго человѣка среди управляемаго имъ народа. Изгнанный патріархъ рукоположилъ во владыки Черногоріи Арсенія, изъ рода Пламенацъ. Это странное разъединеніе власти между новопоставленнымъ владыкою, митрополитомъ Саввою, на которомъ все еще оставалась слабая тѣнь прежняго господства надъ страною, и Степаномъ Малымъ — породило новые безпорядки въ Черногоріи, но не уменьшило вліянія послѣдняго: оно росло съ каждымъ днемъ и съ каждымъ днемъ умалялось значеніе двухъ владыкъ-монаховъ, а Черногорія становилась все страшнѣе для сосѣдей.

Встревоженная и чувствовавшая свое безсиліе Венеція писала Портѣ, предвѣщая ей возстановленіе Сербскаго царства, если она не обратитъ вниманія на происшествія въ Черногоріи ¹⁾.

---

¹⁾ Путешест. въ Черногор., 95.

Дѣйствительно, страшный призракъ могущественнаго Сербскаго царства, какимъ оно было при Душанѣ, начиналъ уже носиться передъ испуганными глазами Венеціи и Порты. Съ самыхъ первыхъ дней управленія Черногоріею, Степанъ Малый сдѣлался неограниченнымъ ея властелиномъ. Государство это, управлявшееся до того времени патріархально, въ обычаяхъ старины, представляло видъ большой нестройной общины, которая умѣла отстаивать свою независимость въ борьбѣ съ внѣшними посягателями на ея свободу, но внутренно страдала болѣзнью полной неурядицы, совершенной безправностью и какой-то запутанностью отношеній разныхъ общинъ между собою; права и личныя отношенія гражданъ-общниковъ также не были опредѣлены: все спутано, перемѣшано; каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, живя грабежемъ и съ полной безпечностью полудикаго горца: пилъ «руйно вино и ракію», если то и другое заводилось въ его жалкой хижинѣ; зналъ только свою «бритку саблю» и любилъ своего «дѣога пеливана», если былъ у него конь, хотя краденый. Неуважая ничего, кромѣ силы, и признавая только нѣкоторые пустые обычаи наружнаго почтенія въ отношеніи къ владыкѣ и старинѣ, черногорецъ ничего и никого не боялся, слушаясь только голоса внутреннихъ побужденій, которыя не всегда могли быть чисты и честны, особливо у народа полуразвитаго, видѣвшаго примѣры жизненныхъ гражданскихъ отношеній только въ туркахъ, плохихъ учителяхъ этой науки. — Степанъ Малый заставлялъ уважать въ себѣ и силу, и права. Приказанія его исполнялись свято; его слово было страшно для

самаго отчаяннаго «деліи» — разбойника, не боявша-
гося ни общины, ни владыки. Сила воли этого чело-
вѣка была такъ обаятельна для всѣхъ, его вѣрутыя
мѣры имѣли такую власть надъ черногорцами, что
никто не смѣлъ даже подумать сдѣлать то, что не
правилось этому новому, молодому владыкѣ. Степанъ
Малый съ намѣреніемъ бросалъ на скалахъ и клалъ
на деревьяхъ, у большихъ дорогъ, кошельки съ золо-
томъ, и эти черногорцы, неуважавшіе ни чьихъ правъ,
не знавшіе ни чьей собственности, которую нельзя
было бы украсть, отнять и т. д., не смѣли дотронуться
до этихъ денегъ, помня хорошо, что Степанъ Малый
найдетъ виновнаго; а если кто и рѣшался взять бро-
шенный кошелекъ, то за тѣмъ только, чтобы прине-
сти и отдать въ руки царю ¹⁾. Рассказываютъ, что онъ
бросилъ нѣсколько цехиновъ на дорогѣ близъ Каттаро,
и въ продолженіе долгаго времени никто ихъ не тро-
нулъ ²⁾. До его прихода въ Черногорію, право родо-
вой мести, какъ вообще у полудикихъ народовъ, оста-
валось во всей силѣ; а при такомъ состояніи обще-
ственныхъ отношеній сильный могъ всегда убивать сла-
баго; никто не имѣлъ права судить равнаго себѣ,
даже самаго послѣдняго нищаго и открытаго вора и
убійцу, какимъ бы то ни было положительнымъ за-
кономъ: смерть за смерть — и дѣло кончено, никакихъ
тяжбъ и споровъ. Местъ была господствующимъ нача-
ломъ черногорскаго права. Слабая женщина, дряхлая

---

¹⁾ Stiépan-Mali, 16 — 17.

²⁾ Путешест. въ Черногор., 96.

мать, или безсильный старикъ сохраняли, иногда нѣсколько десятковъ лѣтъ, окровавленную рубашку своего сына, или мужа, или брата, для того, чтобы передать ее по наслѣдству ребенку, какъ неотъемлемое достояніе своего дома; возмужавъ и будучи въ силахъ взять отцовскую саблю и карабинъ, онъ обязанъ запачкать — по ихъ понятіямъ умыть — руки въ крови убійцы своихъ родственниковъ, а за смертью убійцы мстить на его сынѣ, внукѣ, на его родѣ и потомкахъ. Степанъ Малый едва только провозглашенъ былъ царемъ Черногоріи, созвалъ народъ на вѣче и уговаривалъ бросить этотъ варварскій обычай кровавой мести, совѣтовалъ прощать другъ другу обиды, раны и убійства. До его появленія, между черногорцами самыя жестокія гражданскія преступленія оставались не наказанными, если виновный былъ увѣренъ въ быстротѣ ногъ своего коня, имѣлъ при себѣ саблю, пистолеты, винтовку и мѣтко стрѣлялъ; Степанъ Малый жестоко наказывалъ самыя легкіе, по-видимому, ничтожные проступки, не принимая ничего въ оправданіе вины. Онъ старался ввести между своими подданными устное судопроизводство, но чтобы оно основывалось на твердыхъ законныхъ началахъ. Онъ назначалъ особыхъ исполнителей своихъ распоряженій и народныхъ судей по уголовнымъ преступленіямъ, которые обязаны были доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ безпорядкахъ страны, убійствахъ, обидахъ, грабежахъ, и онъ самъ уже опредѣлялъ мѣру наказанія. Потому ли, что онъ слишкомъ хорошо понималъ духъ этого народа, который нельзя было полумѣрами подвинуть на радикальныя перемѣны

въ государствѣ и на искорененіе самыхъ непростительныхъ гражданскихъ пороковъ, или только по сознанію необходимости заставить черногорцевъ уважать законъ и бояться его больше турецкой неволи, — только наказанія его были иногда слишкомъ неумѣренны, и сами черногорцы, конечно противной, консервативной партіи, обвиняли его въ жестокости. Въ числѣ другихъ случаевъ излишней суровости правосудія Степана Малаго, особенно одинъ надѣлалъ много шума и толковъ по цѣлой Черногоріи. Въ нахіи (провинціи) Чермницкой братъ убилъ роднаго брата. Степанъ Малый принудилъ всѣхъ черногорцевъ искать «новаго Каина». Убійца бѣжалъ изъ своей общины за рѣку Морачу, черезъ горы, къ Подгорицамъ, и скрылся въ церкви, считая себя совершенно безопаснымъ отъ преслѣдованія. Еще по законнику сербскаго царя Стефана Душана и по народному обычаю всякій преступникъ становился неприкосновеннымъ лицомъ, если успѣвалъ скрыться въ храмѣ у престола; никакая власть, ни воля царя, ни голосъ всего народа, ни самое высокое духовное лице, — ничто не имѣло права требовать преступника изъ этого священнаго убѣжища, а тѣмъ менѣе переступить порогъ храма и коснуться бѣглеца. Степанъ Малый зналъ, что этотъ, освященный временемъ, обычай, хотя и трогательный, былъ сильнымъ потворствомъ преступленіямъ всякаго рода. Онъ приказалъ взять бѣглеца изъ убѣжища. Убійца приведенъ былъ въ домъ своихъ родителей, и тамъ принудили самого роднаго отца его и оставшихся родныхъ братьевъ несчастнаго повѣсить братоубійцу на деревѣ, передъ

самой дверью дома ¹⁾). Въ памяти самыхъ престарѣлыхъ черногорцевъ не нашлось другаго подобнаго примѣра: это былъ первый, что убійца осужденъ на смерть по закону преобразователя Черногоріи, а не наказанъ по обычаямъ кровавой мести, если только было кому въ семействѣ мстить смертью сыну или брату за убійство другаго близкаго существа.

Неудивительно, что при видѣ того, что теперь дѣлалось въ Черногоріи, передъ Венеціею и Турціей всталъ призракъ того Сербскаго царства, которое давно погибло, одними своими силами отстаивая (на Косовомъ полѣ) Европу и ея цивилизацію отъ напора турокъ съ ихъ восточнымъ деспотизмомъ и которое таки не пустило ихъ далеко за Дунай. Для того, чтобы остановить въ самомъ началѣ быстрые и опасные успѣхи молодаго черногорскаго царя, нарушившіе покой самого султана, лѣтомъ 1768 года дано было приказаніе визирю Босніи и Румеліи, а также пашѣ скутарійскому двинуться съ войсками къ границѣ Черногоріи. Собрана была громадная, 180 тысячная армія. Такія силы были въ то время страшны самой Россіи и могли задавить не одну Черногорію. Вышло напротивъ. Въ августѣ войска обложили Черногорію съ трехъ сторонъ, съ юго-востока вдоль по восточной границѣ до самыхъ сѣверныхъ оконечностей новосформированнаго царства. Прежде, чѣмъ начались военныя дѣйствія, визирь вступилъ въ переговоры съ черногорцами и требовалъ выдачи мнимаго Петра III и бѣжавшаго изъ ссылки сербскаго

---

¹⁾ Stiépan-Mali, 16—18.

патріарха Берчича; но черногорцы отказали въ этомъ, увѣряя, что у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго ¹⁾. Война началась. Выступили первые эскадроны сипаевъ, встрѣтились съ черногорцами и въ сраженіи, гдѣ юный лжеимператоръ Петръ лично распоряжался ходомъ битвы, сипаи были разбиты. Венеціанцы, подозрѣваемые константинопольскимъ диваномъ, Богъ-вѣсть на какомъ основаніи, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ черногорскимъ царемъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ они боялись его едва ли не больше, чѣмъ сами турки, — чтобы отклонить подозрѣнія Порты и успокоить ее, а также и для собственнаго спасенія, отправили всѣ свои регулярныя войска противъ царя и его подданныхъ. Но этихъ войскъ было не достаточно. Тогда сенатъ далъ приказаніе формировать новыя войска: собраны были отряды солдатъ въ континентальныхъ провинціяхъ республики и въ Далмаціи. Проведиторъ этой провинціи Доменико Кондульмеръ, котораго резиденція находилась въ Зарѣ (Сполатро), прибылъ въ Каттаро со всѣми принадлежностями войны самой грозной. Употреблены были всѣ усилія, пошли въ дѣло всѣ средства, какими только могла располагать республика. Но истощенная, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, войною съ Тунисомъ и Триполи, пострадавшая на морѣ, гдѣ ея флоты уступили морскимъ силамъ африканскихъ пиратовъ и она заплатила имъ тяжкую контрибуцію, внутренно разбитая, наконецъ, деспотизмомъ кастъ ²⁾, раздиравшихъ одна другую, она чувство-

---

¹⁾ Путешест. въ Черногор., 95.

²⁾ «Despotisme de la république»..., Daru, V, 58.

вала, что ослабѣвшій механизмъ ея не въ состояніи будетъ выдержать продолжительную и упорную войну, которую, можетъ быть, пришлось бы вести даже съ своими подданными, внутри своихъ собственныхъ владѣній. Доменико горько убѣдился, что его армія слишкомъ слаба и ничтожна, хотя и не малочисленна, чтобы бороться съ силами черногорскаго царя, постоянно новыми и постоянно возрастающими. Сенатъ, возбуждаемый и угрожаемый Портою и предчувствуя, по началу грозныхъ событій въ Черногоріи, близкую опасность для своего собственнаго спокойствія и цѣлости республики, и безъ того внутренно распадавшейся, отозвалъ Доменика Кондульмера, а на его мѣсто послалъ Цуанне Цусто, съ предоставленіемъ ему неограниченной власти въ дѣлѣ войны, и подчинилъ ему, въ качествѣ генералиссимуса войскъ республики, графа Карла Вирцбурга, нѣмца, бывшаго прежде генераломъ австрійской службы ¹⁾).

Военные корабли всѣхъ размѣровъ, линейные, фрегаты и другіе, покрыли Адриатическое море ²⁾; арсеналы съ трудомъ могли снабжать оружіемъ солдатъ какъ изъ итальянцевъ, такъ и изъ морлаковъ. Медлить было невозможно, потому что молва о черногорскихъ событіяхъ, какъ электрическая искра, пробѣжала изъ одного конца Адриатическаго поморья въ другой; всѣ народы, сосѣдніе съ Черногоріею, которыхъ, конечно, не могло улаживать владычество надъ ними Венеціи,

---

¹⁾ Stiépan-Mali, 27 — 28.

²⁾ См. Daru. Histor. de la répub de Ven. V. о морскихъ силахъ Венеціи.

Турціи и даже Австріи; могли встать за свою свободу, и дѣло, начатое Степаномъ Малымъ, не кончилось бы въ предѣлахъ одной Черногоріи, — отголоски его слышались уже далеко отъ Будвы и Каттаро: европейскія газеты, занятыя болѣе важными политическими событіями; происходившими въ то время во Франціи, Индіи и на Средиземномъ морѣ, заговорили и о черногорскомъ царѣ, какъ не говорили никогда ни о митрополитѣ Саввѣ, ни о другихъ владыкахъ. Около октября 1768 года венеціанская армія, состоявшая изъ 15 тысячъ человѣкъ и подкрѣпляемая якорнымъ флотомъ, который имѣлъ стоянку у Будвы, близъ острова Саввы, расположилась лагеремъ и развернула свои знамена въ самой равнинѣ города Будвы, между горою С.-Сальвадоръ, Меренъ и небольшою рѣчкой, которая вливается въ море и чрезъ которую перекинуть мостъ въ предмѣстьи Будвы; другіе отряды потянулись по западной границѣ Черногоріи до самаго Грахова; третьи заняли приморскія скаты горъ и доходили до самаго города Бара, ниже Скутарскаго озера. Съ остальныхъ сторонъ облежала Черногорію огромная турецкая армія, о которой мы сказали выше. Степанъ Малый явился къ венеціанскому войску, съ своимъ великимъ канцлеромъ. Если Марко Тановичъ, говоритъ очевидецъ всѣхъ битвъ Степана Малаго, не умѣлъ ни читать, ни писать, подобно великимъ канцлерамъ другихъ государей, то взамѣнъ всего этого онъ умѣлъ сражаться, какъ Геркулесъ; а при случаѣ эта способность стоитъ всѣхъ другихъ. Съ 5-ю тысячами черногорцевъ, которыхъ Степанъ Малый привелъ съ собою къ Будвѣ, онъ

напалъ такъ стремительно и такъ неожиданно на венеціанскую армію, произвелъ такую страшную бойню, что венеціанцы смѣшались; отрывая съ самыхъ вершинъ горъ, подъ которыми расположено было войско республики, огромные камни и обломки скалъ, черногорцы пускали ихъ на головы несчастныхъ солдатъ. Съ страшнымъ шумомъ скатывались съ горъ груды камней въ самую середину непріятельскаго войска, и все смяли, разстроили и перебили. Къ довершенію несчастія, поднялась ужасная буря, хлынулъ дождь, заблистали молніи, ударилъ громъ; черногорцы такъ и засыпали камнями, увѣчили и давили все, что было подъ горою. Буря помогла имъ. Венеціанское войско пришло въ такой ужасъ, что едва успѣло заклепать свои пушки и бѣжало въ безпорядкѣ; обезумѣвшіе отъ страха итальянцы и морлаки, бросали оружіе, покинули лагерь со всѣми припасами и пожитками; все войско сѣло на корабли, чтобы принести сенату печальную вѣсть о своемъ пораженіи. Храбрый нѣмецкій генералъ, графъ Вирцбургъ, нравственно убитый, уничтоженный мыслью, что его побѣдилъ этотъ новый, таинственный Петръ III, которому не было 18 лѣтъ отъ роду, и его канцлеръ, котораго всѣ познанія ограничивались умѣньемъ владѣть саблей, — мучимый стыдомъ, просилъ отставки и, спустя не много времени, умеръ въ Падуѣ отъ тоски и отчаянія ¹⁾).

Народная пѣсня сохранила воспоминаніе объ этой битвѣ, и слѣпой бандуристъ, играя на своемъ не

---

¹⁾ Stiépan.-Mali, 28 — 30.

хитромъ и мало музыкальномъ инструментѣ (*пѣва узгусле*), поетъ и теперь про Степана Малаго:

Паде страшна киша изъ облака,
Ударише мунье и громове
Усредь войске дужда млетачькога,
Близу Будвы града млетачькога,
И у таборъ други громъ удри,
Ударіо паши Скадраскога
На дно равна поля Церницекога:
Разагнаше войска обадвіе.... ¹⁾.

Народная фантазія соединила здѣсь двѣ битвы при Будвѣ и слѣдующую, которая дана была при Скутарскомъ озерѣ. Дѣйствительно, почти въ одно время черногорцамъ приходилось отражать двухъ сильнѣйшихъ враговъ: оставивъ одну часть границъ незащищенною, они были въ опасности видѣть непріятеля въ своихъ родныхъ горахъ, — а этого имъ не хотѣлось. Въ то время, когда венеціанскія войска стянуты были къ Будвѣ, турки обложили восточныя границы владѣній Степана Малаго, и какъ волки (*вуци*, по выраженію черногорцевъ) стремительно врывались въ порубежныя нахія. Послѣ пораженія венеціанской арміи, нужно было много усилій и средствъ, чтобы отбивать напоръ 180-тысячнаго турецкаго войска. Былъ ли Степанъ Малый все еще подъ Будвой, или внутри Черногоріи, только войско его вступило въ бой съ турками не подъ его начальствомъ. Имъ командовалъ какой-то

---

¹⁾ «Полился страшный дождь изъ облаковъ, ударили молніи и громы въ середину войска дожа венеціанскаго, близъ Будвы, города венеціанскаго, и другой громъ ударилъ въ лагерь паши skutарійскаго, вглубь Черницкой долины: громы разогнали оба войска». Путеш. въ Черног., 95.

генераль его свиты, имени котораго мы не знаемъ ¹⁾. Битва была продолжительная и упорная; она длилась цѣлыхъ пять часовъ, отъ десяти утра до трехъ по полудни. Наконецъ, турки дрогнули и отступили. Армія ихъ потянулась къ берегамъ Скутарскаго озера. Въ этомъ сраженіи черногорцы, говорятъ, дрались, какъ арабы пустынь и древніе паряне. Но въ пылу битвы, увлеченные побѣдой и упорствомъ турокъ, они не умѣли да и не могли остановиться вѣ-время: сошли съ горъ и ударили снова на отступавшаго непріятеля. Завязалось новое сраженіе, и можетъ быть снова побѣдили бы черногорцы, если бы битва шла въ горахъ, между скалъ и пропастей, гдѣ черногорцы непобѣдимы; но сраженіе дано было на равнинѣ; горсть храбрыхъ юнаковъ была вся на виду; турецкая кавалерія и пѣхота могла развернуться и задавить не такого малочисленнаго противника; наконецъ, пушкамъ турецкимъ легко было дѣйствовать на равнинѣ. Рѣзня была ужасная, и черногорцы остались скорѣе побѣжденными, чѣмъ побѣдителями. Можетъ быть, не видя впереди своего царя, который такъ умѣлъ воодушевлять свои войска и наводитъ неописанный ужасъ на турокъ, гдѣ ни показывался; можетъ быть, потому, что правильныя битвы, на равнинахъ, безъ пушекъ, никогда не могли быть выгодны для черногорцевъ, — только они отступили. Говорятъ также, что у нихъ не достало

---

¹⁾ Жизнеописатель Степана Малаго говоритъ о немъ: Ce général est fort connu aujourd'hui en Europe et au de là de l'Océan par ses projets politiques et ses ouvrages de poésie, d'histoire et surtout de philosophie etc. etc. etc. Stiérop.-Mali, 30.

пороху. Какъ бы то ни было, но и турецкая армія, которая находилась уже въ Чермницѣ, наводнивъ почти всю нахію, принуждена была ретироваться къ Скутарскому озеру и тамъ осталась. Скутарійскій паша Мегметъ-Кюръ показывалъ видъ, что торжествовалъ побѣду. Турки хвастались. Паша успѣшилъ даже отправить въ Константинополь курьера съ депешами и варварскими изъявленіями сомнительнаго торжества: курьеръ повезъ съ собою знамена, значки, головы, отрѣзанныя у мертвыхъ, усы, носы, и уши черногорцевъ, какъ трофеи великой побѣды. Но побѣда была далеко не полная. Замѣтимъ только слѣдующее: паша Мегметъ-Кюръ, который отчасти былъ причиною войны турокъ съ черногорцами, въ скоромъ времени принужденъ былъ принять ядъ и отравился, чтобы избѣжать болѣе постыдной участи—быть удушеннымъ, по приказанію султана. Мустафа, вѣроятно, зналъ больше, чѣмъ предполагалъ несчастный паша.

И такъ, первыя двѣ битвы стоили венеціанцамъ и туркамъ жизни двухъ полководцевъ: одинъ умеръ, конечно, не отъ торжества, да и другой отравился не съ радости.

Было и еще много сраженій между черногорцами и турками, но они кончались менѣе счастливо, чѣмъ первыя: казалось, счастье оставило Степана Малаго. У черногорцевъ не доставало средствъ вести войну; напротивъ, турки не имѣли недостатка ни въ чемъ, и хотя войска ихъ, расположенныя въ Албаніи и около Скутарскаго озера, не были уже страшны, особенно послѣ трагической смерти Мегмета-Кюра, но остава-

лась еще сильная армія визиря Босніи и Румеліи, которую не легко было отодвинуть. Въ частыхъ схваткахъ съ передовыми его отрядами черногорцы не смѣли даже стрѣлять въ турокъ, боясь истратить лишній зарядъ, потому что у нихъ вышелъ весь порохъ; ихъ еще спасали горы, но и горы не всегда же можно было отстаивать саблею и камнемъ, потому что другого оружія они не имѣли. Визирь успѣлъ завоевать всю Берду, и только западныя нахіи оставались во власти Степана Малаго, да и тамъ онъ не былъ безопасенъ. Казалось, его дѣло, начатое такъ славно, должно было погибнуть въ самомъ началѣ. Только отчаяніе еще поддерживало черногорцевъ и давало имъ новыя силы не падать духомъ въ такія минуты, когда другой на ихъ мѣстѣ давно бы кончилъ эту утомительную войну. Самозванецъ вѣрилъ, кажется, въ свое счастье и въ свои нравственные силы — и спасъ Черногорію. Передъ началомъ зимы этого года, къ визирю, который находился въ Кчевѣ, везли обозъ съ порохомъ и свинцомъ. Черногорцы отбили его и начали снова ожесточенную войну съ своими притѣснителями. Поражая непріятеля вездѣ, гдѣ бы онъ ни встрѣчался, пробираясь между скалъ и пропастей, которыя изучили въ дѣтствѣ, черногорцы вознаграждали потерянное въ бездѣйствіи время, тревожили врага на всѣхъ пунктахъ, выбивали его изъ всѣхъ позицій и, наконецъ, принудили сойти съ горъ и укрыться въ долинахъ. Визирь, смущенный потерей обоза съ порохомъ и новыми успѣхами царя, наконецъ, видя приближеніе зимы, прекратилъ войну и удалился.

Такъ кончился первый періодъ войнъ Степана Малаго съ сосѣдами и первые мѣсяцы его царствованія.

Идея, во имя которой дѣйствоваль Степанъ Малый, была такъ обаятельна для всѣхъ подавленныхъ народностей Балканскаго полуострова, Мореи и острововъ Архипелага, успѣхи его западали въ душу угнетенныхъ племенъ юговосточной половины Европы такой живительной надеждой на возрожденіе всего, что было безжалостно разбито и уничтожено чуждыми элементами не только тюрской, но и романо-нѣмецкой преобладающей расы, — что молва о черногорскомъ царѣ — не изъ газетъ, конечно — наполнила собой все восточное побережье Средиземнаго моря, и имя его стало у всѣхъ идеаломъ возрожденія къ лучшей долѣ. Сербскіе славяне, жители Нижней Албаніи, майноты, обитатели древняго Лакедемона, наконецъ, іерусалимскіе греки начали открыто выражать свою вражду къ Турціи и готовились къ возстанію на всѣхъ пунктахъ. Петербургскій кабинетъ, искавшій, какъ нѣкоего блага, случая впутать Турцію въ какія-либо политическія дразги, былъ бы совершенно счастливъ, видя такое движеніе на югѣ, если бы, въ крикѣ волновавшихся племенъ, не звучало имя Петра. Отъ Венеціи до мыса Матапана въ Мореѣ, между именами Степана Малаго и Стефана Пикколо (такъ итальянцы называли Степана Малаго), слышалось также имя Петра III. Конечно, не это имя надѣлало столько шума, а слухи о томъ, что оно соединено съ другимъ именемъ — именемъ свободы и борьбы съ притѣснителями. Турція, понимавшая, безъ сомнѣнія, виды петербургскаго кабинета

и косвенное участіе его во всѣхъ смутахъ на югѣ, — озлобилась до того, что посадила нашего посланника въ Константинополѣ, Обрѣзкова, въ семибашенную крѣпость за то будто бы, что, во время извѣстной «Уманьской рѣзни», гдѣ такую горькую славу пріобрѣли себѣ герои малороссійскаго простонародья, Желѣзнякъ и Гонта, одинъ отрядъ гайдамаковъ перешелъ турецкую границу и напалъ на Балту, куда скрылись преслѣдуемые имъ паны и жида. Оскорбленная, въ лицѣ своего посланника, императрица Екатерина II объявила султану войну, призывая Бога въ свидѣтели правоты своего дѣла и называя Мустафу, въ письмѣ къ Вольтеру, деспотомъ и выжившимъ изъ ума старикашкой; въ то же время она приглашала Вольтера погостить въ новой ея столицѣ — Константинополѣ. Въ газетахъ между тѣмъ, трубили о предсказаніи одного англійскаго ученаго, бристольскаго епископа, доктора Невтона, доказывавшаго неизбѣжную гибель Порты многими разумными данными и словами пророка Даніила: *И соберется на него царь стѣверскій съ колесницами и съ конники и съ корабли многими, и внидетъ въ землю, и сокрушитъ, и мимо идетъ* (гл. XI, с. 40) ¹⁾. Въ манифестѣ, объявлявшемъ русскому народу о причинахъ разрыва мира съ Портою, ни слова не было сказано о Степанѣ Маломъ, ни о черногорскомъ народѣ; на самомъ же дѣлѣ императрица сильно рассчитывала на помощь этого народа и отправила въ Черногорію князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, съ знаками

---

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости, 1769 г., № 85.

самаго дружественнаго расположенія, — но только не въ пользу мнимаго Петра III.

Этотъ эпизодъ изъ русско-черногорской исторіи имѣетъ высокій интересъ, хотя, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни секретная переписка петербургскаго кабинета, ни словесныя, конфиденціальныя приказанія самой императрицы относительно черногорскаго Петра Ѳедоровича, ни личныя распоряженія Долгорукаго; мы не знаемъ ни того, что и въ какихъ выраженіяхъ говорилъ князь съ черногорцами о самозванцѣ, ни того, что они ему отвѣчали: знаемъ только, изъ разсказа самовидца, что происходило въ самой Черногоріи во время этого таинственнаго посольства, какъ принять былъ князь, и какой имѣло результатъ посѣщеніе Черногоріи русскимъ сановникомъ.

Князь Долгорукій отправился изъ Россіи во флотъ, который посланъ былъ въ Средиземное море, подъ начальствомъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова (будущаго Чесменскаго) и Спиридова. Въ то время, когда графъ Орловъ, какъ говоритъ Шлоссеръ, «проводилъ карнавалъ въ Венеціи, не переставая волновать майнотовъ и пелопонезскихъ жителей, посредствомъ ихъ собственныхъ начальниковъ, или черезъ своихъ лазутчиковъ, которые, переодѣвшись священниками, избѣгали всякихъ подозрѣній» ¹⁾, князь Долгорукій тайно пробрался въ Черногорію, какъ говорятъ, на рыбацкѣй лодкѣ. Онъ присталъ въ Спицѣ и выгрузилъ на берегъ подарки, которые императрица посылала черногорцамъ

---

¹⁾ Шлоссеръ, Истор. XVIII в. т. 3.

и которые состояли преимущественно изъ пороха, свинца и звонкой монеты, въ чемъ черногорцы наиболѣе нуждались.

Въ высшей степени занимателенъ рассказъ о приѣздѣ въ черногорію русскаго посольства, записанный, болѣе двадцати лѣтъ назадъ, со словъ черногорца, бывшаго въ экспедиціи князя. Долгоруковъ ночью вышелъ изъ лодки и, въ сопровожденіи одного иллирійца, пошелъ въ горы, по направленію къ Кастель-Ластвѣ. Ночь была темная и ненастная. Недалеко отъ берега путешественники встрѣтили избушку черногорца (кучу). Черногорецъ, старикъ лѣтъ за семьдесятъ, сидѣлъ съ семьей у своего бѣднаго очага и ужиналъ. Вдругъ раздался стукъ въ двери.

— Кого бы Богъ принесъ въ такую пору? сказалъ старикъ. Не «чѣта» ли (непріятельскій набѣгъ)?

— Нѣтъ, бабо, чѣта не просится, а ломится въ двери, — отвѣчалъ старшій сынъ, которому было лѣтъ пятнадцать. — А вотъ посмотрю, да впущу гостей, коли они хоть незваные, да желанные.

Онъ отворилъ дверь, и двое незнакомыхъ, не дожидаясь приглашенія, вошли въ избу. Одинъ, по одеждѣ по рѣчи и по складу лица, походилъ совсѣмъ на черногорца; другой, только одной рѣчью, хотя не совсѣмъ понятной, нѣсколько напоминалъ одноплеменника: онъ, безъ околичностей, отряхнулъ свой широкій охобень, окативъ всѣхъ водой, и молча сѣлъ къ огню. Товарищъ его повелъ бесѣду съ старикомъ.

— Изъ Анконы сюда прибыли мы въ рыбацкѣй лодкѣ, — говорилъ онъ, — турки и венеціанцы сторо-

жили насъ, да проглядѣли, и мы пристали безпрепятственно у Спица, близъ самой границы вашей съ турками и Бокою; товарищи наши еще въ лодкѣ, стерегутъ пожитки, но Боже сохрани, если утро застанетъ ихъ въ лодкѣ, — ты понимаешь! Не станемъ терять времени. Ты христіанинъ, нашъ по крови и по вѣрѣ, — дай намъ проводника, или проводи самъ до берега и укрой насъ потомъ, на время, здѣсь.

Старикъ задумался.

— Сколько васъ всѣхъ? спросилъ онъ.

— Человѣкъ двадцать, большею частію иллирійскіе славяне.

— А этотъ кто?

— Это нашъ начальникъ, русскій, изъ знатнаго рода князей Долгорукихъ; онъ сердаръ и воевода въ своемъ краю.

— Русскій... знаю! У нихъ былъ великій царь, Петръ Первый. Отецъ мой видѣлъ его, когда былъ на Руси съ владыкою Даніиломъ; а теперь на Руси вѣдѣнъ царя: царь ея, Петръ Третій, теперь править Черногорію.

— На Руси есть царь великій, Екатерина Алексѣевна, — сказалъ другой пришлецъ, гордо поднимаясь съ мѣста, — и править она Русью, потому что Петръ Третій волею Божіею помре. А тотъ, что у васъ, не царь, а лжецъ и самозванецъ.

Старикъ нахмурилъ брови; но, вспомнивъ долгъ гостепріимства, побѣдилъ себя.

— Кто бы вы ни были, зачѣмъ бы сюда ни пришли, я дамъ вамъ порводника и пристанище; никто

не скажетъ, чтобы христіанинъ выдалъ своихъ едино-
вѣрцевъ туркамъ или венеціанцамъ, а въ случаѣ нужды
сумѣетъ защитить васъ и отъ своихъ, — сказалъ онъ,
сурово поглядывая на русскаго князя. Радованъ (такъ
звали его сына), ступай съ ними и не приходи безъ нихъ.

Они отправились и до разсвѣта достигли бухты,
гдѣ человѣкъ пятнадцать, притаясь и на-сторожѣ, ждали
ихъ. Князь сказалъ что-то одному спутнику, который
потомъ былъ неотлучно при немъ, и они пошли на-
задъ въ горы, по направленію къ Цетинскому мона-
стырю, гдѣ Долгорукій велъ свои переговоры съ чер-
ногорцами ¹⁾. Или Степанъ Малый былъ предувѣдом-
ленъ заранѣе о присылкѣ изъ Россіи кораблей, или
по рѣдкому провидѣнію свѣтлаго ума этого человѣка,
или просто по счастливому стеченію обстоятельствъ,
которыми такъ умѣлъ пользоваться его геній, только
посольство это, которое могло имѣть для него гибель-
ный исходъ, онъ обратилъ въ свою пользу. Степанъ
Малый еще до прихода русскихъ въ Средиземное море
объявилъ своему народу, а въ особенности приближен-
нымъ лицамъ, что въ скоромъ времени его вѣрные
подданные, въ Россіи, должны прислать къ нему нѣ-

---

¹⁾ Этотъ разсказъ записанъ знаменитымъ нашимъ путешественни-
комъ Ег. П. Ковалевскимъ со словъ черногорца, бывшаго въ молодости
проводникомъ князя Долгорукаго. Разсказчикъ былъ тотъ самый Радо-
ванъ, сынъ стараго черногорца, принимавшаго князя въ своей кучѣ,
который провелъ его въ горы. Радовану, во время посѣщенія г. Ковалев-
скимъ Черногоріи, было уже лѣтъ девяносто. Мы помѣстили его разсказъ
безъ перемѣны — такъ драгоцѣнны для русской исторіи малѣйшія свѣдѣ-
нія объ этой интересной эпохѣ. См. Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Спб.,
1841 г., стран. 40 — 43.

сколько кораблей, чтобы перевести на нихъ своего царя въ его имперію со всѣми друзьями, которыхъ онъ, Степанъ Малый, еще въ Россіи пожаловалъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и многими другими титулами и званіями при дворѣ и арміи; онъ говорилъ, что корабли эти будутъ нагружены золотомъ, серебромъ, свинцомъ, порохомъ, зелеными и красными сукнами и драгоценными камнями всѣхъ цвѣтовъ. Потому, появленіе русскихъ и князя Долгорукаго, казалось, нисколько не смутило и не удивило его. Напротивъ, говоритъ очевидецъ, служившій въ свитѣ Степана Малого, князь Долгорукій показался слишкомъ ничтожнымъ и смущеннымъ въ присутствіи самозванца. Дѣйствительно, когда князь предъявилъ грамоту къ черногорскому народу отъ своей императрицы, въ которой она приглашала его вмѣстѣ воевать противъ турокъ, черногорцы съ радостью приняли предложеніе; но когда этотъ посолъ обратился къ народу съ увѣщаніями и увѣреніями, что Степанъ Малый, царь ихъ — самозванецъ, и когда самъ Степанъ показался народу, — все собраніе обратилось къ нему съ привѣтствіемъ, какъ къ своему императору, а Долгорукій былъ всѣми оставленъ. Не смотря на то, что князь былъ присланъ отъ русской императрицы, какъ ея генералъ и ея уполномоченный министръ въ Черногоріи, онъ, по словамъ современника, послѣ нѣсколькихъ дней своего тамъ пребыванія, раньше чѣмъ черезъ недѣлю, ушелъ изъ этой страны тайно, какъ бѣглецъ, такъ что растерялъ свои деньги, которыя были у него въ карманахъ, ночью пробравшись черезъ

горы, чтобы только успѣть отыскать свою лодку и плыть въ Ливорно, гдѣ его дожидался графъ Алексѣй Орловъ ¹⁾).

Но вѣроятно Долгорукій умѣлъ подѣйствовать на митрополита Савву, врага Степана Малаго, или на немногихъ партизановъ митрополита, потому что старый владыка сдѣлался еще злѣйшимъ противникомъ самозванца и уже старался открыто вредить ему. Черногорское духовенство всегда пользовалось расположеніемъ русскаго двора, который не забывалъ посылать въ даръ церквямъ богатые вклады; безъ сомнѣнія, Долгорукій имѣлъ много средствъ привлечь митрополита на сторону императрицы и не оставилъ церкви безъ щедраго приношенія; иначе, слабый Савва не рѣшился бы дѣйствовать такъ смѣло, какъ онъ началъ дѣйствовать по отѣздѣ изъ Черногоріи русскихъ. Притомъ, вѣроятно, его увѣрили, что самозванцу не устоять противъ всей Россіи; что самозванцы являлись и у нихъ, дома, но всѣ переловлены и сидятъ по острогамъ; что законная власть восторжествуетъ и въ Черногоріи, и что Степану Малому никогда не видѣть Русскаго трона и шапки Мономаха, и проч.

Однако, при всемъ томъ, Степанъ Малый, освободившись отъ присутствія русскихъ, не могъ не видѣть, что могущество его возрастаетъ съ каждымъ днемъ и довѣріе къ нему народа такъ упрочено, какъ

---

¹⁾ Stiépan-Mali, 33 — 34. Въ сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ мы читаемъ, что кн. Ю. В. Долгорукій — «былъ отправленъ въ Черногорію, для приведенія полудикаго черногорскаго народа въ подданство Россіи», за что получилъ Георгія на шею и Александра Невскаго (стр. 189).

только можетъ быть прочна вѣра самая слѣпая и любовь совершенно самоотверженная. Народъ видѣлъ, что къ нему, Степану Малому, пріѣзжали русскіе его подданные, которые, не смотря на измѣну къ своему законному государю, не могли не чувствовать страха и невольнаго къ нему уваженія. Но между тѣмъ митрополитъ съ горестью смотрѣлъ на возрастающее могущество самозванца, которое, въ равной степени, уменьшало и совершенно парализировало его собственную власть; онъ такъ боялся быть жертвою этого человѣка, котораго, въ ослѣпленіи антагонизма или по естественному чувству самосохраненія, считалъ способнымъ на всякое гнусное дѣло и такъ трепеталъ за церковныя сокровища, сохранявшіяся у него въ деревянныхъ кадкахъ, которыя можно было зарыть въ землю, — что рѣшился вывезти ихъ изъ Черногоріи и передать въ вѣрныя руки; онъ отправилъ также изъ Черногоріи всѣ бумаги, хранившіяся въ его кладовыхъ, въ монастырѣ Станевичъ. Наконецъ, онъ громко объявилъ себя врагомъ Степана Малаго; онъ проповѣдывалъ противъ него публично, и въ церкви, съ амвона, съ крестомъ въ рукѣ, не переставалъ увѣщевать черногорцевъ возвратиться отъ своихъ заблужденій на путь истины и покинуть этого новаго Гришку Отрепьева, который погубить Черногорію въ войнѣ равно гибельной и своими ужасными послѣдствіями, и по своей цѣли: ибо, прибавлялъ онъ, всѣ его намѣренія, всѣ желанія, вся цѣль его честолюбивыхъ дѣйствій, очевидно, клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться самовластнымъ повелителемъ свободной Черногоріи и, можетъ

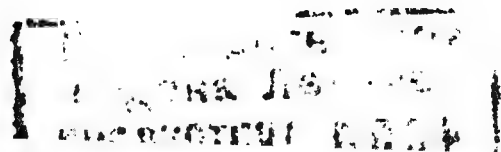
быть, даже всей Албаніи. Самозванецъ, какъ ни вѣрилъ въ свои нравственныя силы и привязанность народа, сталъ тревожиться, что проповѣди митрополита могутъ сдѣлаться источникомъ гибельныхъ послѣдствій, какъ для его царства, такъ и для безопасности его собственной жизни. Справедливо опасаясь, чтобы страстные рѣчи этого, нѣкогда уважаемаго всѣми старца не превозмогли его вліянія на народъ, не охладили того энтузіазма, который онъ вдохнулъ въ своихъ подданныхъ, и чтобы онъ самъ не сдѣлался жертвою народнаго мщенія, онъ не колеблясь рѣшился на самыя отчаянныя мѣры, на какія способна была его пламенная, честолюбивая душа. Ему оставалось только заставить молчать митрополита и лишить всякой возможности дѣйствовать во вредъ его началамъ. Тогда онъ явился къ нему въ Станевичъ и заключилъ его подъ стражу въ самомъ монастырѣ, а монаховъ всѣхъ разогналъ. А между тѣмъ его великій канцлеръ, съ саблею въ рукѣ, появлялся вездѣ, гдѣ только могъ найти жилище черногорца, прошелъ всю страну изъ конца въ конецъ, провозглашая вездѣ эти многозначительныя для черногорца слова — *добра вѣра! добра блага!* которыми онъ началъ свою проповѣдь въ пользу самозванца и которыя производили на народъ такое всемогущее вліяніе. Воззванія эти дѣлали то, что и греки, жившіе въ Дубровникѣ (Рагуза), въ Венеціи, наконецъ, въ Австріи и даже въ Неаполитанскомъ королевствѣ, стали вѣрить своему возрожденію, видѣли, что Степанъ Малый скоро явится ихъ освободителемъ отъ обиднаго и тяжелаго ига иновѣрцевъ;

они посылали въ помощь ему все, что имѣли, — оружіе, деньги и проч. Европа съ удивленіемъ смотрѣла на это всеобщее броженіе умовъ, произведенное волею одного человѣка, — юношею, которому едва было двадцать лѣтъ. Въ это время перепечатывалось во всѣхъ европейскихъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ нашихъ русскихъ, что «около Монтенегро недавно показалось нѣсколько греческихъ судовъ съ *іерусалимскими флагами*»; что «какъ скоро съ оныхъ судовъ данъ былъ знакъ о ихъ приближеніи, то нѣкоторый корпусъ монтенегринцевъ, выступя изъ горъ, учинилъ нападеніе на разставленныхъ тамъ по берегу турокъ и оныхъ всѣхъ порубилъ»; что послѣ того «нѣсколько греческихъ офицеровъ, вышедъ изъ оныхъ судовъ на берегъ, выгрузили не малое число всякихъ военныхъ снарядовъ и денегъ», и что «монтенегринцы, учинивъ потомъ набѣгъ на турецкія земли, разбили тамъ и сожгли всѣ деревни» ¹⁾. Что это были за греческія суда, съ іерусалимскими флагами, откуда они пришли, и что за офицеры, — мы рѣшительно не понимаемъ; можетъ быть даже, — это приставало къ берегу русское посольство съ княземъ Долгорукимъ, о чемъ и сами русскіе въ то время ничего не знали, потому что все это дѣлалось секретно. Какъ бы то ни было, но Европа еще не все знала, что дѣлалось тогда въ Черногоріи и въ сосѣднихъ съ нею земляхъ ²⁾. Волненіе грековъ

---

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдом., 1769 г., № 84.

²⁾ Въ тогдашнихъ газетахъ публиковались самыя отрывочныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Степана Малого; свѣдѣнія эти заходили и къ намъ въ Россію, но чрезвычайно поздно; такъ напримѣръ, во второй половинѣ

и славянъ, не подвластныхъ Степану Малому, а жившихъ въ другихъ государствахъ, навлекло только на нихъ жестокое преслѣдованіе со стороны тѣхъ правительствъ, подъ властью которыхъ они находились; множество несчастныхъ, поддавшихся этому увлеченію, кончили жизнь въ ссылкахъ, другіе погибли на эшафотѣ. Но ни преслѣдованія, ни ссылки, ни тюрьмы, ни самая смерть, со всѣми ужасами пытокъ и истязаній, не могли, по словамъ современника, остановить народа, который цѣлыми толпами стремился отдать себя подъ власть могущественнаго императора Петра III. Тщетно старались изыскивать средства убить въ зародышѣ эту пробуждавшуюся всюду жизнь: митрополитъ грозилъ народу отлученіемъ отъ церкви, предалъ самозванца проклятію. Въ другихъ обстоятельствахъ, проклятіе владыки повергло бы всю Черногорію въ ужасъ и отчаяніе; но въ настоящее время оно возбудило только насмѣшки и презрѣніе (собственные слова современника). Черногорцы говорили, что Степанъ Малый, какъ императоръ Черногоріи и всея Россіи, а слѣдовательно глава грековосточной церкви, имѣетъ власть разрѣшать проклятіе и слагать отлученіе. Они явились къ нему, — и самозванецъ сложилъ съ нихъ проклятіе владыки, благословивъ подданныхъ своею рукою. Несчастный Савва долженъ былъ повиноваться и молчать, боясь погибнуть отъ руки какого-

---

1769 года, извѣщалось изъ Венеціи, отъ 1 Августа: «Сказываютъ, что извѣстный Стефанъ Пикколо (такъ называли итальянцы Степана Малаго) учинилъ опять набѣгъ въ турецкую землю и отогналъ отъ оной великое множество скота.» С.-Петербург. Вѣдом., 1769 г., № 69.

нибудь фанатика. Степанъ Малый увидѣлъ себя полнымъ и неограниченнымъ государемъ всей Черногоріи, — видѣлъ покорность владыки, всего духовенства, священниковъ и калугеровъ и всѣхъ свѣтскихъ властей государства. Прежде вся нація оказывала владыкѣ глубочайшее уваженіе, по крайней мѣрѣ, наружно: при встрѣчѣ съ нимъ, черногорцы падали ницъ и цѣловали край одежды митрополита; они не смѣли встать и продолжать путь, пока не получаютъ позволенія и благословенія владыки. Теперь все это вмѣщалъ въ себѣ самозванецъ, — и власть владыки, и самовластіе государя: видѣли только его, повиновались только ему одному.

Степанъ Малый думалъ о возстановленіи сербскаго царства. Еще въ концѣ 1768 года, когда венеціанскія войска были разбиты, а турки отражены отъ границъ Черногоріи, онъ намѣревался предпринять походъ въ Сербію. Приготовленія начались въ началѣ декабря этого года; его войско готово было оставить горы и идти въ глубь материка: однако, новыя вооруженія со стороны Венеціи, приготовленія къ войнѣ на морѣ и на сушѣ и, наконецъ, приближеніе 150-тысячной турецкой арміи принудили его остаться въ своихъ владѣніяхъ и защищать горы. Онъ намѣревался строить крѣпости, проводить дороги, улучшать пути сообщенія; но у него не было ни матеріаловъ, ни опытныхъ техниковъ; всѣ его предпріятія ограничивались укрѣпленіемъ границъ: въ необходимыхъ мѣстахъ дѣлались огромныя насыпи изъ камней, которыя защищали бы входъ въ Черногорію; нагромождены были цѣлыя горы земли и

обломковъ скалъ, которыя онъ взрывалъ порохомъ, дѣлая завалы тамъ, гдѣ непріятель могъ пробраться внутрь страны. Эти работы заняли все время отъ декабря 1768 до половины іюня 1769 года. До того времени столица его находилась въ Майнѣ, гдѣ домъ великаго канцлера, Марка Тановича, обращенъ былъ во дворецъ; Степанъ Малый останавливался иногда также въ селеніяхъ Побори и Браича, въ той части Черногоріи, гдѣ началъ свою политическую дѣятельность. Но лѣтомъ 1769 года онъ переселился въ нахію чермницкую и занялъ подъ свое помѣщеніе домъ новаго владыки Черногоріи, поставленнаго патріархомъ Берчичемъ, Арсенія, изъ рода Пламенацъ. Арсеній былъ другъ Марка Тановича. Степанъ Малый потому избралъ для своей резиденціи чермницкую нахію, что она была безопаснѣе отъ нечаянныхъ вторженій непріятели. Здѣсь онъ всей душой предался устройству своего маленькаго государства, чтобы, сдѣлавъ необходимыя преобразованія въ Черногоріи, выступить на болѣе широкое политическое поприще.

Но ему не суждено было сдѣлаться освободителемъ Сербіи и другихъ славянъ отъ иноплеменниковъ и творцемъ великой славянской федераціи. Въ то время, когда его политическая дѣятельность могла уже быть связана съ судьбою всей Европы и имѣть міровое значеніе, одно несчастное обстоятельство лишило его всякой возможности дѣйствовать. Степанъ Малый ослѣпъ. Проводя новую дорогу въ свою столицу, онъ приказалъ взорвать нѣсколько утесовъ, стоявшихъ на пути въ Чермницу; во время подкоповъ, онъ самъ

попалъ въ середину одного пороховаго взрыва и едва остался живъ: но его изувѣчило обломками скалы такъ, что на тѣлѣ его найдено было 62 раны, и глаза несчастнаго были такъ повреждены, что Степанъ Малый навсегда лишился зрѣнія.

Съ этой минуты Степанъ Малый жилъ въ совершенномъ уединеніи, проводя дни въ маленькой келіи чермницкаго монастыря, куда помѣстили больного и слѣпаго царя Черногоріи и — какъ думали бѣдные его подданные — императора и самодержца всея Россіи. Несчастный находилъ развлеченіе въ бесѣдѣ друга своего, митрополита Арсенія, который почти никогда не покидалъ его.

Въ это время русскіе, на сушѣ, подъ предводительствомъ графа Румянцева, отнимали у турокъ одинъ городъ за другимъ, а на морѣ нашъ флотъ, подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова, заслужилъ громкую извѣстность уничтоженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ. Хотя, по словамъ знаменитаго Шлоссера, «ни Алексѣй, ни его братъ не заслужили здѣсь никакой славы», однако, великодушная императрица повелѣла прибавить къ фамиліи перваго эпитетъ *Чесменскаго*, а Херасковъ написалъ цѣлую поэму, прославившую его подвиги. Несчастный султанъ Мустафа III, въ страхѣ за цѣлость своей имперіи, раздираемой и внутренними смутами, и русскими войсками, и черногорцами, думалъ самъ ѣхать къ арміи, съ своею серальскою гвардіею, «опасаясь, чтобы не началась другая война въ Далмаціи» ¹⁾, гдѣ еще живъ былъ Степанъ Малый. Но,

---

¹⁾ С.-Петербург. Вѣдом., 1769 г., № 85.

желая покончить прежде всего съ черногорцами, развлекавшими его многочисленныя силы, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало погубить слѣпаго царя Черногоріи, который, и въ своемъ жалкомъ положеніи, былъ страшенъ султану. Султанъ не безъ основанія думалъ, что, и лишившись зрѣнія, Степанъ Малый способенъ былъ стать во главѣ сильной арміи и идти внутрь владѣній Порты. Преступная воля деспота нашла исполнителей его гнуснаго намѣренія. Выискался бѣглый грекъ изъ Морей, по имени Станко Класомунья, который за пятнадцать кошелековъ золота рѣшился—или пожертвовать жизнью, или убить черногорскаго царя. Жизнеописатель Степана Малаго, рассказывая объ этомъ грекѣ-ренегатѣ, приводитъ слѣдующій стихъ изъ Тасса о греческомъ вѣроломствѣ:

La fede greca a chi non é palese?

Станко Класомунья пришелъ въ Чермницу, чтобы, какъ онъ говорилъ, найти убѣжище отъ турокъ «у славнаго Петра Третьяго.» Онъ рассказалъ ему цѣлую исторію своихъ несчастій, выдумывая обстоятельства, которыя никогда не существовали, и такъ вкрался въ довѣріе Степана Малаго, что тотъ принялъ его къ себѣ въ услуженіе. Этотъ грекъ умѣлъ хорошо играть на лирѣ, и за такое искусство слѣпой царь имѣлъ несчастіе привязаться къ ренегату, который своею игрою и пѣніемъ развлекалъ больного въ его горькомъ уединеніи. Тотъ же жизнеописатель не могъ и при этомъ не вспомнить извѣстнаго стиха Виргилія о предательствѣ грековъ: *Timeo Danaos et dona feren-*

тѣс. Одинъ Станко Класомунья своими пѣснями умѣлъ отгонять тоску, которая часто овладѣвала душой несчастнаго слѣпца; въ особенности Степанъ Малый любилъ слушать въ такія минуты одну греческую пѣсню, которая начиналась словами:

Καλὴ ὁπέρα, ματτία μου, и проч.

Кромѣ того, Класомунья употреблялъ всѣ способы, чтобы только заслужить довѣріе больнаго: онъ приносилъ иногда въ даръ ему свѣжіе плоды изъ Спалатро и разныя вина, до которыхъ, особенно до кипрскаго, Степанъ Малый былъ большой охотникъ.

Наконецъ, наступило 25 августа 1769 года (такъ изображаетъ послѣднія минуты жизни Степана его біографъ) ¹⁾, день, который избранъ былъ измѣнникомъ для выполненія своего гнуснаго замысла, и это же былъ послѣдній день царствованія и краткой, но замѣчательной жизни черногорскаго Петра III. Чтобы ничто не мѣшало его предпріятію, Станко Класомунья все устроилъ такъ, что одинъ могъ остаться съ своей жертвою. Митрополитъ въ этотъ день отправился въ Цетинье навѣстить владыку Савву Петровича; прочіе монахи пошли стеречь стада; наконецъ, стража, которая всегда стояла у дверей кельи Степана Малаго, заснула. Такимъ образомъ, благодаря своему врагу, оставленъ былъ всѣми этотъ необыкновенный человѣкъ, и тотъ, который заставлялъ трепетать цѣлыя тысячи своихъ противниковъ, палъ отъ руки презрѣннаго игрока на лирѣ. Степанъ самъ ускорилъ свою гибель, попросивъ

---

¹⁾ День смерти Степана полагаютъ также 15 августа.

грека, взять лиру и спѣть, говоря, что онъ уснетъ легче и спокойнѣе. Но онъ уже не просыпался. Измѣнникъ отрубилъ спящему голову и въ тотъ же часъ скрылся изъ Черногоріи, пробравшись въ Румелію къ Беглеръ-Бею, отъ котораго долженъ былъ получить плату за убійство. Ему заплатили столько фунтовъ золота, сколько вѣсила голова несчастнаго царя. Останки его тѣла были съ честью преданы землѣ въ чермницкой церкви митрополитомъ Арсеніемъ, любившимъ покойнаго, котораго онъ до сихъ поръ не перестаетъ оплакивать ¹⁾).

Непродолжительно было политическое поприще Степана Малаго; но и въ теченіе трехъ лѣтъ онъ много сдѣлалъ для Черногоріи: правда, съ его смертію страна эта испытала внутренніе раздоры партій; но при немъ партіи слились бы въ одно нераздѣльное цѣлое, и его власть, быть можетъ, сдѣлала бы благопріятный поворотъ въ исторіи Черной Горы. Вся жизнь этого человека покрыта непроницаемой тайной: выходецъ изъ Крайны, въ которой никто не зналъ и не слыхалъ объ немъ, слуга, знавшій въ совершенствѣ нѣсколько европейскихъ языковъ, двадцатилѣтній юноша, вводившій гуманныя начала въ народное право Черногоріи и запретившій кровавую месть, думавшій о восстановленіи независимости Сербіи, получившій свѣдѣнія въ медицинѣ и имѣвшій, Богъ-вѣсть откуда, большія деньги, знавшій, наконецъ, исторію Россіи и помышлявшій о русскомъ престолѣ, мало того — о великой

---

¹⁾ . . . . «qui le pleure et le regrette encore aujourd'hui.» Stiép.-Mali. . 44.

славянской федераціи, — онъ невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе, хотя, къ сожалѣнію, нѣтъ надежды когда-либо знать всю исторію этого человѣка, который никому не повѣрялъ своихъ тайнъ. Въ этомъ случаѣ едва ли въ состояніи помочь изученію этой замѣчательной личности всѣ архивы Черногоріи, Венеціи, Австріи, Турціи и Россіи, потому что все, касавшееся его судьбы, дѣлалось секретно и почти безъ всякой переписки. Съ своей стороны и мы оставляемъ всякія догадки и предоставляемъ ихъ читателю. Въ свитѣ Степана Малаго находились иностранцы, изъ которыхъ одинъ оставилъ намъ описаніе жизни своего государя. Степанъ былъ ужасомъ мусульманъ: не было никого, говоритъ современникъ, ни въ Черногоріи, ни въ Албаніи, ни даже въ сосѣднихъ провинціяхъ, кто бы не трепеталъ при одномъ его имени.

Всѣ, кто слышалъ о его подвигахъ, особенно враги Черногоріи въ торжественныхъ молебствіяхъ просили Бога спасти ихъ отъ страшнаго черногорскаго царя, точно такъ, какъ христіане молились нѣкогда объ избавленіи Европы отъ нашествія Могомета II. Что же касается собственно личности Степана Малаго, то его всѣ необыкновенно хвалятъ: въ немъ было столько деликатности и граціи, какъ ни въ одномъ изъ тогдашнихъ государей, и если кто изъ подданныхъ и оставлялъ его по какимъ-либо неудовольствіямъ, то всегда былъ въ восторгѣ отъ самого Степана, его доброты и благородства.

Жизнеописатель Степана Малаго оставилъ намъ эпитафію въ честь своего государя. Вотъ она:

Il étoit généreux, noble, vaillant et sage,
Ami des beaux-esprits:
De son siècle inégal et le calme, et l'orage
Attiroient son mépris:
Et si la mort pouvoit épargner la vertu,
Il eut toujours vécu.
Avec ses ciseaux outrageans,
La mort en coupant cette vie,
Coupe la bourse à bien des gens.

Степанъ Малый былъ покинутъ почти всѣми своими генералами еще при жизни, именно — послѣ той несчастной минуты, когда лишился зрѣнія: его великій виночерпій, Симо-Суцда, оставилъ даже Черногорію и утвердился въ Албаніи; прочіе министры возвратились въ свои нахіи; иностранцы выѣхали изъ Черногоріи и отправились искать счастья по бѣлу свѣту, въ томъ числѣ и часто упоминаемый нами біографъ Степана Малаго, который, какъ видно, служилъ послѣ въ Индіи у знаменитаго набоба Гейдеръ-Али, гдѣ и напечаталъ біографію своего прежняго государя. Не покинули Степана Малаго только митрополитъ Арсеній, великій канцлеръ, Марко Тановичъ, и нѣсколько генераловъ, увлеченныхъ новыми воззваніями Марка. Судьба этого послѣдняго и его необыкновенная привязанность къ своему несчастному царю интересны въ высшей степени. Марко Тановичъ никакъ не хотѣлъ помириться съ мыслью, что Степанъ Малый умеръ, и умерла съ нимъ его идея. Мало того, онъ не переставалъ проповѣдывать вездѣ, что его великій императоръ никогда не умиралъ, и что молва о его смерти распространена ложно съ намѣреніемъ, чтобы только успокоить турокъ и венеціанцевъ.

Онъ говорилъ всѣмъ, что Степанъ Малый отправился въ Россію и что онъ скоро придетъ оттуда съ безчисленною арміею и съ флотомъ, несравненно могущественнѣйшимъ того, который былъ подъ начальствомъ графа Орлова и который уничтожилъ турецкую флотилію при Чесмѣ. Онъ увѣрялъ, что Степанъ Малый снова станетъ въ главѣ черногорскаго народа, съ помощію котораго онъ *выгонитъ изъ Европы всѣхъ турокъ и утвердитъ свой тронъ и резиденцію въ самомъ Константинополѣ*, давъ черногорцамъ столько золота и серебра, сколько можетъ помѣститься въ цѣлой кучѣ (хижинѣ). Онъ всегда показывалъ при этомъ государственную печать, вѣря въ нее, какъ въ могущественный талисманъ, способный возбудить народъ къ войнѣ, пока не воротится его герой или не пришлетъ о себѣ извѣстія. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ онъ проповѣдывалъ черногорцамъ, что воскреснетъ его великій государь, и никакія убѣжденія, никакія доказательства, самыя очевидныя и несомнѣнныя, которыя ему представляли со всѣхъ сторонъ, ни даже угрозы и безпрестанно повторяемые декреты объ изгнаніи Марка изъ Черногоріи, которые издавала противъ него Венеція, — ничто не могло ни остановить его проповѣдь, ни разбить его вѣру въ возможность возрожденія Черногоріи: Венеція была безсильна въ горахъ его родины; ея декреты и угрозы производили то же дѣйствіе, какое, по словамъ жизнеописателя Степана Малаго, производятъ угрозы черныхъ обитателей верхняго Нила, которые посылаютъ свои проклятія солнцу и бросаютъ въ него камнями, когда лучи его жгутъ ихъ болѣе

обыкновеннаго. Марко Тановичъ рѣшился даже отправиться въ Ливорно, къ графу Орлову, чтобы лично увѣрить его, что Степанъ Малый не умиралъ и что онъ когда-нибудь опять придетъ въ Черногорію болѣе могущественный и славный, чѣмъ былъ когда-либо. Онъ даже требовалъ отъ графа признанія его правъ. Орловъ, чтобы привлечь на свою сторону черногорцевъ и избавиться отъ этаго упорнаго фанатика, вручилъ ему значительную сумму денегъ голландскими имперіалами и отослалъ отъ себя, увѣряя, что Степанъ Малый умеръ, и что онъ никакъ не долженъ надѣяться ни на его возвращеніе, ни на званіе великаго канцлера Черногоріи и Россіи. Марко Тановичъ взялъ деньги отъ Орлова, но не думалъ слѣдовать его совѣтамъ. Возвратившись въ Майну, онъ снова увѣрялъ соотечественниковъ, что Степанъ живъ, что онъ отправился путешествовать въ чужіе края для своего собственнаго образованія и что онъ привезетъ съ собою несмѣтныя сокровища, обѣщанныя имъ прежде. Но черногорцы уже мало вѣрили проповѣдямъ своего бывшаго великаго канцлера. Время его славы прошло. Между тѣмъ, Марко узналъ, что венеціанцы снова осудили его на казнь, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и оскорбителя высочайшей власти, и снова оцѣнили его голову въ 5,000 дукатовъ. Декретъ, которымъ Марко Тановичъ приговоренъ къ смертной казни, написанъ былъ на итальянскомъ языкѣ и потому онъ не произвелъ ровно никакого дѣйствія, да и не могъ ничего сдѣлать въ Черногоріи. Между тѣмъ, часто видѣли, что Марко, съ этимъ декретомъ въ карманѣ, съ

карабиномъ на плечахъ, съ своей длинною саблею, огромнымъ ножемъ и парюю пистолетовъ за поясомъ, прогуливался въ самомъ предмѣстьи Будвы, въ сопровожденіи семи или осьми генераловъ свиты убитаго самозванца, какъ бы вызывая на бой изъ крѣпости весь венеціанскій гарнизонъ. Иногда онъ заходилъ даже въ самую Будву, пробирался въ Албанію, не переставая волновать народъ несбыточными обѣщаніями. Дѣлали все, чтобы лишить этаго несчастнаго его безумныхъ надеждъ; но ничто не помогало. Ему показывали, наконецъ, ту самую саблю, которою была отрѣзана голова страстно любимаго имъ государя, надежды Черногоріи, и на которой видны еще были слѣды крови; показывали могилу, гдѣ онъ погребенъ, бумаги, которыя онъ оставилъ... Все было напрасно: ничто не могло убить въ немъ этой безумной вѣры и смутныхъ ожиданій. «Нашъ владыка, говорилъ онъ, велитъ намъ поститься восемь разъ въ году и не ѣсть ничего, кромѣ хлѣба, винограду и масла: онъ обѣщаетъ намъ въ будущемъ рай, миръ съ турками и такое блаженство, котораго мы никогда не знали, но которому мы вѣримъ. *Я же возвѣщаю вамъ, что придетъ наизъ царь, Степанъ Малый, котораго вы видѣли и которому повиновались: и вы послѣ этаго не вѣрите моимъ обѣщаніямъ? И вы не ожидаете его?»*

Слова его не сбылись: не пришелъ освободитель и царь Черногоріи; не дождались свободы бѣдные славяне. Такъ не придетъ ли этотъ освободитель послѣ? Не явится ли съ сѣвера?

Правда, и послѣ имя Петра III не разъ связыва-

лось съ именами Кремнева, Богомолова, Пугачова, Ханина; но не ту цѣль имѣли они, какую имѣлъ черноморскій самозванецъ, и не ихъ ожидалъ Марко Тановичъ ¹⁾).

---

¹⁾ Главнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Степанѣ Маломъ заключаются въ изданномъ вскорѣ послѣ его смерти анонимномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Stiépan-Mali, c'est-à-dire Etienne Petit ou Stépano Piccolo, le pseudo-Pierre III, empereur de Russie, qui parut dans le Grand-Duché de Monténégro, entre la Mer Egée, l'Albanie Turque et le Golfe Adriatique en 1767, 1768 et 1769.* Сочиненіе это довольно рѣдко. Мы пользовались *пятымъ* изданіемъ его, напечатаннымъ въ 1784 году въ Индіи, въ Мангалфѣ, принадлежавшемъ тогда знаменитому набобу Индійскому Гейдѣръ-Али, на берегу Малабара (à Mangalor, Forteresse du Nabab Hyder-Haly, sur les côtes du Malabar). Достойно замѣчанія, что книга эта, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣла пять изданій. Эпиграфомъ къ своему сочиненію авторъ избралъ 59 ст. 1-й сатиры Ювенала:

Aude aliquis brevibus gyaris et carcere dignum,
Si vis esse aliquid.

Сочинитель, какъ видно, самъ находился въ свитѣ Степана Малаго, потому что, въ концѣ книги, въ приложеніяхъ или историко-политическихъ замѣткахъ о Черноморіи, сказано, что онѣ составлены par un officier général, qui a servi dans l'armée de l'Empereur Stiépan-Mali, l'année 1768 et jusqu'à sa mort. Впрочемъ, можетъ быть и то, что біографія написана однимъ лицомъ, а notes historiques-politiques—другимъ. Къ сочиненію приложенъ портретъ Степана Малаго, литографированный въ Парижѣ въ 1774 году. Вокругъ Степана видны изображенія: три города съ надписями—Monténégro, Babylonia и Albania; съ одной стороны горящія зданія, а на верху надпись Linda, съ другой—изображена битва между черноморцами и турками, а сверху надпись Plaine de Zenta. На верху картины надпись гласитъ: Stiépan etc. etc. combattant les Turcs, l'année 1769. Внизу эпиграфъ изъ трагедіи Mahomet:

Le droit qu'un esprit vaste et ferme en ses desseins
A sur l'esprit grossier des vulgaires humains.

Дополнительныя данныя о Степанѣ Маломъ.

Черногорскій Лжепетръ III или самозванецъ Степанъ Малый, кратковременно царствовавшій въ прошломъ вѣкѣ надъ черногорскими славянами, возбуждалъ въ свое время много толковъ въ Европѣ и занималъ С.-Петербургскій кабинетъ тою странною таинственностію, которою окружена была до могилы неразгаданная личность этого замѣчательнаго юноши, мечтавшаго сдѣлаться всеславянскимъ царемъ и выгнать турокъ изъ Европы. Тайну его происхожденія и главную цѣль, къ которой онъ стремился, до сихъ поръ не разоблачила исторія, да едва ли и разоблачить когда-либо. И, къ сожалѣнію, у исторіи много такихъ эпохъ, событій и личностей, которыя остаются непроницаемою тайной: отъ того-то такъ много лжи, конечно, въ большей части случаевъ неумышленной, рассказывали и будутъ рассказывать историки, которые, развѣ случайно и то съ большимъ трудомъ, могутъ попасть въ архивы, гдѣ гніютъ кипы любопытнѣйшихъ бумагъ и гдѣ похоронены тайны прошедшаго, дѣлаю-

щія или великую честь, или великій позоръ чловѣчеству, — о которыхъ никогда, можетъ быть, никто не узнаетъ!

О черногорскомъ Лжепетрѣ III до сихъ поръ извѣстно было очень мало, особенно въ Россіи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не такъ чувствителенъ количественный недостатокъ свѣдѣній о Степанѣ Маломъ, сколько противорѣчіе этихъ свѣдѣній, которое смущаетъ историка. По однимъ — молодой черногорскій царь представляется замѣчательною личностью, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ баловней счастья, чловѣкомъ, у котораго въ головѣ созидались и приводились въ исполненіе довольно обширные планы, и который, еслибы хотъ сколько-нибудь менѣе враждебно сложились для него условія его политической дѣятельности, далеко бы ушелъ съ своими широкими замыслами; по другимъ — это былъ просто смѣлый самозванецъ, на которомъ историкъ едва ли можетъ остановиться съ особеннымъ любопытствомъ или сочувствіемъ. Замѣчательно только, что первое мнѣніе о черногорскомъ Лжепетрѣ III мы узнаемъ отъ людей, лично и близко его знавшихъ и имѣвшихъ всѣ средства оцѣнить достоинство его замысловъ и его искусство въ ихъ выполненіи. — Напротивъ того, свѣдѣнія, ходившія о немъ по Россіи (да и то, какъ можно догадываться, только въ извѣстныхъ кружкахъ тогдашняго высшаго общества), были очень односторонни, — и до сихъ поръ русская историческая литература не касалась этого любопытнаго эпизода. Было бы неудивительно подобное равнодушіе русскихъ историковъ,

еслибъ Степанъ Малый принадлежалъ только Черной Горѣ; но онъ столько же принадлежитъ Россіи, сколько тѣ идеи, во имя которыхъ дѣйствовалъ, составляли достояніе всего славянскаго міра и почти въ одно и то же время волновали честолюбивую душу Потемкина: и тотъ, и другой мечталъ объ изгнаніи турокъ въ Азію, но Степанъ Малый, кромѣ того, думалъ надѣть на свою голову корону всеславянскаго царства.

Наша первая статья о Лжепетрѣ III, черногорскомъ, далеко не исчерпываетъ этого занимательнаго предмета. Мы имѣемъ подъ руками новыя данныя о Степанѣ Маломъ, важныя потому, что они ставятъ насъ отчасти на ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣло на черногорскаго самозванца русское общество того времени, а, можетъ быть, и само правительство, и потому, думаемъ, не безинтересно будетъ сравнить эти свѣдѣнія съ тѣми, которыя уже извѣстны. Новыми данными о Степанѣ Маломъ обязаны мы благосклонности М. П. Погодина, который получилъ ихъ отъ Н. В. Всеволожскаго. Г. Всеволожскій передалъ все, что зналъ о черногорскомъ Лжепетрѣ III, въ рассказѣ, писанномъ по-французски, съ заглавіемъ «Stephan Malou», и изъ этого рассказа видно, въ какомъ видѣ извѣстія о Степанѣ Маломъ достигли предѣловъ Россіи. Мы передадимъ по-русски записку г. Всеволожскаго:

«Степанъ былъ боснякъ, пашалыка скутарійскаго, другіе полагаютъ — австрійскій славянинъ. Какъ большая часть молодыхъ людей его родины, онъ ходилъ съ караванами контрабандистовъ, служилъ даже на

рагузанскомъ корсарѣ и всегда отличался своею дѣятельностію и храбростію. Принужденный оставить свою страну, онъ пришелъ къ черногорцамъ и, чтобы привлечь на себя ихъ вниманіе и расположеніе, далъ имъ понять, что онъ былъ Петръ III, развѣнчанный Россійскій Императоръ. Черногорцы, которые имѣютъ общее происхожденіе съ русскими и говорятъ однимъ съ ними языкомъ (ибо ихъ нарѣчіе есть чистое наше церковнославянское), приняли его сначала нѣсколько подозрительно. Между тѣмъ вскорѣ между ними болѣе и болѣе распространился слухъ, что императоръ великаго народа (такъ они всегда называютъ Россію) скрывается среди нихъ. Они сходились изъ всѣхъ деревень, чтобы его видѣть, и были очарованы его пріятнымъ видомъ и особенно добротою и простотою, съ какою онъ обращался съ ними. Такъ какъ черногорцы вѣчно воюютъ противъ турокъ, которые никогда не могли совершенно покорить ихъ, то Степанъ Малый ¹⁾, какъ онъ тогда назывался, становился всегда предводителемъ отряда, дѣлалъ набѣги на пашалыкъ Скутари, гдѣ грабилъ деревни, уводилъ скотъ и никогда не встрѣчалъ отрядовъ паши безъ того, чтобы не разбить ихъ. Эта храбрость и хорошія распоряженія, которыя онъ дѣлалъ, вскорѣ привлекли къ нему избранную молодежь страны. Сформировавъ изъ нея гвардію, Сте-

---

¹⁾ Здѣсь г. Всеволожскій, въ сноскѣ, дѣлаетъ истолкованіе имени «Стефанъ Малый». — «Стефанъ, говоритъ онъ, значитъ по-гречески корона, и этимъ именемъ черногорцы называютъ государей. Malou signifie petit: ainsi Stephan Malou veut dire le petit souverain, pour le distinguer du souverain Russe, qu'ils appellent Stephan Velkie — le grand souverain».

панъ вскорѣ завладѣлъ всею властью и кончилъ деспотическимъ царствованіемъ надъ черногорцами. Онъ уже не стѣснялся ничѣмъ: отнималъ сыновей у отцевъ и приказывалъ казнить ихъ, дѣлалъ судъ безъ аппелляціи и часто съ пристрастіемъ, — но, окруженный многочисленною гвардіею, которую привязалъ къ себѣ благодареніями, онъ не боялся никого, — даже патріарха и духовенства, всегда столь могущественнаго у нихъ. Между тѣмъ начинали уже роптать, глухо сомнѣваться въ его происхожденіи и даже подозрѣвать, что онъ, быть можетъ, не былъ свергнутымъ императоромъ ихъ братьевъ — великаго народа.

«Все это происходило въ 1770, году, въ эпоху, въ которую между Россіею и Оттоманскою Портою вспыхнула война.

«Въ 1770 году, Екатерина II, пославъ въ Средиземное море флотъ, снабженный нѣсколькими отрядами подъ командою графа Алексѣя Орлова, приказала сему послѣднему въ то же время развѣдать, кто былъ этотъ Степанъ Малый, посмотрѣть, что можно извлечь изъ черногорцевъ, такъ всегда привязанныхъ къ Россіи, постараться отсовѣтовать Степану называться Петромъ III и, въ случаѣ если онъ будетъ въ этомъ упорствовать, вразумить на этотъ счетъ народъ и заставить его присягнуть императрицѣ. Графъ Орловъ, прибывъ въ Ливорно, составилъ планъ — организовать съ этой стороны возстаніе противъ турокъ. Онъ хотѣлъ послать нѣсколько отрядовъ къ черногорцамъ, чтобы помогать имъ въ дѣйствіяхъ противъ скутарійскаго паши и Албаніи, дабы привлечь вниманіе турокъ на эту

сторону, тогда какъ онъ самъ нападетъ на Пелопонезъ и постарается поднять остальную часть Греціи. Этою сѣверною экспедиціею долженъ былъ командовать генераль-маіоръ, князь Юрій Долгорукій. Дѣйствительно, онъ послалъ его въ эту страну, сначала какъ парламента, сопровождаемаго только четырьмя или пятью офицерами ¹⁾ и двумя сержантами. Князь, прибывъ въ Монтенегро, которое жители называютъ Черногоріею, призвалъ къ себѣ патріарха, собралъ свѣдѣнія о Степанѣ Маломъ, увѣрился въ расположеніи жителей, прочелъ имъ манифестъ Екатерины, въ которомъ она увѣряла ихъ въ своемъ покровительствѣ, обѣщала имъ помощь и приглашала ихъ присоединиться къ своимъ братьямъ, русскимъ, чтобы воевать съ турками. Черногорцы выказали большой энтузіазмъ къ общему дѣлу, дали присягу на вѣрность императрицѣ и обѣщали все, чего отъ нихъ требовали. Когда князь Долгорукій говорилъ имъ о Степанѣ Маломъ и сказалъ имъ, что его очень удивило, какъ они могли принять этого человека за покойнаго императора, что это былъ не кто иной, какъ самозванецъ, — они всѣ закричали: «повѣсить его! повѣсить!... Мы не хотимъ его больше!...» Семейства, которыя онъ угнеталъ, отцы, которыхъ дѣтей онъ казнилъ, и особенно духовенство — требовали его смерти громкими восклицаніями. Степанъ находился тогда близко оттуда. Узнавъ, что происходило,

---

¹⁾ Офицеры эти были — гг. Розенбергъ, впоследствии генераль-аншефъ, Герсдорфъ, Малявскій, Войновичъ и еще пятый, котораго имя я позабылъ. Войновичъ, родомъ Сербъ, служилъ въ то же время переводчикомъ.

онъ собралъ вокругъ себя своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, сталъ во главѣ ихъ и пошелъ на монастырь, въ которомъ находился русскій генералъ. Князь Долгорукій, между тѣмъ, взялъ въ свою службу 26 славянъ и образовалъ изъ нихъ стражу: — это было все войско, какое онъ имѣлъ, вмѣстѣ съ десяткомъ русскихъ офицеровъ, сержантовъ и слугъ. Приближаясь къ монастырю, Степанъ замѣтилъ, что расположеніе въ нему народа измѣнилось; даже многіе изъ тѣхъ, которые слѣдовали за нимъ, уже колебались въ томъ, что имъ дѣлать. Самъ онъ гарцовалъ передъ своимъ отрядомъ, старался его ободрить, далъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ на воздухъ, чтобы напугать князя и его свиту; но черногорцы все кричали: «повѣсить его!» — Въ это время монастырь, что называется, трещалъ отъ народа; всѣ толпились на крыльце. Тѣ, которые были ближе къ князю, кричали: «повѣсить его!», тѣ, что стояли внизу, не знали еще, его ли это требуютъ смерти, или Степановой. Положеніе обоихъ было критическое. Наконецъ, князь показался передъ черногорцами и сказалъ имъ, что никогда императрица, ихъ общая государыня, не наказывала никого не выслушавъ; что, слѣдовательно, Степанъ долженъ быть судимъ, и что онъ приказываетъ, именемъ императрицы, чтобы онъ предварительно былъ приведенъ къ нему. Всѣ затихли и повиновались. Тотчасъ же всѣ побѣжали къ Степану и объявили ему, что онъ долженъ явиться къ русскому генералу, если не желаетъ быть тотчасъ казненъ. Степанъ покорился и былъ приведенъ къ князю Долгорукому. Онъ явился самоувѣренно

и отвѣчалъ съ большимъ присутствіемъ духа и твердостію. Когда князь спросилъ его передъ всѣмъ міромъ, какъ онъ осмѣлился принять имя Петра III, онъ ему отвѣчалъ, что это не самъ онъ, а они его такъ называли, — что, правда, онъ не старался ихъ разубѣдить, но что не имѣетъ болѣе нужды носить это имя, потому что царствуетъ надъ ними по ихъ собственному избранію, что онъ заслужилъ это по тѣмъ услугамъ, которыя онъ постоянно оказывалъ народу, и по тому ужасу, какой его имя внушаетъ туркамъ. Князь велѣлъ отвести его въ тюрьму, въ монастырь, гдѣ имѣлъ пребываніе, и поставилъ четверыхъ изъ своихъ славянъ часовыми, чтобы стеречь его. — Онъ разсыпалъ народу щедроты, обѣщалъ ихъ еще болѣе и распустилъ сборище, которое разошлось въ добромъ порядкѣ, и каждый возвратился въ свою деревню.

«Въ то время какъ все это происходило въ Черногоріи, скутарійскій паша, который со дня на день ожидалъ высадки русскаго флота и диверсій черногорцевъ, оцѣнилъ головы князя Долгорукаго и Степана Малаго и послалъ эmissаровъ, чтобы посѣять раздоръ между черногорцами. Князь Долгорукій, спокойный со стороны Степана Малаго, занялся сначала организаціей всеобщаго возстанія. Онъ употребилъ на это патріарха, который пользовался большимъ уваженіемъ, и офицеровъ, которыхъ имѣлъ при себѣ; но онъ скоро увидѣлъ, что партія Степана гораздо значительнѣе, нежели онъ прежде думалъ: ошеломленные въ началѣ, они покорились всему; но скоро начали сожалѣть о немъ и даже искали средствъ освободить его.

Князь, имѣя только 26 славянъ, которыхъ могъ имъ противопоставить, и не имѣя основанія слишкомъ полагаться на вѣрность этого дикаго и непостояннаго народа, искалъ уже средства все примирить, освободивъ Степана, предварительно заставивъ его присягнуть на повиновеніе и вѣрность императрицѣ и дать обѣщаніе служить ей всѣми способами и со всѣмъ усердіемъ противъ общаго врага — турокъ. Этотъ планъ во всѣхъ отношеніяхъ годился для Степана Малаго: онъ возвращалъ свое могущество и бралъ всю свою власть, будучи сверхъ того поддерживаемъ русскими. Передъ нимъ развертывалось болѣе обширное поле для его честолюбія и болѣе отрадная будущность въ случаѣ неудачи, ибо тогда онъ нашелъ бы убѣжище и покровительство въ Россіи. — Между тѣмъ къ князю присланъ былъ курьеръ отъ графа Орлова. Извѣстія, которыя онъ привезъ ему, заставили его измѣнить всѣ свои распоряженія и подумать объ отступленіи, которое сдѣлалось для него даже довольно опаснымъ.

«Графъ Ѳеодоръ Орловъ, братъ генерала-аншефа Алексѣя, забралъ себѣ въ голову командовать черногорской экспедиціей и упрашивалъ о томъ своего брата; но тотъ никакъ не хотѣлъ на это согласиться, во первыхъ, — не желая удалить его отъ себя, во вторыхъ, — боясь пустить его въ предпріятіе, столь рискованное, съ небольшими отрядами, которые онъ могъ ему дать; короче, — онъ начисто отказалъ. Графъ Ѳеодоръ, не успѣвъ получить этого командованія, старался съ тѣхъ поръ заставить брата совсѣмъ отмѣнить эту экспедицію. Онъ представлялъ ему, что имѣя мало войска въ своемъ рас-

пораженіи, онъ только можетъ обезсилить себя, какъ бы мало ни отдѣлилъ въ горы; что тогда предполагаемыя высадки въ Мореѣ очень рисковали быть неуспѣшными; что, такъ какъ въ одно и то же время, должны быть исполнены два предпріятія такъ далеко одно отъ другаго, то будетъ невозможно помогать взаимно, въ случаѣ несчастія которой-либо стороны; что, кромѣ того, нельзя никоимъ образомъ полагаться на черногорцевъ, народъ дикій, который не зналъ никакой субординаціи, былъ очень непостояненъ и, сверхъ того, способенъ лишь къ партизанской войнѣ, да и то только въ горахъ; что, вышедши оттуда, они не устоятъ противъ одного турецкаго кулака, и что въ такомъ случаѣ — значило бы принести въ жертву малое число русскихъ, которыхъ можно было послать къ нимъ.—Если хорошенько разсудить, то замѣчанія графа Федора были вѣрны; но я думаю, что онъ долженъ былъ дѣлать ихъ раньше.—Какъ бы то ни было, но экспедиція была отмѣнена, и рѣшились предоставить этихъ горцевъ самимъ себѣ, ограничиваясь на ту минуту только тѣмъ, чтобы послать имъ пороху, свинцу и нѣсколько ружей.—Такимъ образомъ, князь Долгорукій, проведя среди ихъ три мѣсяца, получилъ приказъ возвратиться. Онъ тотчасъ же увидѣлъ опасность своего положенія: цѣна, которую скутарійскій паша положилъ за его голову, искушала уже многихъ черногорцевъ; они нѣсколько разъ приходили къ нему депутаціей просить его распустить свою славянскую стражу, говоря, что имъ обидно видѣть своего генерала охраняемымъ иностранцами, что это доказываетъ

недовѣріе и что они не думали, что заслужили его; съ другой стороны, приверженцы Степана волновались и громко жаловались на его долгое заключеніе. — Тогда князь рѣшился отправить одного изъ своихъ офицеровъ съ нѣсколькими славянами въ ближайшій портъ тайно запасться судномъ и, когда оно было готово, велѣлъ привести къ себѣ Степана Малаго и объявить ему, что императрица не только прощаетъ ему, что онъ осмѣлился взять имя послѣдняго императора, но что, во вниманіе къ раскаянію, имъ показанному, она жалуетъ его офицеромъ на службѣ имперіи.

«Князь передалъ ему тотчасъ же дипломъ и мундиръ и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что онъ назначаетъ его главнымъ правителемъ народа и страны, съ условіемъ, что отнынѣ онъ будетъ служить своей новой повелительницѣ съ усердіемъ и вѣрностію противъ турокъ. Степанъ возобновилъ свои увѣренія, снова далъ присягу въ вѣрности и воротился къ себѣ, счастливый, что отдѣлался такъ дешево. Всѣ его сторонники обнаружили величайшую радость и давали пиры и праздники по своему обычаю. Духовенство и тѣ, которые требовали его головы, находились въ ужасномъ смущеніи, не смотря на забвеніе прошлаго, котораго русскій генераль отъ него требовалъ и которое онъ торжественно обѣщалъ, — ибо они не полагались на его слово. Тогда-то князь Долгорукій тайно пустился въ путь, чтобы отправиться въ гавань; однако, объ этомъ пронюхали, — патріархъ и нѣкоторые изъ главныхъ враговъ Степана прибѣжали на берегъ, умоляя князя взять ихъ съ собою, что затруднило его тѣмъ болѣе,

что шлюпка едва могла вмѣщать въ себѣ его людей, а между тѣмъ въ нее бросилось болѣе 60 человекъ. Такимъ-то образомъ, безъ воды, безъ провизіи, въ черезъ-чуръ нагруженной лодкѣ князь оставилъ сторону Далмаціи; однако, благодаря постоянно-хорошей погодѣ и попутному вѣтру, онъ счастливо высадился въ Анконѣ; оттуда отправился къ графу Орлову въ Ливорно. Онъ не нашелъ уже тамъ флота и графа Ѳедора, который отплылъ въ Архипелагъ; но генераль-аншефъ оставался еще тамъ съ однимъ линейнымъ кораблемъ. Онъ взялъ съ собой князя Долгорукаго и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ, чтобъ соединиться съ своимъ флотомъ.

«Возвратимся къ Степану Малому.

«Тотчасъ послѣ отъѣзда русскихъ онъ снова вступилъ въ свои права; но скоро увидѣлъ, что много потерялъ въ общественномъ мнѣніи: — онъ никогда не могъ успѣть сдѣлать всеобщее возстаніе, чтобы произвести диверсію, которую обѣщалъ русскому генералу. Такимъ образомъ, онъ ограничился тѣмъ, что укрѣпился въ своихъ горахъ противъ нападеній скутарійскаго паши. Онъ не выдумалъ для того ничего лучше, какъ проложить въ своей странѣ удобные пути. Но однажды, когда онъ осматривалъ мины, одну взорвало такъ несчастливо, что у него лопнули оба глаза. Съ той минуты онъ заперся въ монастырѣ, куда не допускалъ къ себѣ никого; оттуда онъ разсылалъ свои приказанія и часто его именемъ совершались жестокости, которыя заставляли ненавидѣть его съ каждымъ днемъ болѣе, до тѣхъ поръ, пока шпіонъ скутарій-

скаго паши, грекъ, который успѣлъ овладѣть вполне его довѣріемъ и одинъ не оставлялъ его ни днемъ, ни ночью, не умертвилъ его въ его комнатѣ, чтобы получить деньги, обѣщанныя пашою. Онъ спокойно вышелъ потомъ изъ монастыря, заперевъ комнату Степана на ключъ и сказавъ стражѣ, что король (царь) почиваетъ, и запретилъ кому бы то ни было входить къ нему прежде, чѣмъ онъ позоветъ. Привыкнувъ видѣть, что грекъ свободно входилъ къ Степану и выходилъ, никто не думалъ остановить его, и онъ успѣлъ переѣхать черезъ озеро (Скутари), которое одно отдѣляло турецкія владѣнія отъ монастыря, и спастись у своего патрона.

«Такъ кончилъ Степанъ Малый, который, еслибъ былъ поддерживаемъ и направляемъ русскими, сдѣлался бы, вѣроятно, вторымъ Скандербекомъ, и которому всѣ окружныя славянскія націи не преминули бы подчиниться ¹⁾».

Все содержаніе записки г. Всеволожскаго группируется, такимъ образомъ, около одного событія—посольства князя Долгорукаго въ Черногорію. Степанъ Малый выступаетъ, какъ лице второстепенное и только по отношенію къ сущности и цѣли русскаго посольства, а потому и является въ этомъ разсказѣ чѣмъ-то недорисованнымъ. Изъ разсказа не видно, какое значеніе имѣлъ этотъ человѣкъ среди окружныхъ славянскихъ племенъ и какое значеніе придавали ему со-

---

¹⁾ .... qui s'il avait été soutenu et dirigé par les Russes serait probablement devenu un second Scanderbeg et auquel toutes les nations slaves des environs auraient certainement fini par se soumettre.

сѣднія съ Черногорією государства. Одно надо сказать, что Степанъ Малый, сдѣлавшись черногорскимъ царемъ, такъ умѣлъ поставить себя, что казался страшнымъ и грознымъ не одной Венеціанской республикѣ, уже безсильной въ то время, хотя и гремѣвшей прошедшею славой, но и Турціи, бывшей тогда, до войны съ Россією, въ апогеѣ своего могущества, Турціи, ни на минуту не дававшей Европѣ забыть, что войска султана могутъ наводнить всѣ цивилизованныя государства того времени. Объ этомъ значеніи Степана Малаго записка г. Всеволожскаго умалчиваетъ, потому что, какъ видно изъ всего, на черногорскаго самозванца смотрѣли у насъ въ Россіи, какъ на личность неважную. Но записка указываетъ на происхожденіе самозванца, о которомъ до сего времени ничего положительнаго не было извѣстно; говорили только, будто онъ пришелъ изъ Крайны еще юношей и былъ богатъ; но никто не зналъ, откуда онъ имѣлъ это богатство и гдѣ получилъ образованіе, которое проявлялось отчасти въ томъ, что самозванецъ, поступившій въ услуженіе къ одному богатому черногорцу, зналъ нѣсколько языковъ и имѣлъ свѣдѣнія въ медицинѣ. Записка г. Всеволожскаго говоритъ, что онъ былъ или боснякъ, или австрійскій славянинъ, т. е. или турецкій или австрійскій подданный, но во всякомъ случаѣ славянинъ и, кромѣ того, занимался контрабандой и пиратствомъ вмѣстѣ съ дубровничанами (рагузанами). Но ни записка г. Всеволожскаго, ни прежнія извѣстія о Степанѣ Маломъ не разъясняютъ главной темной стороны этаго дѣла: почему именно молодой пиратъ вздумалъ назы-

ваться русскимъ царемъ и почему думалъ онъ, что ему повѣрять, когда онъ скажетъ, что Петръ III не умеръ? — Явленіе самозванцевъ — это русская національная черта, выработавшаяся въ народномъ характерѣ вслѣдствіе особенныхъ историческихъ условій, о которыхъ мы не говоримъ; но почему молодому пирату Адриатическаго моря пришла идея, которую могъ переварить въ своей головѣ только Пугачовъ, — это не легко объяснить. Въ запискѣ г. Всеволожскаго мы находимъ объясненіе самаго имени Степанъ: это значитъ «малая корона», т. е. царь малый, владыка Черногоріи, въ отличіе отъ «царя большаго», русскаго императора. Сербы, дѣйствительно, обращаясь къ своимъ царямъ, называютъ ихъ иногда «крунами», какъ на примѣръ —

Царь Лазаре, србска круно златна!

Ти полазиши съ ютра у Косово и т. д., —

однако, едва ли Степанъ Малый назывался такъ именно въ этомъ смыслѣ.

Разсказъ о томъ, какъ князь Юрій Долгорукій выполнилъ свое посольство въ Черногоріи, у г. Всеволожскаго совершенно противорѣчитъ тѣмъ извѣстіямъ, какія мы имѣли до сихъ поръ. Столкновеніе князя Долгорукаго и Степана Малаго принимаетъ у него другой видъ, такъ что личность черногорскаго царя какъ-то стушевывается передъ русскимъ генераломъ. По словамъ г. Всеволожскаго, черногорцы тотчасъ же отступились отъ мнимаго царя, лишь только князь Долгорукій прочелъ имъ манифестъ императрицы и увѣрилъ, что Степанъ Малый — самозванецъ. Черно-

горцы, такъ храбро и счастливо сражавшіеся подъ его знаменами, теперь кричали: «повѣсить его!» — Между тѣмъ, по словамъ жизнеописателя и современника Степана Малаго, князь Долгорукій игралъ самую жалкую роль въ Черногоріи, и появленіе самозванца передъ Долгорукимъ, въ виду народа, было торжествомъ для перваго и позоромъ для послѣдняго. Всеволожскій говоритъ, что Долгорукій велѣлъ посадить самозванца въ заточеніе и приставилъ къ нему караулъ, какъ къ арестанту. Напротивъ, у жизнеописателя Степана Малаго, лично знавшаго царя и служившаго въ его свитѣ, мы находимъ не совсѣмъ лестныя для Долгорукаго извѣстія, о томъ напримѣръ, какъ этотъ князь бѣжалъ изъ Черногоріи и не только не думалъ о поддержаніи своего достоинства, но не имѣлъ даже возможности скрыть свой срамъ, потому что деньги, растерянные имъ изъ кармановъ по дорогѣ, по которой онъ бѣжалъ къ морю, означили слѣдъ его и прямо указывали на бѣгство, которымъ онъ спасался отъ самозванца, будто бы имъ арестованнаго ¹⁾. Изъ записки г. Всеволожскаго мы узнаемъ также имена офицеровъ, сопровождавшихъ князя Долгорукаго во время его посольства въ Черногорію.

---

¹⁾ Stiépan Mali, c'est-à-dire Etienne Petit ou Stepano Piccolo, le pseudo-Pierre III, empereur de Russie, — сочиненіе, писанное офицеромъ, служившимъ при дворѣ Степана Малаго, прямо говоритъ о князѣ Долгорукомъ и его бѣгствѣ: Quoiqu' envoyé de la part de l'Impératrice de Russie, comme son général et son ministre plénipotentiaire à Monténégro, Dolgorouki après un séjour de peu de semaines, quitta le pays en fugitif et perdit même l'argent, qu' il avait dans ses poches, en se glissant du haut des montagnes dans la nuit, pour pouvoir joindre les vaisseaux et passer à Livourne où Alexis Orloff l'attendait (p. 34).

Какъ бы то ни было, но свѣдѣнія, сообщенныя намъ М. П. Погодинымъ, проливаютъ новый свѣтъ на отношенія черногорскаго самозванца къ Россіи, которыя, безъ сомнѣнія, уяснятся болѣе, когда вопросъ о черногорскомъ предшественникѣ Пугачова, будетъ разработанъ по современнымъ документамъ, вѣроятно, хранящимся въ архивахъ Москвы и Петербурга. Тогда, быть можетъ, живѣе выступитъ передъ нами этотъ загадочный двадцатилѣтній царь, котораго, еще въ прошломъ вѣкѣ, волновала идея всеславянскаго единенія.

Самозванецъ Богомоловъ ¹⁾.

Въ 1771 — 72 году по станицамъ волжскаго войска и въ Дубовкѣ формировался Московскій легіонъ генераль-маіора князя Прозоровскаго. Легіонные офицеры разъѣзжали по станицамъ и хуторамъ и записывали въ свои команды казаковъ-охотниковъ.

Сформированные отряды размѣщались по квартирамъ. — Въ это время въ команду ротмистра Григорія Персидскаго записался одинъ неизвѣстный молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти.

При спросѣ онъ показалъ, что зовутъ его Ѳедотомъ Ивановымъ Казинымъ, родомъ изъ донской Веманской станицы, сынъ служилаго казака, который умеръ назадъ тому лѣтъ двадцать.

---

¹⁾ Царствованіе императрицы Екатерины II богато самозванцами. Судьбу одного изъ нихъ, еще неизвѣстнаго исторіи, мы намѣрены разсказать по подлиннымъ документамъ того времени, извлеченнымъ изъ Царицынскаго архива. Бумаги переданы намъ Н. И. Костомаровымъ. Эти бумаги, вмѣстѣ съ другими неизданными архивными дѣлами второй половины XVIII в., заключаютъ богатый матеріалъ для исторіи смутной эпохи Пугачова, разработкою которой мы и заняты въ настоящее время.

Его такъ и записали.

Это было 16 января 1772 года.

Вскорѣ между казаками прошли странные слухи.... Говорили за тайну, что въ легіонѣ одинъ изъ казаковъ признанъ за покойнаго императора Петра Третьяго. Указывали на Ѳедота Казина. Казаки стали сходиться и толковать объ этомъ странномъ обстоятельстве: во время одной сходки, двое изъ нихъ, Марусенокъ и Лучиньикъ, а за ними и другіе говорили, что хотя этотъ незнакомецъ и не похожъ на бывшаго государя, но, какъ тому прошло уже много лѣтъ, когда объявлено было о кончинѣ Петра Ѳедоровича, то онъ могъ и перемѣниться.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, именно въ октябрѣ 1771 года, являлся въ Дубовку къ ротмистру Персидскому другой охотникъ, еще моложе перваго, и записался въ легіонъ подъ именемъ Спиридона Долотина. Въ немъ признали *государственнаго секретаря*.

Между тѣмъ, по Илавлѣ расположились на постой три набранныя роты. Тутъ были Казинъ и Долотинъ. Они жили въ одной избѣ. Роты, расположенныя по Илавлѣ, находились одна отъ другой верстахъ въ пяти. Зимой по ночамъ казаки сходились и разсуждали о появившихся между ними великихъ особахъ. Число вѣровавшихъ постоянно возрастало. Одна рота собралась какъ-то у Казина. Думали идти въ Дубовку.

Въ это время, именно 30 марта, когда умы казаковъ уже достаточно были взволнованы слухами и ночными бесѣдами, одинъ изъ нихъ, по фамиліи Буренинъ, просилъ своего командира о жалованьѣ. Прапорщикъ

Терскій сказалъ ему вслухъ при всѣхъ казакахъ: «ты отъ боярина еще недавно, а уже требуешь себѣ жалованья».

Казаки услышали: это ихъ обидѣло, и они закричали въ одинъ голосъ: «Поэтому мы всѣ боярскіе!... Зачѣмъ насъ въ казаки принимали?»

Въ порывѣ увлеченія они объявили, что съ ними находится бывшій императоръ Петръ Третій, что они намѣрены забрать казенныхъ лошадей и все необходимое къ походу и ѣхать въ Дубовку для охраненія его величества.

Дали знать въ Дубовку. Прискакалъ ротмистръ Персидскій съ прочими офицерами и войсковымъ старшиною Поляковымъ. Персидскій увѣщавалъ казаковъ смириться; его не слушали. Наконецъ, онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по нимъ изъ пушекъ.

Казаки собрали кругъ и тутъ же на общемъ совѣтѣ порѣшили: идти всѣмъ въ Дубовку и объявить находящагося между ними незнакомца императоромъ, а офицеровъ арестовать.

Такъ и сдѣлали. Посадили подъ караулъ офицеровъ, въ томъ числѣ ротмистра Персидскаго, и стали готовиться къ походу: осѣдлали казенныхъ лошадей и вооружились. Но одинъ изъ офицеровъ, Степанъ Савельевъ, выпросился изъ-подъ караула повидаться будто бы съ государемъ. Его отпустили. Онъ ворвался въ избу, гдѣ сидѣлъ названный императоръ, ударилъ его по лицу и закричалъ, чтобъ взяли его подъ караулъ: «Какой онъ государь!» Казаки оробѣли. Сами схватили самозванца и заковали въ кандалы. Съ нимъ заковали и

молодаго государственнаго секретаря, казака Долотина, и обоихъ съ конвоемъ препроводили въ Дубовку. Едва успѣли довести ихъ туда, прямо ввели въ войсковую канцелярію и, допросивъ секретно, въ тотъ же день немедля отправили за безопаснымъ конвоемъ въ Царицынъ, куда долженъ былъ пріѣхать тогда астраханскій губернаторъ генераль-поручикъ Бекетовъ.

Это было 1-го апрѣля. На другой день, 2-го апрѣля, ихъ допрашивали: что они показали, это было тайною для народа и казаковъ. По снятіи допросовъ, арестантовъ посадили подъ крѣпкій караулъ, что у Царицынскихъ воротъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ мѣсяцевъ. Утромъ 25-го іюня, въ 8-мъ часу, къ правящему должностъ адъютанта прапорщику Худякову, явился царицынскій баталіонный солдатъ Петръ Шедруновскій и донесъ, что въ ту ночь, часу въ двѣнадцатомъ, баталіонный барабанщикъ Тимоѣей Лобановъ, ходя по квартирамъ, говорилъ солдатамъ, чтобъ всѣ были въ готовности и не спали; что будетъ ночью у Царицынскихъ воротъ тревога.

Барабанщика сыскали и привели въ баталіонную канцелярію. Онъ не запирался и показалъ, что наканунѣ, часу въ одиннадцатомъ ночи, когда онъ стоялъ у воротъ квартиры, подошелъ къ нему тамошній соборный священникъ Никифоръ Григорьевъ и сказалъ, что въ ту ночь у Царицынскихъ воротъ будетъ тревога.

Какъ бы то ни было, однако, нужно было принять мѣры на всякій случай. Доложили губернатору, который тогда былъ уже въ Царицынѣ. Губернаторъ приказалъ

перевести самозванца въ другое мѣсто, подѣ карауль гауптвахты; попа Никифора, отыскавъ, заковать въ желѣза и держать подѣ карауломѣ, а между тѣмѣ принять надлежащія предосторожности.

Когда майорѣ Титовѣ явился къ самозванцу въ караульню, чтобы перевезти его на гауптвахту, колодникѣ сказалѣ ему: — «Куда ты меня хочешь везти? Суди здѣсь». Но, когда караульные взяли его и силою привели къ телѣгѣ, самозванецѣ закричалѣ: — «Міряне, не выдайте!..» Но больше ему не дали кричать: зажавѣ ротѣ, бросили въ телѣгу и повезли. Впрочемѣ, на этотѣ разѣ народу тамѣ вовсе не было.

Послѣ того, взяли попа въ его собственномѣ домѣ, пьянаго, и привели въ гражданскую канцелярію; оттуда онѣ посланѣ былѣ въ полицейскую избу съ караульными, которые должны были заковать его въ желѣза и посадить въ особое мѣсто. Тогда около гауптвахты, куда перевезли за нѣсколько часовѣ самозванца, въ разныхѣ мѣстахѣ началѣ показываться народѣ; сначала онѣ собирався небольшими кучками; потомѣ сталѣ прибывать значительными массами. — Караульные начали разгонять сборище; — но напрасно: толпы увеличивались. Въ первомѣ часу, на Спасскомѣ мосту, у волжскаго взвоза, мгновенно собралось разнаго народу человекѣ до двухѣ сотѣ. Въ это время изѣ канцеляріи вывели попа на крыльце. Вырвавшись у караульных солдатѣ, онѣ бросился къ народу и просилѣ помощи: — «Братцы! православный народѣ, не выдайте!»

Но караульные схватили его, силою увели въ полицейскую избу и заковали въ цѣпь. Народѣ пришелѣ

въ смятеніе: всѣ бывшіе на базарѣ и толпы, собравшіяся у Спасскаго моста и вокругъ гауптвахты, чернь, рекруты и артиллеристы, бросились на базарные шалаши, обломали загородки и, схвативъ въ руки колья, шесты и полѣнья всей массой двинулись къ гауптвахтѣ и, подаваясь по фронту, приблизились къ плацу саженъ на двадцать.

Ударили тревогу. Въ это время въ толпѣ показался царицынскій комендантъ полковникъ Цыплетевъ, маіоры Анненковъ и Титовъ и инженеръ-подпоручикъ Мухановъ. Они бросились къ гауптвахтѣ, пробираясь межъ народомъ; комендантъ приказалъ стрѣлять въ толпу; потомъ, вмѣстѣ съ Анненковымъ, Титовымъ, Мухановымъ и съ ними купеческій депутатъ Оловянишниковъ, кинулись въ самую середину скопища, начали бить и ловить всѣхъ въ толпѣ, кто попался. Народъ смѣшался и рассыпался въ разныя стороны: иные бѣжали по улицамъ, прочь отъ гауптвахты; другіе, побросавъ колья, кинулись въ народъ, толпившійся на базарѣ, и мгновенно скрылись; иные расходились по домамъ тихо, не оказывая никакого сопротивленія. Въ пылу свалки Цыплетевъ получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ въ спину и въ руку, которою долго потомъ не могъ владѣть. Многихъ забрали подъ стражу.

На другой день началось слѣдствіе. Привели къ допросу капрала Васильева и другихъ солдатъ, которые стояли на караулѣ у Царицынскихъ воротъ, когда тамъ сидѣлъ самозванецъ. Изъ показаній ихъ объяснилось слѣдующее:

Однажды, стоя въ караулѣ, Васильевъ и прочіе ча-

совые вступили въ разговоръ съ самозванцемъ. Арестантъ спрашивалъ ихъ: «Знаете-ль вы государя Петра Ѳедоровича и гдѣ онъ нынѣ находится?» Солдаты отвѣчали, что государя не видали и не знаютъ, а слышали, что онъ скончался. Черезъ два дня послѣ этого разговора, одинъ изъ часовыхъ подошелъ къ капралу и сказалъ ему за тайну, что колодникъ показывалъ имъ на груди у себя изображеніе креста на тѣлѣ ¹⁾ и объявилъ о себѣ, что онъ императоръ Петръ Третій. Слова эти смутили Васильева; но онъ недолго оставался въ такомъ положеніи и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже вполне увѣренъ, что находящійся у нихъ колодникъ — дѣйствительно государь. Съ тѣхъ поръ въ караульнѣ стали появляться разные подозрительныя лица. Молва, что императоръ содержится въ Царицынѣ подъ стражею, ходила уже по базарамъ и площадямъ; сначала говорили шопотомъ, а потомъ заговорили громко.

18-го іюня впущенъ былъ къ арестанту донской казакъ Семенниковъ. Въ разговорѣ онъ называлъ колодника государемъ и просилъ караульныхъ, чтобъ поберегли его. Онъ подговаривалъ весь карауль бѣжать къ нимъ на Донъ вмѣстѣ съ колодникомъ, чтобы тамъ провозгласить его государемъ. Потомъ, оборотясь къ Васильеву, спросилъ: «Нельзя ли его какимъ бы нибудь случаемъ изъ-подъ караула украсть?» Но Васильевъ не согласился и вытолкалъ его въ зашей, какъ самъ выразился на допросѣ. Послѣ того Семен-

---

¹⁾ «Подъ грудью бѣлымъ видомъ крестъ». Ср. Пугачова. Народное повѣрье.

никовъ былъ у самозванца раза три и опять склонялъ караулъ къ побѣгу. «Ежели онъ подлинно государь», сказали солдаты, «и придетъ время, то можетъ о себѣ объявить не стыдась и здѣсь въ городѣ, чего мы всѣ отъ него и ожидаемъ, а побѣга не учинимъ.» Съ тѣмъ Семенникова и отпустили. Когда же онъ откланивался, колодникъ просилъ, чтобъ онъ объявилъ объ немъ въ войскѣ донскомъ, чтобы собрали на Дону нѣсколько полковъ и освободили его изъ неволи. Семенниковъ сказалъ: «Я по станицамъ съ казаками совѣтывать буду и надѣюсь, что они узнавъ за тебя вступятся и, согласясь съ яицкими казаками, среди бѣла дня тебя, государя, возьмутъ.»

Нѣсколько разъ приходилъ и барабанщикъ Лобановъ, но никакихъ тайныхъ и важныхъ словъ не произносилъ; а 24-го іюня, по пробитіи «тапты», зашелъ и объявилъ какъ самозванцу, такъ и капралу, что наступающую ночь будетъ тревога. «Берегитесь, сказалъ, дабы при взятѣ государя васъ не перекололи.» И когда Васильевъ спросилъ у него, почему онъ это знаетъ, Лобановъ отвѣчалъ: «Слышалъ я о томъ отъ священника Никифора Григорьева.»

Нѣсколько разъ былъ у арестанта и тамошней соборной церкви священникъ Никифоръ; однажды приходилъ съ просфорою, а 24-го числа, ночью, взойдя въ караульню, объявилъ, что въ самую ту ночь будутъ за городомъ бить тревогу, на которую изъ города побѣжитъ народъ. Говорилъ, чтобы поберегли государя: «Хотятъ его отбить дубовскіе казаки.» «А вашъ бы караулъ былъ крѣпокъ», прибавилъ онъ: «а я стараться

буду сколько возможно.» А о чемъ стараться будетъ, того не объявилъ.

24-го же іюня, до пробитія тапты, зашелъ въ караульню драгунъ Некрасовъ и, разговаривая съ самозванцемъ, спрашивалъ, какимъ онъ случаемъ попался въ такую бѣду: «Что-жъ, братъ, дѣлать! Такъ тому и быть....», отвѣчалъ самозванецъ.

Наконецъ, къ нему приходило много неизвѣстныхъ людей: иные подавали милостыню и проходили мимо, другіе стояли и сидѣли противъ караульни. Ихъ отгоняли. — Этимъ пока и кончился допросъ караульныхъ.

Между тѣмъ въ Царицынѣ происходило слѣдующее:

26-го іюня, рано утромъ, еще до свѣту, когда народъ спалъ, на Волгѣ, отъ царицынской пристани тихо отчалили двѣ лодки: въ каждой было по двѣнадцати гребцовъ, одѣтыхъ въ казацкое и солдатское платье, по шести тѣхъ и другихъ на лодку. На передней сидѣлъ офицеръ. На днѣ каждой лодки лежало по человѣку, оба связанные и закованные. То были Казинъ и Долотинъ.

Когда потушено было народное возмущеніе въ Царицынѣ, губернаторъ Бекетовъ, опасаясь новыхъ волненій въ массѣ, если арестанты будутъ оставаться въ Царицынѣ, приказалъ тайно перевезти ихъ въ Черный Яръ. Ночью взяли ихъ, ночью вывели изъ города и поплыли по Волгѣ. Колодники лежали молча. На другой день, вечеромъ, обѣ лодки приплыли въ Черный Яръ. Верстъ за пять до города, тотъ изъ арестантовъ, который лежалъ во второй лодкѣ, проговорилъ: «Какъ бы въ Царицынѣ не было кровопро-

литія.... Потому что донскихъ казаковъ семь сотъ, да яицкихъ семь же сотъ прїѣдутъ выручать насъ и государя требовать станутъ.... А что онъ въ допросѣ показлъ себя другимъ, а не государемъ, оное учинилъ, не стерпя побой.»

Капралъ, находившійся въ лодкѣ, крикнулъ на него, чтобъ тотъ замолчалъ; а солдатъ, сидѣвшій въ греблѣ около самаго арестанта, такъ что Долотинъ лежалъ головою къ его ногамъ, услышавъ такія рѣчи, замахнулся на него весломъ и хотѣлъ ударить. Арестантъ замолчалъ и до самаго Чернаго Яра лежалъ уже тихо.

Произнесенныхъ Долотинымъ словъ не слыхалъ никто изъ бывшихъ въ лодкѣ, кромѣ капрала и солдата, потому что всѣ прочіе работали на веслахъ и ничего не видѣли. Считая рѣчи арестанта пустыми, капралъ, по прибытіи въ Черный Яръ, ничего не сказалъ объ нихъ своему офицеру; но, возвращаясь въ Царицынъ и находясь съ нимъ въ одной лодкѣ, донесъ объ угрозѣ арестанта. Ихъ всѣхъ допросили; но новаго ничего не узнали. Во избѣжаніе огласки, со всѣхъ казаковъ и солдатъ, отправлявшихъ колодниковъ въ Черный Яръ, взяли подписку, подъ страхомъ смертной казни, въ томъ, что отъ колодника никакихъ непристойныхъ рѣчей они не слыхали и сами бы никому въ мірѣ, ни подъ какимъ видомъ, не говорили, куда, зачѣмъ и съ кѣмъ ѣздили. Съ офицера, капрала и солдата взяли другую подписку, тоже подъ страхомъ смерти, — чтобъ они молчали обо всемъ, что видѣли и слышали.

Въ это время, вслѣдъ за возмущеніемъ 25 іюня, вездѣ искали Семенникова. Узнали, что онъ уѣхалъ въ Трехъ-островскую станицу. Для поимки его поскакалъ туда гонецъ, который вскорѣ воротился и донесъ, что Семенниковъ скрылся.

Фурьера Ромашева командировали съ секретнымъ предписаніемъ въ Пятиизбянскую станицу. Ромашевъ прожилъ тамъ пять дней, дожидаясь полковника Денисова, который отлучился изъ Пятиизбъ. Однажды, гуляя съ другимъ Денисовымъ, старшиною, по берегу Дона, подошли они къ питейному дому; въ окно кабака кликнулъ ихъ станичный атаманъ Слѣповъ выпить чарку водки. Они вошли и застали тамъ станичнаго писаря и малороссіянина Степана Пѣвчаго, приписаннаго въ семигривенный окладъ ¹⁾ Пятиизбянской станицы: всѣ трое были въ нетрезвомъ видѣ. Поднесли и Ромашеву. Затѣмъ разговоръ зашелъ о самозванцѣ, о которомъ Пѣвчій, бывшій передъ тѣмъ въ Царицынѣ, распустилъ по станицѣ странные слухи. — Спрашивали, что онъ за человѣкъ. Ромашевъ сказалъ, что его въ Царицынѣ уже нѣтъ, а «сосланъ, по его подлости, за дерзновенные поступки въ дальное мѣсто», а въ какое — умолчалъ.

Въ разговорѣ, атаманъ между прочимъ выразился: — «Я и вся наша станица обстоимъ какъ у его высокопревосходительства, такъ и у царицынскаго коменданта и у войскового атамана не подъ командою», — давая этимъ понять, что онъ знать не хочетъ ни губер-

---

¹⁾ Подать въ 70 коп.

натора Бекетова, ни другихъ властей, а служить кому-то другому, но кому не сказалъ.

А станичный писарь добавилъ:

— «Мы знаемъ, онаго названца (т. е. будто-бы государя Петра III) затѣмъ не выручаютъ и хотятъ уморить, что ея императорское величество желаетъ быть въ супружествѣ за графомъ Орловымъ.»

Когда возвратился полковникъ Денисовъ и прочиталъ секретное предписаніе губернатора, тотчасъ приказалъ схватить Пѣвчаго, возбуждавшаго своими толками Пятиизбянскую станицу къ возстанію, заковать въ наручни и посадить на цѣпь. Съ забитыми въ колоды ногами, за крѣпкимъ конвоемъ, онъ привезенъ былъ Ромашевымъ въ Царицынъ на почтовыхъ, приведенъ въ гражданскую канцелярію и секретно допрошенъ.

Пѣвчій былъ въ Царицынѣ два раза. Въ первый разъ ходилъ къ *явленному* самозванцу и отнесъ одну витушку и тридцать копѣекъ денегъ. — «Поклонись всей Пятиизбянской станицѣ», сказалъ ему самозванецъ.

Пѣвчій пріѣхалъ въ Пятиизбы, кланялся отъ колодника станичному атаману и казакамъ. А станичнымъ атаманомъ былъ тогда Максимъ Слѣповъ. Собравъ стариковъ, атаманъ спрашивалъ совѣта:

— «Что намъ, называемому государемъ послать денегъ?»

Приговорили: «дать рубль» и отдали Пѣвчему, который тогда же и поѣхалъ опять въ Царицынъ.

Когда онъ былъ у самозванца другой разъ, при-

шелъ туда одинъ линейный казакъ. — «Присланъ я, сказалъ онъ, отъ нашего линейнаго сотника Егора, станицы Букановской.»

— «Я сотника Егора букановскаго знаю», отвѣчалъ самозванецъ и приказалъ кланяться.

— «Сотникъ приказалъ вамъ донести», продолжалъ казакъ, «что курьеръ изъ Петербурха прѣхалъ и стоитъ у него на хватерѣ. Сказывалъ, изъ Петербурха идутъ четыре полка, которые на дорогѣ обѣхалъ, для встрѣчи васъ, государя, и при нихъ же четыре генерала».

Тутъ Пѣвчій видѣлъ у колодника въ тѣлѣ на груди крестъ, — и колодникъ сказалъ: «Какъ на грудяхъ видишь, такъ на лбу и на плечахъ есть у меня». Пѣвчій откланялся. Арестантъ приказалъ ему благодарить и кланяться станичному атаману, старикамъ и казакамъ всей станицы.

Нужно было схватить главнаго возмутителя, Семенникова. Но его не могли отыскать.

Губернаторъ, находясь въ Царицынѣ, отдалъ между тѣмъ коменданту приказаніе — смѣнить царицынскій гарнизонъ и находящихся въ городѣ артиллеристовъ и баталіонныхъ солдатъ выслать въ Астрахань; имъ на смѣну должны были придти оттуда двѣсти рекрутъ. Для этого артиллерійскихъ солдатъ, вообще подозрительныхъ людей, велѣно отправить въ Астрахань всѣхъ до одного; изъ горнизонныхъ баталіоновъ выслать по семидесяти пяти изъ каждаго, а изъ полевой команды — шестьдесятъ человѣкъ и все это сдѣлать «подъ приличнымъ претекстомъ», безъ огласки, отнюдь не давая

знать солдатамъ, для чего это дѣлается. Губернаторъ распорядился, чтобъ все исполнено было заблаговременно, до прихода изъ Астрахани рекрутъ.

Когда это происходило, въ Царицынѣ произвели слѣдствіе: какимъ образомъ Казинъ и Долотинъ могли вступить въ службу и кто виноватъ въ этомъ. Предложили вопросные пункты ротмистру Персидскому, который отклонилъ отъ себя отвѣтственность за преступниковъ, сославшись на войсковую канцелярію. Спросили войсковую канцелярію, та отписалась, обвинивъ одного изъ своихъ старшинъ.

Въ войскѣ донскомъ происходили между тѣмъ странныя вещи: тамъ начинало быть «непокойно».

Въ первыхъ числахъ іюня вышелъ изъ Трехъ-острововъ небольшой отрядъ казаковъ, наряженный войсковою грамотою въ пятисотную команду, которая отправлялась въ армію и находилась на рѣчкѣ Несви-тай; на другой день послѣ отъѣзда, утромъ, казаки послали двухъ товарищей въ Голубинскую станицу извѣстить, чтобъ ихъ казаки шли съ ними въ команду, а съ тѣмъ вмѣстѣ закупить «горячаго вина». Извѣстивъ объ томъ голубинцевъ и купивъ вина, посланные хотѣли уже воротиться къ отряду, какъ въ это время одинъ изъ голубинцевъ, казачій сынъ, взявъ одного изъ нихъ за руку и отведя въ сторону отъ людей, началъ говорить: — «Знаешь ли ты вашей станицы казака Семенникова?» Тотъ сказалъ, что знаетъ. — «Наказывалъ онъ, Семенниковъ, вамъ, чтобъ изъ нашихъ казаковъ, кои въ пятисотную команду выступили, къ нему въ городъ Царицынъ побывали.»

Приѣхавъ къ своимъ, посланные объявили казакамъ слышанное ими отъ «малолѣтка», и всѣ начали совѣтоваться; переговорили съ голубинцами, которые тоже выступили изъ станицы и стояли отрядомъ неподалеку, — и положили послать въ Царицынъ трехъ человекъ. Прождавъ посланныхъ два дня, они пошли далѣе, а черезъ три дня голубинцы оставили ихъ и больше не соединялись.

Черезъ нѣсколько дней приѣхали посланные къ отряду и сказали, что были въ Царицынѣ у Семенникова и видѣли царя, у котораго на груди въ тѣлѣ крестъ; что царь и Семенниковъ приказали прислать, на добрыхъ коняхъ, пять человекъ казаковъ и девять осѣдланныхъ лошадей, на которыхъ бы можно было увезти царя. Тотчасъ послали къ голубинцамъ спросить: не поѣдетъ ли и изъ нихъ кто въ Царицынъ съ лошадьми, — но голубинцы отказались. Тогда выбрали изъ своихъ станичныхъ шесть надежныхъ человекъ, дали имъ добрыхъ коней и отправили въ Царицынъ. Но тѣ, узнавъ отъ проѣзжихъ людей о принятыхъ въ городѣ предосторожностяхъ, воротились съ дороги и сказали, что до Царицына доѣхать никакъ нельзя. Не оставалось ничего болѣе, какъ продолжать путь къ командѣ.

Одинъ Семенниковъ дѣйствовалъ рѣшительно: возвратясь изъ Царицына въ свою станицу послѣ свиданія съ самозванцемъ и захвативъ саблю, пистолетъ и пару лошадей, на-вечеръ, 23-го іюня, поѣхалъ онъ самъ въ пятисотную команду, чтобы привлечь ее на свою сторону; вслѣдъ за нимъ выѣхалъ другой

казакъ, Серединцовъ и, нагнавъ Семенникова въ полѣ, спросилъ:

— «Куда ѣдешь?»

— «Я ѣду въ пятисотную команду», сказалъ Семенниковъ, «наши казаки были въ Царицынѣ и обѣщались государю пріѣхать.»

— «И мнѣ въ тое команду ѣхать.»

И поѣхали вмѣстѣ. Они настигли станичниковъ среди степи, когда тѣ отправлялись къ пятисотной командѣ, послѣ неудачной посланки шести человекъ въ Царицынѣ. Семенниковъ сталъ говорить имъ: — «воротитесь назадъ въ Царицынѣ.... Подлинно тамъ нашъ царь». Но казаки отвѣчали: — «Пошлемъ въ пятисотную команду, на рѣчку Несвитай, казака съ объявленіемъ, что въ Царицынѣ имѣется нашъ царь: буде оная команда воротится, то и мы воротимся.»

Послали гонца «о дву-конь». Тотъ черезъ два дня воротился съ извѣстіемъ, что команда безъ письменнаго вида идти не хочетъ.

Тогда Семенниковъ съ Серединцовымъ уѣхали отъ нихъ, а отрядъ пошелъ къ командѣ, которая, впрочемъ, не долго оставалась на Несвитаѣ. Безурядица господствовала во всемъ. Пріѣхалъ туда сержантъ генералъ-маіора Черепова (вѣроятно подсланный Семенниковымъ) и спросилъ казаковъ:

— «Что вы стоите здѣсь и не идете?»

— «Куда идтить?»

— «Куда писаны.»

— «Во вторую армію писаны.»

— «Нѣтъ, не во вторую армію, а на новую днѣпровскую линію, покуда безъ женъ.»

Пятисотная команда пришла въ смятеніе, отказалась отъ повиновенія и вся разбрелась по станицамъ и хуторамъ. Пришли домой и трехъ-островянцы съ единомышленниками Семенникова, который въ это время мутилъ своихъ станичниковъ дома: онъ всѣхъ подговаривалъ къ походу въ Царицынъ, старыхъ казаковъ и малолѣтнихъ казачьихъ дѣтей. Бунтовщики, для выполненія своего предпріятія, намѣревались утопить войсковаго старшину Чернозубова, станичнаго атамана Лабина, своего священника отца Гавріила и старика Соловьева, которыхъ наиболѣе боялись. Извѣстіе о замыслѣ ихъ навело страхъ на храбраго Чернозубова, на атамана и на стариковъ. Чернозубовъ сталъ дѣйствовать рѣшительно, не давая мятежу распространиться: онъ приказалъ атаману собрать сборъ. Эта вѣсть быстро прошла по станицѣ. Будучи боленъ, старшина сѣлъ въ коляску и поѣхалъ къ сборному мѣсту.

Когда онъ взошелъ на станичную «бесѣду», тамъ въ сборѣ было очень много казаковъ и казачьихъ дѣтей, былъ и Семенниковъ.

Чернозубовъ, отыскавъ копію съ именнаго указа императрицы о самозванцѣ, который содержался подъ арестомъ въ Воронежѣ въ 1776 году, и, прочитавъ передъ собраніемъ, спрашивалъ Семенникова:

— «О какомъ ты имени проговариваешь и возмущеніе дѣлаешь въ міру?»

Семенниковъ отвѣчалъ: «Есть въ городѣ Цари-

цынѣ, содержится подѣ карауломѣ царѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ.»

— «Совралѣ ты», дуракѣ, сказалѣ Чернозубовѣ: «хотѣ и былѣ царѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, но онѣ скончался, умре. Нынѣ у насѣ милостивѣя государыня Екатерина Алексѣевна, и наслѣдникомѣ его высочество Павелѣ Петровичѣ.»

Но Семенниковѣ громко закричалѣ: «Живѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и нынѣ въ Царицынѣ!»

Чернозубовѣ схватилѣ бунтовщика за волосы и билѣ палкою. А Семенниковѣ кричалѣ народу:

— «Чего вы стали?... Или вы оробѣли!...»

Но Чернозубовѣ приказалѣ атаману арестовать его и за карауломѣ отослать въ Царицынѣ. Когда онѣ тащилѣ его за волосы по собранію, вдоль бесѣды, и кричалѣ атаману: «сажай его въ колоду!», — одинѣ казачій сынѣ, взбѣжавѣ на середину бесѣды, закричалѣ:

— «За что Семенникова сажать въ колоду? Онѣ невиноватѣ!...»

И едва Лабининѣ приступилѣ къ заговорщику, чтобы взять его, малолѣтокѣ закричалѣ громкимѣ голосомѣ:

— «Малолѣтки! на майданѣ!»

А другіе вслѣдѣ ему: «Чего вы стали? ступайте на майданѣ!...»

Другой малолѣтокѣ, перескочивѣ черезѣ бесѣдную стѣну и, явѣсь на майданѣ, тоже кричалѣ: «За что Семенникова сажать въ колоду? Онѣ невиноватѣ!»

Вошли на майданѣ прочіе малолѣтки и приступили къ атаману: «За что его брать подѣ арестѣ?»

Атаманѣ въ страхѣ оставилѣ Семенникова. Черно-

зубовъ находился въ томъ же опасномъ положеніи; онъ видѣлъ бѣду; малолѣтки и казаки, возвышали голосъ; на майданѣ уже не было порядка; слышались только крики. Чернозубовъ перемѣнилъ тонъ; обратился къ собранію не съ угрозами, а съ лаской; просилъ недовольныхъ успокоиться, — напрасно. Онъ принужденъ былъ уйти съ бесѣды домой. Семенниковъ и Серединцовъ два раза приходили звать его на майданъ; но онъ не выходилъ изъ дому. Въ собраніи остался одинъ атаманъ. Когда онъ хотѣлъ снова взять Семенникова, казаки не допустили и вырвали изъ рукъ его атаманскую «наѣку» (родъ булавы).

— «Други мои, малолѣтки, стойте!» возвышалъ голосъ одинъ старый казакъ: «я съ Семенниковымъ пойду съ вами въ походъ и буду вамъ отецъ.»

— «Кто охотникъ ѣхать въ Царицынъ царя выручать?» кричалъ Семенниковъ.

— «Я съ тобою поѣду!» слышалось съ разныхъ сторонъ... Атаманъ едва успѣлъ бѣжать изъ собранія черезъ бесѣдную стѣну.

Такое опасное положеніе дѣлать требовало энергическихъ мѣръ. Войско донское понимало это и командировало въ Три-острова одного изъ извѣстныхъ и храбрыхъ старшинъ своихъ, Абросима Луковкина, впоследствии страшнаго для полчищъ другаго самозванца, болѣе памятнаго Россіи Емельяна Пугачова. Ему предписано было: во что бы то ни стало, тайно схватить Семенникова и Серединцова съ ихъ единомышленниками, а если тайно нельзя этого сдѣлать, то истребовать отъ донскихъ станицъ и съ царицынской линіи

казачьи команды, а изъ Царицына отрядъ регулярнаго войска, и съ начальникомъ отряда идти и взять ихъ вооруженною рукою.

Получивъ войсковую грамоту, Луковкинъ 21 іюня прибылъ въ Три-острова и узналъ, что единомышленники Семенникова и Серединцова собираются въ полѣ, на пашняхъ, въ станичномъ юрту. Но теряя времени и не дѣлая шуму, Луковкинъ въ тотъ же день, взявъ отрядъ казаковъ съ царицынской линіи и изъ Трехъ-острововъ, раздѣлилъ его на три части и послалъ въ поле, а съ четвертою поскакалъ самъ окольными дорогами: часть бунтовщиковъ переловлена была по пашнямъ и привезена въ станицу, а остальные взяты въ ихъ собственныхъ домахъ. Тутъ же схвачены были и малолѣтки, болѣе всѣхъ бунтовавшіе на майданѣ во время станичнаго сбора. Каждому изъ нихъ Луковкинъ наложилъ крѣпкія колодки, а руки связалъ назадъ и за строгимъ карауломъ отправилъ въ Царицынъ. Какъ казаки, такъ и малолѣтки были допрошены и отданы караульнымъ.

Не могли только поймать одного казака, Ананью Еремѣева, и коновода ихъ — Семенникова. Серединцовъ, съ которымъ онъ никогда не разлучался, былъ схваченъ раньше. — Послѣ шумнаго станичнаго сбора, когда съ майдана бѣжали Чернозубовъ и Лабининъ, главные бунтовщики пробыли въ станицѣ нѣсколько дней и потомъ опять, до приѣзда Луковкина, отправились вдвоемъ въ Царицынъ: но, не въѣзжая въ городъ, извѣстились отъ жителей, что самозванецъ изъ Царицына вывезенъ, — и поѣхали обратно въ

свои дома. Въ это время и былъ схваченъ Серединцовъ, въ тотъ самый день, когда въ другой станицѣ, въ Пятиизбахъ, взяли подъ карауль Пѣвчаго. Дней черезъ семь, съ царицынской линіи отъ пѣхотнаго линейнаго атамана Янова пришло въ комендантскую канцелярію извѣстіе, что жена Серединцова отъѣхала въ Царицынъ, что, по всей вѣроятности, она послана къ мужу для переговоровъ отъ тамошнихъ заговорщиковъ. Яновъ просилъ, нельзя ли будетъ ее тамъ поймать и допросить: не имѣютъ ли бунтовщики намѣренія какимъ либо способомъ украсть Серединцова и не знаетъ ли она чего о Семенниковѣ.

Въ Царицынѣ между тѣмъ все шли допросы. Привезли еще одно лице, букановскаго линейнаго сотника, Егора Коршунова, который, какъ мы видѣли выше, присылалъ будто бы поклонъ самозванцу и извѣщалъ, что къ нему изъ Петербурга идутъ четыре полка съ четырьмя генералами. Противъ вопросныхъ пунктовъ Коршуновъ отвѣчалъ, что самозванца онъ никогда не зналъ и нигдѣ не видалъ, что въ іюнѣ командированъ былъ съ линіи въ Царицынъ для сдачи, въ перемѣну, негодныхъ бочекъ. Проходя базаромъ, онъ слышалъ между народомъ «переговоръ», что въ городѣ содержится подъ карауломъ царь, а какой — не вслушался, «ставя народные разговоры ни во что». По приѣмѣ бочекъ, въ тотъ же день онъ воротился на линію, не вѣря слышанному и не говоря о томъ никому ни слова. Писемъ и поклоновъ никому не посылалъ и самъ ни отъ кого не получалъ.

Чтобы подавить день-ото-дня распространявшіеся

толки и возстановить тишину въ народѣ, войско донское разослало строжайшія войсковыя грамоты по всѣмъ рѣкамъ, въ станицы, къ станичнымъ атаманамъ и казакамъ, а, наконецъ, войсковымъ старшинамъ, опредѣленнымъ для сыска и высылки бѣглыхъ, — чтобъ жители не вѣрили никакимъ возмутительнымъ слухамъ, а ловили бы разгласителей. — Но напрасно старались подавить волненіе, произведенное загадочной личностью самозванца и его молодого секретря; толки неугоми-маго Семенникова разжигали народныя страсти, возбуждали къ неповиновенію и раздражали до крайности. Уже схвачены были всѣ его товарищи и единомышленники; поймали Серединцова, который его почти нигдѣ не покидалъ; всѣ сидѣли въ цѣпяхъ, подъ строжайшимъ карауломъ: а Семенникова все не могли поймать. Правительство понимало опасность такого настроенія умовъ и предвидѣло большія волненія. Государственная военная коллегія отправила въ Царицынъ гонца, офицера Карташова, и требовала донесенія о положеніи дѣла. Знаменитый вице-президентъ коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, спрашивалъ Бекетова: по какому побужденію соборный попъ, послѣ разпопъ, Никифоръ, возвѣщалъ о бунтѣ наканунѣ его? какія онъ имѣлъ о томъ свѣдѣнія? кто именно были тѣ, которые пошли съ дрекольемъ на гауптвахту и били коменданта? — Въ комендантской канцеляріи, не выходя изъ присутствія, сочинили экстрактъ изъ всего дѣла для представленія военной коллегіи; солдатъ, бывшихъ въ караулѣ у Царицынскихъ воротъ, гдѣ сидѣли Казинъ и Долотинъ, прогнали шпицъ-рутенами сквозь

строй; привезли изъ Дубовки войскового старшину и депутата Осипа Терскаго для спроса, какимъ образомъ записаны въ службу Казинъ и Долотинъ.

А въ Царицынѣ толки о царѣ и государственномъ секретарѣ не умолкали. Схвачена была жена капрала Васильева, содержавшагося подъ карауломъ, и обвинена въ томъ, что говорила будто-бы о самозванцѣ. По поводу этого обстоятельства народу прочли странную публикацію, чтобъ онъ молчалъ и забылъ о бывшихъ въ Царицынѣ самозванцахъ ¹⁾. Жителямъ объявляли, что многіе изъ нихъ, а *особливо женскій полъ*, входятъ въ непристойные разговоры о самозванцѣ; что жена капрала Васильева, Авдотья Яковлевна, по доносу одного добросовѣстнаго человѣка взята подъ арестъ и подлежитъ жестокому наказанію кнутомъ; но что, «уважая ея императорскаго величества высочайшее ко всѣмъ матерное милосердіе, отъ того избавя, а во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію, — опредѣлено: учинить ей публичное съ барабаннымъ боемъ, жестокое плетми наказаніе, и сверхъ того, подрѣзавъ платье, яко не терпимую въ обществѣ, черезъ профосовъ выгнать за городъ метлами.» Наказаніе было исполнено...

Въ августѣ допрашивали еще нѣсколько подозрительныхъ людей; привезли изъ Чернаго Яру черезъ форпосты, за карауломъ, купца Мордовина, замѣшан-

---

¹⁾ Въ ней запрещались публичныя сходы на площадяхъ.

наго въ это дѣло; 1-го сентября, капралу Васильеву, мужу Авдотьи Яковлевны, дали 12,000 ударовъ шпицъ-рутенами и написали въ рядовые; артиллеристовъ, схваченныхъ на площади во время бунта, допрашивали «подъ пристрастіемъ», пятками заставляя говорить правду. Попа Никифора разстригли еще до конфірмаціи. Наконецъ, въ октябрѣ послѣдовала конфірмація въ военной коллегіи, и графъ Чернышевъ извѣстилъ о томъ астраханскаго губернатора.

Въ васильевъ день, наканунѣ новаго года (31 декабря), Царицынъ видѣлъ наказаніе преступниковъ: восьми канонирамъ и барабанщику Лобанову, которые настойчивѣе другихъ искали освобожденія самозванца, въ разсужденіе матерняго милосердія ея величества, дали по 12,000 ударовъ шпицъ-рутенами взамѣнъ смертной казни и отослали въ Тобольскъ; разпопа Никифора, малоросса Пѣвчаго, пятиизбянскаго станичнаго атамана Слѣпова, станичнаго писаря, стариковъ, малолѣтковъ и множество другихъ лицъ подвергли разнымъ инымъ наказаніямъ; Серединцова жестоко высѣкли плетми и сослали въ Сибирь. То же наказаніе ожидало и Семенникова, если только онъ будетъ пойманъ. Но его не поймали.

Въ это время, изъ Сибири пришло къ астраханскому губернатору извѣстіе, что одинъ екатеринбургскій солдатъ, возвратившійся съ каравана, отправленнаго съ желѣзомъ въ Астрахань отъ гороблагодатскаго горнаго начальства, сказывалъ, что въ Царицынѣ содержится арестантъ, называющій себя бывшимъ императоромъ Петромъ III; что солдатъ этотъ и товарищи

его видѣли самозванца на гауптвахтномъ крыльцѣ и что слухъ о немъ носится отъ самаго Царицына до Казани. Губернаторъ строго укорялъ за это Цыплетева; грозилъ наказаніемъ.

Но самозванца уже не было тамъ. По конфирмаціи, его привезли изъ Чернаго Яра въ Царицынъ, въ тотъ же день публично, въ виду всего народа, наказали кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри и поставивъ на лицѣ позорные знаки, заключили въ погребъ: въ погребѣ его приковали къ стѣнной цѣпи. Потомъ ночью, его вывели оттуда, сдали конвойному офицеру и, посадивъ въ судно, отправили въ Сибирь на каторгу. Но его не довезли до Сибири: на дорогѣ онъ умеръ.

На допросѣ самозванецъ признался, что онъ Ѳедотъ Ивановъ Богомолловъ, Саранскаго уѣзда, села Спасскаго, крестьянинъ графа Романа Ларіоновича Воронцова; изъ вотчины бѣжалъ въ Саратовъ и ходилъ на судахъ саратовскаго купца Хлѣбникова до Дмитріевска, жилъ потомъ у колонистовъ, перешелъ въ Караваинскую станицу, служилъ въ Калмыцкой Ордѣ за казака Панчилина, работалъ по хуторамъ и, наконецъ, поступилъ въ легіонную команду подъ именемъ Казина.

«Въ пьянствѣ своемъ, говорилъ онъ, безъ дальняго замысла объявилъ о себѣ императоромъ Петромъ III.»

Его государственный секретарь, Спиридонъ Долотинъ, былъ сынъ донскаго казака, сирота, не имѣвшій нигдѣ пристанища. Родился въ Березовской станицѣ.

Дѣло о нихъ велѣно было предать вѣчному забвенію и запечатать.

Но народъ не зналъ ничего и вѣрилъ, что живъ государь Петръ Ѳедоровичъ.

Черезъ годъ онъ убѣдился въ этомъ, когда появился Емельянъ Ивановичъ Пугачовъ.

Черезъ годъ поймали и Семенникова съ Еремѣвымъ. Но ихъ уже нельзя было отослать въ Сибирь: весь сѣверовосточный край Россіи волновался именемъ покойнаго императора, и Пугачовъ бралъ крѣпость за крѣпостью....

П у г а ч о в ъ.

„Дальнаго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ россійскимъ царствомъ, я не имѣлъ, ибо, разсуждая о себѣ, не думалъ къ направленію быть, по неумѣнію грамотъ, способенъ; а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться, или убиту на войнѣ быть: все я заслужилъ смерть — такъ лучше умереть на войнѣ“.

Слова самого Пугачова.

I.

Почти до настоящаго времени въ русской исторической литературѣ и въ обществѣ относительно этого замѣчательнаго эпизода русской исторіи господствовало мнѣніе, установленное отчасти исторической монографіей Пушкина, и на пугачовщину смотрѣли почти исключительно, какъ на произведеніе лицкихъ смуть; другіе же видѣли въ этомъ явленіи связь съ придворными интригами, которыя у насъ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, грозили передать судьбу государства въ руки олигархіи, созданной крупнымъ русскимъ дворянствомъ при помощи остзейскихъ пѣмцевъ. Но и то, и другое мнѣніе если не вполне ошибочно, то во

всякомъ случаѣ не представляетъ достаточныхъ оснований. Начала этого явленія лежали глубже, чѣмъ думали до сихъ поръ. Оно было результатомъ всего строя нашей исторіи, а не какимъ-нибудь частнымъ явленіемъ. Г. Щебальскій уже ближе подходитъ къ истинѣ, воспользовавшись современными средствами исторической науки въ объясненіи тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, хотя тѣмъ не менѣе и онъ не можетъ вполне отрѣшиться отъ прежнихъ мнѣній и ищетъ разгадки факта въ частностяхъ — то въ безпокойномъ состояніи умовъ яицкаго войска, то въ попыткахъ раскольниковъ отомстить за цѣлое столѣтіе испытанныхъ ими притѣсненій, то въ какой-то таинственной интригѣ, нити которой, исходя изъ рукъ близко стоявшихъ къ кормилу правленія лицъ, переплетались въ разныхъ направленіяхъ и опутывали самый тронъ. Лично Пугачовъ могъ быть чьимъ угодно произведеніемъ; наконецъ, могъ быть просто однимъ изъ тѣхъ самозванцевъ, которыхъ и до него и послѣ него было достаточно ¹⁾; но самая пугачовщина со всѣми ея послѣдствіями была порожденіемъ *всей* Россіи, неизбежнымъ плодомъ темной стороны тысячелѣтней жизни русскаго народа и результатомъ ненормальнаго состоянія всего тогдашняго ея государственнаго строя.

Это-то состояніе Россіи и слѣдуетъ изучить прежде всего, приступая къ объясненію пугачовщины; впрочемъ, современная историческая наука иначе и не

---

¹⁾ Извѣстно, что задолго до Пугачова явился мнимый Петръ III даже въ Черногоріи — это самозванецъ *Степанъ Малый*.

должна относиться къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ.

Такова будетъ и наша цѣль при объясненіи причинъ и характера пугачовщины. Мы постараемся изобразить это смутное время на основаніи новыхъ данныхъ, не бывшихъ въ виду ни у Пушкина, ни у г. Щербальскаго, и при этомъ будемъ имѣть случай замѣтить, на сколько эти новыя данныя подкрѣпляютъ или опровергаютъ соображенія новѣйшихъ писателей въ ихъ изслѣдованіяхъ той эпохи.

---

28 іюня 1762 года вступила на русскій престолъ супруга императора Петра Ѳеодоровича, Екатерина Алексѣевна, о чемъ она и извѣстила Россію манифестомъ. Манифестъ этотъ достаточно извѣстенъ. Черезъ девять дней въ церквахъ читали другой манифестъ, не менѣе замѣчательный, извѣщавшій Россію о кончинѣ супруга императрицы, государя Петра Третьяго, послѣдовавшей отъ геморoidalныхъ коликъ.

Глубоко ли тронутъ и пораженъ былъ народъ неожиданной кончиной императора, были ли какія-либо другія причины, или таково было самое положеніе Россіи, только естественное событіе это имѣло важныя послѣдствія: внутреннія смуты долго волновали Россію на всѣхъ ея концахъ и грозили, быть можетъ, поколебать то, что твердо держалось въ ней отъ самаго начала русской земли.

Положеніе Россіи, въ самомъ дѣлѣ, было далеко

не такое, какимъ научили насъ понимать его наши историки и поэты. Они изобразили одну свѣтлую сторону славнаго вѣка Фелицы, блескъ и роскошь двора, силу вельможъ и умъ генераловъ, но забыли темную сторону этого времени. Девяносто-девять-сотыхъ жителей Россіи, среднія и низшія ея сословія, ядро населенія сорока-двухъ провинцій, солдаты какъ служащіе, такъ и отставные, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, раскольники всѣхъ толковъ, инновѣрцы и инородцы и «дикіе люди, покрытые шерстью и чешуей, едва ли не въ одномъ воображеніи Державина проразумѣли блаженство дней своихъ» и

По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ.

Только большіе дворяне, высшее духовенство и крупные чиновники жили счастливо и спокойно продолжали старое дѣло, начатое дѣдами.

Сама императрица, въ Наказѣ, нѣсколькими отрывочными словами, даетъ понять, коково было при ней положеніе крестьянъ и другихъ несвободныхъ сословій. Она говоритъ, что почти всѣ помѣщичьи деревни состоятъ на оброкѣ; что помѣщики, обложивъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей ¹⁾, рѣдко или почти никогда не заглядываютъ въ свои имѣнія и не хотятъ знать, какими способами крестьяне ихъ достаютъ эти деньги; что иной земледѣлецъ лѣтъ

---

¹⁾ По тому времени, это — огромный оброкъ, который крестьяне не въ состояніи были уплачивать.

пятнадцать не видитъ своей избы, добывая положенный оброкъ, и нанимается въ работу въ далекіе города, бродитъ по всему почти государству. Она сама съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что страна, которая до такой степени обременена податями, что только съ большимъ трудомъ народъ можетъ снискивать себѣ пропитаніе и даже вовсе не имѣетъ его, рано или поздно должна обезлюдѣть; что въ ней люди потому убоги, что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои считаютъ не средствомъ къ содержанію себя, а предлогомъ къ удрученію; что народъ закапываетъ въ землю свои деньги, боясь пустить ихъ въ оборотъ, — боится казаться богатымъ, чтобъ богатство не навлекло на него гоненія и притѣсненій. Она опровергаетъ странный парадоксъ, порожденный тогдашнимъ взглядомъ на «подлый» народъ, что чѣмъ большія на него наложены дани, тѣмъ больше приходитъ онъ въ состояніе платить ихъ.

Рѣдкіе памятники того времени говорятъ въ пользу благосостоянія низшихъ сословій Россіи. Произволь помѣщичьяго права прикрывался косвеннымъ толкованіемъ закона и прямымъ потворствомъ мѣстныхъ властей, помѣщиковъ же. Въ видахъ заселенія Сибири, помѣщикамъ дозволено было отсылать крестьянъ «за продерзость» въ Иркутскую провинцію, и они охотно пользовались этимъ правомъ, потому что получали за ссыльных изъ казны большія деньги и зачетныя рекрутскія квитанціи ¹⁾. Въ то время, когда ревизская

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XV.

душа съ землею стоила 30 рублей, помѣщики охотно брали 20 рублей за холостого крестьянина и 15 за женатаго ¹⁾, и они тысячами шли колонизировать сибирскій край, гдѣ ожидала ихъ страшная дороговизна и голодъ. Во всѣхъ поволжскихъ городахъ назначены были сборные пункты для ссыльныхъ, гдѣ ихъ принимали на суда и везли до Самары; оттуда конвой сопровождалъ ихъ до самой Сибири. На такихъ же основаніяхъ гнали въ Иркутскъ и въ дальнія сибирскія мѣста крестьянъ дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, купеческихъ и государственныхъ ²⁾. Соблазняясь высокою цѣной, которую давали помѣщикамъ всѣ не желавшіе идти въ солдаты, они ставили подъ мѣрку лучшихъ крестьянъ и брали деньги отъ наемщиковъ себѣ. Они, говоритъ одинъ указъ, ведя распутную жизнь, всѣми мѣрами старались достать денегъ на развратъ и роскошь и вводили въ рекрутскія канцеляріи, кого хотѣли и когда хотѣли. Они имѣли право отдавать крестьянъ въ рекруты на три года и снова брать въ домъ или въ вотчину — право, не лишавшее ихъ навсегда рабочей силы, которую они наказывали, но тяжелое для крестьянина. Имъ дозволено было отдавать людей на время въ каторжную работу — право такъ же выгодное, потому что владѣлецъ не тратился на прокормъ и одежду ссыльныхъ, которыхъ продовольствовала адмиралтейская коллегія отъ казны вмѣстѣ съ каторжниками, и потому что могъ взять своихъ крестьянъ, когда по-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVII. 12,319.

²⁾ Тамъ же, XV.

желаетъ ¹⁾. Крестьяне и дворовые не имѣли права жаловаться на владѣльца, чтобы онъ ни дѣлалъ съ ними, и показаніе ихъ въ этомъ случаѣ ставилось въ урядъ съ показаніемъ опельмованнаго; ни одинъ чиновникъ не смѣлъ, безъ вѣдома секретаря, писать челобитной простому народу, а въ особенности крестьянамъ ²⁾. Это отнимало у нихъ всякую возможность защищаться предъ закономъ, и они сносили всякую жестокость, или шли въ Нерчинскъ копать руду; хорошо, если ихъ отсылали въ Рогервикъ. Самые добрые изъ владѣльцевъ, пользуясь этими ужасными правами, иногда забывались; а другіе не стѣснялись давать волю своей жестокости.

Въ то время, въ высшихъ слояхъ общества и между богатыми помѣщиками, въ подражаніе двору, завелась роскошь; крестьяне платили оброки не по силамъ; барщинныя работы и частые стоны отнимали у нихъ послѣднія средства. Между дворянами, какъ мода, завелись азартныя игры; въ ночь проигрывалось богатое состояніе, и взысканіе падало на крестьянъ; за неимѣніемъ денегъ, на карту ставились люди, цѣлыя семьи и деревни, а на утро совершались купчія крѣпости и дарственные записи на проигранные имѣнія. Правительство напрасно издавало строгіе указы противъ азартныхъ игоръ: онѣ не уничтожались, потому что было что проигрывать.

Тяжела была для крестьянъ такая жизнь, но они

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVII. 12,311.

²⁾ Тамъ же, 12,648.

не находили ни въ комъ себѣ защиты, не имѣя права челобитья. Дворовымъ людямъ и крестьянамъ генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Лопухина удалось какъ-то подать государынѣ жалобу на своихъ господъ, но правительство жестоко наказало ихъ за это: однихъ сѣкли въ Москвѣ по разнымъ площадямъ, другихъ по селамъ, на родинѣ и погнали въ Нерчинскъ; крестьянъ бригадира Алсуфьева усмирили войскомъ. Тогда издали указъ противъ челобитья крестьянъ на помѣщиковъ: за первое «дерзновеніе» виновныхъ отсылать въ каторгу на мѣсяць; за второе наказывать публично и на годъ въ каторгу; за третье сѣчь плетми и отсылать въ Нерчинскъ навѣчно, съ выдачей помѣщику зачетной рекрутской квитанціи ¹⁾).

Народу казались стѣснительными эти ограниченія, и онъ ждалъ лучшаго времени: ему говорили о перемѣнѣ законовъ, объ уменьшеніи помѣщичьяго произвола, наконецъ, о томъ, что онъ будетъ платить меньше и работать меньше. Находились люди, большею частью выгнанные чиновники, приказные «не у дѣлъ», дьячки и грамотные церковные служки, которые толковали о какихъ-то новыхъ манифестахъ, о льготахъ, и народъ вѣрилъ имъ, затаивъ злобу противъ господъ и властей, которые, какъ онъ думалъ, скрывали отъ него царскіе указы. Были и такіе изъ грамотныхъ, которые сами сочиняли указы и манифесты и, какъ секретъ, продавали ихъ крестьянамъ; а эти шли съ челобитной

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVIII. 12,966.

по начальству и попадали въ тюрьмы. Чтобы разувѣрить крестьянъ въ неосновательности слуховъ, каждый воскресный и праздничный день, за обѣдней, читали въ церквяхъ указъ въ опроверженіе разглашеній, его читали потомъ въ храмовые праздники; сочинителей били кнутомъ и отводили въ Нерчинскъ ¹⁾).

Такіе случаи были нерѣдки и дѣлали крестьянъ подозрительными ко всему, что касалось переменъ ихъ состоянія. Вѣря всякой выдумкѣ неблагонадежнаго подъячаго, они часто недовѣрчиво выслушивали подлинныя сенатскіе указы, если тѣ были писанныя, потому что за писанныя манифесты имъ нерѣдко доводилось ходить подъ кнутъ и въ каторгу; также непріязненно встрѣчали они и чиновниковъ отъ правительства.

Хорошо, еслибъ то были вспышки нѣсколькихъ недовольныхъ; но недовольныхъ было больше, чѣмъ войска въ полкахъ императрицы. То было общее броженіе, дававшее о себѣ знать отдѣльными и, повидимому, безсильными демонстраціями: но демонстраціи эти были слишкомъ часты и похожи одна на другую, чтобъ правительству нечего было опасаться ихъ и не прислушиваться къ общему народному ропоту. Правительство, однако, считало ихъ, кажется, только выраженіемъ народнаго легкомыслія.

Крестьянскіе бунты наполнили собой все царствованіе Екатерины отъ начала до конца: они предшествовали ея возшествію на престолъ; о нихъ былъ ея второй манифестъ, читанный въ Россіи отъ имени

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVIII. 12,966.

Екатерины вскорѣ послѣ опубликованія перваго о принятіи ея русской державы; бунты тревожили государыню въ самую блестящую эпоху славы русскаго оружія и отвлекали войска ея отъ войнъ съ сосѣдями; крестьянскіе же бунты печалили самый конецъ жизни императрицы. Первый манифестъ о крестьянахъ былъ обнародованъ по поводу какихъ-то ложныхъ слуховъ, ходившихъ въ народѣ и заставившихъ крѣпостное населеніе отлагаться отъ помѣщиковъ вотчинами и цѣлыми уѣздами. Волненіе было всеобщее, и манифестъ обѣщалъ милости однимъ и грозилъ наказаніемъ другимъ. Но ни царская милость, ни царская угроза не были ни достаточнымъ обезпеченіемъ для помѣщиковъ, ни достаточно страшными и успокоительными для крестьянъ. Едва ли еще успѣли опубликовать этотъ манифестъ по всѣмъ русскимъ церквамъ, какъ уже въ первыхъ же мѣсяцахъ, лѣтомъ и къ осени, должны были командировать отряды войскъ по всѣмъ направленіямъ, вглубь Россіи. Вспыхнуло возмущеніе въ двухъ смежныхъ уѣздахъ Тверской губерніи, въ Тверскомъ и Ылинскомъ, между крестьянами Татищева, Хлопова и почти всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Для усмиренія ихъ посланы были воинскія команды. Но въ то же время обнаружилось волненіе въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ князей Долгорукихъ: возстали крестьяне села Воскресенскаго и отказались отъ всякаго повиновенія; ни увѣщанія, ни угрозы ничто не дѣйствовало. Туда посланъ былъ отрядъ съ генераль-маіоромъ княземъ Вяземскимъ и съ четырьмя полковыми пушками. Крестьяне собрались въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ,

ударили въ набатъ и, набѣгая на солдатъ, бросали въ нихъ каменьями, полѣньями и всѣмъ, что имѣли; у всѣхъ было оружіе, рогатины и прочіе крестьянскіе доспѣхи. Князь Вяземскій приказалъ пустить въ дѣло артилерію: началась пушечная пальба; убито было до двадцати человѣкъ непокорныхъ, столько же ранено; главные зачинщики схвачены и разосланы по ближайшимъ городovýmъ канцеляріямъ. Прочіе смирились и розданы своимъ помѣщикамъ ¹⁾. Тогда поднимались крестьяне другихъ вотчинъ. Вслѣдъ за княземъ Вяземскимъ отправленъ былъ генераль-маіоръ Виттенъ съ кирасирами; полкъ его скакалъ на почтовыхъ, чтобы успѣвать тушить волненія, которыя захватывали собой все большее и большее пространство ²⁾. Усмиряя однихъ, онъ ѣхалъ дальше, потому что бунты начинались вездѣ, по всей почти Россіи.

Вслѣдъ за приведеніемъ въ повиновеніе непокорныхъ, сенатъ издавалъ грозные указы и увѣщанія, которые читались народу во всѣ воскресные и праздничные дни, по селамъ, въ приходскихъ церквахъ и по торжкамъ. Но вслѣдъ за усмиреніемъ однихъ недовольныхъ возставали новые, потому что причины недовольства не уничтожались пушками, а оставались все тѣ же.

Въ 1766 году, въ народѣ прошелъ слухъ, что вышелъ будто бы указъ, которымъ велѣно отписывать въ казну крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые облагали

---

¹⁾ Ук. Ек. 1779. 105. 107.

²⁾ Полн. Собр. Зак. XV, 11,577.

ихъ тягчайшими оброками. Крестьяне подали челобитную въ дворцовую канцелярію и, конечно, не выиграли дѣла. Взяли сочинителя: онъ признался, что писалъ объ указѣ по наслышкѣ. Его жестоко наказали; пострадали и крестьяне ¹⁾).

Но слухи не унялись, и крестьяне по-прежнему чего-то ждали. Въ томъ же году послали отрядъ въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ взбунтовалась вотчина помѣщика Фролова-Багрѣева. Бунтовщики убили начальника отряда, ранили двѣнадцать солдатъ; сторону недовольныхъ приняли и волостные мужики ближайшихъ государственныхъ селеній ²⁾). Во всякомъ чиновникѣ, особенно въ военномъ мундирѣ, крестьяне видѣли личнаго врага, еслибъ онъ не былъ даже лицомъ правительственнымъ, и при всякомъ случаѣ, гдѣ могли, выражали ему свою нелюбовь. Нарышкинскіе и Неплюевскіе крестьяне оскорбительно приняли подполковника Рязанова, артиллерійскаго капитана Тавайдакова, поручика Тищева, которые проѣжали по высочайшему повелѣнію, не дали имъ подводъ, кричали и ругали ихъ и отбили ружья у солдатъ, которые защищали офицеровъ ³⁾). Подобная драка произошла въ селѣ Выдропускѣ, гдѣ крестьяне прибили посланнаго изъ военной коллегіи подпоручика Аржевитинова, избили курьеровъ Миллера и Петреуса ⁴⁾). Въ 1771 году, произошло волненіе между крестьянами, приписанными

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVII. 12, 633.

²⁾ Тамъ же, XVII. 12,669.

³⁾ Тамъ же, XVII. 12,853.

⁴⁾ Тамъ же, XVIII. 13,333.

къ олонекимъ Петровскимъ заводамъ¹⁾; ходаки ихъ отправились въ Петербургъ и долго мотались по столицѣ, собирая слухи и распрашивая о крестьянскомъ дѣлѣ. Все искали тѣхъ же льготъ и облегченій, которыя не давались имъ. Чтобы сдѣлать для крестьянъ тяжелѣе и чувствительнѣе наказаніе за ослушаніе помещичьей волѣ, всѣ дѣла, касавшіяся возмущеній, производились на счетъ крестьянъ: съ нихъ взыскивали всѣ казенныя траты и убытки по слѣдствіямъ, содержаніе посылаемыхъ противъ нихъ отрядовъ, стоимость переѣздовъ и проч.²⁾

Тяжелыя подати, при скудныхъ средствахъ, дополняли ихъ несчастіе. Они видимо разорялись. Мы видѣли, что сама императрица укоряла помещиковъ за высокій оброкъ и бѣдность крестьянъ. Несвободныя сословія казеннаго вѣдомства страдали не меньше помещичьихъ отъ приведенія въ исполненіе необдуманыхъ и несвоевременныхъ распоряженій. Въ сибирскихъ провинціяхъ, для продовольствія войскъ и въ видахъ улучшенія хлѣбопашества, велѣно было собирать оброкъ хлѣбомъ и пенькой. Крестьяне не слушались; они говорили, что хлѣба и коноплей имъ взять негдѣ; что земля не родить; просили дозволить имъ платить деньгами. Имъ не дозволяли и наказывали ослушниковъ. Тогда они совершенно отреклись отъ поставки провіанта и роптали на отягощеніе³⁾. Цѣлой Исетской провинціи, заселенной десятками ты-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XIX. 13,589.

²⁾ Ук. Ек. 1763. 1.

³⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 11,633.

сячъ крестьянъ, также приказано было, вмѣсто денежной подушной платы, возить муку и овесъ въ крѣпости по линіи, гдѣ располагались войска. А эти крѣпости и форпосты разсѣяны были по всей Оренбургской губерніи, по Яику внизъ и верхъ къ Сибири, и въ глубинѣ степей; разстоянія были большія; дорогъ вовсе не существовало. Каждый крестьянскій дворъ, или четыре души, долженъ былъ поставить по 3 четверти и 6 четвериковъ хлѣба. Крестьяне жаловались на большіе переѣзды, давали деньги; казенные пріемщики полагали на каждый возъ «приметки», которыя брали себѣ ¹⁾. Въ 1769 году, на всѣхъ крестьянахъ казеннаго вѣдомства, исключая ландмилиціонныхъ одноворцевъ, тептаръ, мещеряковъ и бобылей Оренбургской губерніи, положили подати по два рубля въ годъ, съ ревизской души, сверхъ «семигривеннаго» подушнаго сбора, который они платили по старому плакату; въ это число включили также крестьянъ, приписанныхъ къ государственнымъ и частнымъ заводамъ. Такую неумѣренную прибавку оправдывали тѣмъ, что въ Россіи возвысились цѣны на продукты и на всѣ предметы потребленія, и что притомъ помѣщичьи крестьяне стали платить своимъ господамъ гораздо высшія подати противъ прежнихъ. Даже рабочіе при Нерчинскихъ заводахъ и поселенные тамъ рекруты, сверхъ положенной работы, платили подушный окладъ; при страшной дороговизнѣ въ тѣхъ краяхъ, недоимки накопились съ каждымъ годомъ. Несостоя-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XIX. 13,422.

тельность низшихъ классовъ была такъ извѣстна правительству, что, при началѣ одной изъ турецкихъ войнъ, когда въ государственномъ совѣтѣ говорили о поборѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи, графъ Никита Ивановичъ Панинъ представлялъ, что надо положить вдвое, тогда заплатятъ половину ¹⁾. Такъ было и вездѣ.

Но не одни помѣщичьи и казенные крестьяне ждали улучшенія своей участи и роптали. Едва ли не большій ропотъ слышался въ духовныхъ вотчинахъ, въ помѣстьяхъ синода, архіереевъ и монастырей. Отмѣняя «непорядки и неполезныя установленія», допущенныя въ предъидущее царствованіе, Екатерина, чрезъ мѣсяцъ по вступленіи на престолъ, возвратила монастырямъ ихъ имѣнія, которыя отобралъ у церкви Петръ Великій, «ревнуя о дѣлахъ Божіихъ», какъ сказано въ указѣ; она велѣла брать съ крестьянъ не больше рубля съ души, или употреблять ихъ на работу по прежнимъ уставамъ, велѣла только обращаться съ ними «благоумѣренно». Но, по обыкновенію, во многихъ мѣстахъ явились комментаторы этого указа; подъячіе истолковали его ложно; крестьяне повѣрили и не только отказались платить оброкъ, но не хотѣли работать; начались бунты и своевольства. Недовольные писали челобитныя за челобитными; во многихъ вотчинахъ мужики разбили хлѣбные магазины и взяли весь казенный запасъ, сняли и свезли въ свои амбары хлѣбъ съ полей, засѣянныхъ казенными сѣменами; самовольно скосили сѣно на казенныхъ лугахъ. Бунтовщи-

---

¹⁾ Храпов. Отеч. Зап. Св. VII. 133.

ковъ хватали и сажали подъ карауль; не схваченные подавали челобитныя и никого не слушались. Наряжена была коммиссія для разбора неудовольствій между крестьянами и духовенствомъ; крестьяне, конечно, проиграли, потому что имъ велѣно было повиноваться своимъ владѣльцамъ «съ подобострастіемъ». И опять издали строгій указъ противъ ослушниковъ и цѣлые полгода читали его по церквамъ ¹⁾.

Черезъ годъ вспыхнулъ бунтъ въ помѣстьяхъ московскаго Данилова монастыря и Воскресенскаго Новоіерусалимскаго. Противъ бунтовщиковъ пошли военныя команды; крестьянъ пересѣкли плетми при собраніи всѣхъ вотчинныхъ людей, а главныхъ «заводчиковъ» постигла ссылка ²⁾. Не смотря на строгія мѣры и на два указа о духовныхъ имѣніяхъ, крестьяне не переставали добиваться своихъ правъ: въ Тульскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ Николаевскаго Венева монастыря, да въ Рязскомъ уѣздѣ, между крестьянами Рязанскаго архіерейскаго дома, села Князева-Займища, ходили по рукамъ и читались фальшиво сочиненные указы, будто бы копіи съ печатнаго, объ отрѣшеніи отъ монастырей вотчинъ и «о разверстаніи казенныхъ земель крестьянамъ по себѣ» ³⁾.

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 11,730.

²⁾ Тамъ же, XVI. 11,865.

³⁾ Тамъ же, XVI, 11,945.

II.

Во все продолженіе XVIII столѣтія судьба нашихъ раскольниковъ представляетъ картину неравной борьбы слабаго съ сильнымъ. Первая половина этого столѣтія ознаменована неутомимымъ преслѣдованіемъ сектантовъ, которые толпами бѣжали за границу, спасая то, что имъ казалось дорого. Тѣ, которые оставались въ Россіи, или скрывали свои непозволительныя убѣжденія, оставаясь при отцовскихъ вѣрованіяхъ, или должны были терпѣть все, къ чему ихъ присуждало правительство, если открыто признавали свою «истинную, старую вѣру». Такое положеніе дѣлъ, конечно, и не казалось бы стѣснительнымъ для государства, еслибъ у насъ были какія-нибудь сотни или тысячи сектантовъ, но ихъ считали милліонами; они составляли значительный процентъ въ населеніи Россіи. А потому положеніе раскольниковъ, изъ которыхъ было очень много крестьянъ разныхъ вѣдомствъ, и положеніе самыхъ крестьянъ тѣсно связаны между собою и взаимно объясняются.

Екатерина II, чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ принятія русской державы, приглашая изъ за-границы охотниковъ всѣхъ націй, кромѣ евреевъ, на поселеніе въ Россіи, предлагала и раскольникамъ воротиться на родину и записаться въ какое-угодно званіе, съ обязательствомъ платить двойной окладъ наравнѣ съ прочими старовѣрами. Она «наиторжественнѣйше» обѣщала, что имъ прощаются всѣ вины и проступки, что

ихъ не будутъ истязать ни за какое старое преступленіе; избавятъ отъ бритья бородъ и указнаго платья, дадутъ для поселенія самыя богатая земли ¹⁾). Раскольники охотно выходили изъ за-границы, тѣмъ болѣе, что между ними было много помѣщичьихъ крестьянъ, которые дѣлались свободными, а помѣщику зачитались за рекрута. Но они не въ состояніи были платить двойнаго оброка, когда и не раскольники жаловались на тяжесть податей. Потому раскольники дополнили собою картину бѣдствій Россіи: они отказывались отъ двойнаго оклада; ихъ принуждали платить, преслѣдовали, особенно провинціальныя чиновники. Бунты были не рѣдкостью; только съ раскольниками обращались круче, чѣмъ съ помѣщичьими крестьянами: ихъ прямо высылали въ Сибирь и рѣдко миловали. Чтобъ избавиться отъ двойнаго оклада, а еще больше отъ постоянныхъ увѣщаній чиновниковъ бросить старую вѣру, раскольники убѣгали въ скиты, разсѣянные по лѣсамъ или жгли себя.

Дворцовые, экономическіе и помѣщичьи крестьяне бѣгали изъ своихъ вотчинъ, основывали по лѣсамъ скиты и пустыни и постригались въ монахи. Команды сыщиковъ проникали въ лѣса, уничтожали кельи и возвращали бѣглыхъ на родину. Многіе изъ старцевъ поступали въ православные монастыри, даже въ ставропигіальныя, возводились въ званіе іеромонаховъ и іеродіаконовъ: ихъ брали, разстригали и отдавали въ прежнія вѣдомства; только о высшихъ духовныхъ чи-

---

¹⁾ Ук. Ек. 1779, 161, 167, 171.

нахъ представлялось синоду ¹⁾. Въ Орлѣ и по уѣзду между крестьянами открылась какая-то новая ересь; къ ней пристали помѣщичьи люди. Къ нимъ, по именному повелѣнію, посланъ былъ полковникъ Волковъ: дѣло кончилось кнутомъ и ссылками ²⁾.

Не въ лучшихъ отношеніяхъ находилось правительство къ инородцамъ, которыми заселена была вся восточная половина Россіи и сибирскія провинціи. Татары, киргизъ-кайсаки, башкиры, мордва, чуваша, черемисы, вотяки, тептяры и прочіе ясачные народы, не чувствуя, быть можетъ, нравственнаго униженія, какое должны были сносить отъ нашихъ комиссаровъ, кажется, слишкомъ хорошо чувствовали всю тяжесть матеріальной зависимости отъ русскаго чиновника. Калмыки, состоя подъ безотчетной опекой нашихъ приставовъ, лишены были права личныхъ сношеній съ русскими; безъ вѣдома пристава ни въ одномъ калмыцкомъ семействѣ, ни въ одной кибиткѣ не могло быть написано письмо къ русскому мужику, живущему по сосѣдству, хотя бы дѣло шло о продажѣ верблюда; еще меньше они могли писать къ властямъ о защитѣ противъ придирокъ приставовъ: ни одна жалоба не выходила изъ-за черты улуса, а если провозилась тайно въ ближайшій городъ, то возвращалась приставу для разслѣдованія.

Калмыки не видѣли исхода изъ этаго тяжелаго положенія: легче было дать о себѣ вѣсть въ Пекинъ,

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XIX. 13,405.

²⁾ Тамъ же, XIX. 13,838.

чѣмъ въ Казань или Астрахань, а еще менѣе писать въ Москву и Петербургъ. Они, дѣйствительно, тайно снеслись съ китайскимъ правительствомъ, и въ 1771 году болѣе тридцати тысячъ вибитокъ перекочевало въ Азію. Русскіе слишкомъ поздно замѣтили свою ошибку.

Въ это время дѣятельно производилось обращеніе татаръ въ православіе. По городамъ и селеніямъ магометане имѣли свои мечети и кладбища. Въ мелкихъ селеніяхъ мечети велено было сломать и дозволено строить только тамъ, гдѣ считалось отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ душъ мужескаго пола по послѣдней ревизіи; гдѣ не доставало, велѣли приписывать ближайшія деревни и переселять въ одно мѣсто. Въ иныхъ селахъ было смѣшанное населеніе: гдѣ крещенные составляли десятую часть, ихъ выводили насильно и селили съ русскими; а гдѣ больше, тѣхъ не трогали, за то и мечетей не велѣли строить. Крещенные не хотѣли оставить своихъ селъ, гдѣ похоронены ихъ предки; ихъ уводили силой; магометане съ своей стороны не смѣли нарушить законъ пророка и требовали оставить имъ молитвенные дома, гдѣ бы можно было поминать умершихъ. Новокрещеннымъ давались льготы; уменьшенъ подушный окладъ, они не знали рекрутской повинности: а съ магометанъ брали подати и рекрутъ. Магометане злобились на перекрещенцевъ, ненавидѣли русскихъ, не любили правительства: татары возставали противъ татаръ и русскихъ; заводились ссоры, драки, убійства, поруганіе креста ¹⁾. Въ Тобольской,

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XIX. 13,490.

Иркутской, Тамбовской, Оренбургской, Симбирской, Рязанской и Астраханской губерніяхъ, вездѣ были наши проповѣдники, силою убѣжденія, а еще болѣе страхомъ идущаго вблизи закона, приводившіе невѣрныхъ ко Христу: самъ сибирскій губернаторъ Чечеринъ доносилъ сенату, до какого раззоренія доводили народъ эти проповѣдники; они не знали иновѣрческихъ языковъ, иновѣрцы не знали по-русски, и проповѣдь слова Божія оканчивалась грабежемъ. Иновѣрцы возненавидѣли проповѣдниковъ и не могли быть преданы правительству. Замѣтно было волненіе и между казанскими татарами, которые роптали на притѣсненія чиновниковъ, въ особенности слышались неудовольствія со стороны слободскихъ служилыхъ татаръ: сначала тѣснили ихъ земскіе старосты и посадскіе люди; отнимали у татаръ всякую свободу дѣйствія; прижимали и обижали, гдѣ могли и чѣмъ могли; грозили судомъ и судьями, «хотя ихъ московскою волокитою изволочить». Въ 1762 году, въ гостинномъ дворѣ и въ другихъ торговыхъ рядахъ, казанскіе чиновники запечатали 29 вотчинныхъ и казенныхъ лавокъ съ татарскими товарами и деньгами, запретили имъ торговать, обижали и раззоряли ихъ. Татары жаловались сенату, ссылались на прежнія заслуги правдѣдовъ, дѣдовъ и отцевъ «изстари отъ казанскаго взятыя ¹⁾». Также самоуправно запечатаны были лавки и лавочки ямскихъ людей; чиновники запретили татарамъ торговать, хотя имъ совершенно нечѣмъ было

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVI, 11, 888.

жить, за неимѣніемъ земли. Лишась послѣдняго промысла, татары пришли въ нищету, потому что до того времени они только тѣмъ и перебивались, что скупали и продавали на рынкахъ старое платье, тряпье и всякую ветошь, шили обувь, носили на базаръ съѣстные припасы; ихъ стали гонять съ рынковъ, ловили и сажали подъ караулъ. Татары снова жаловались сенату, что отъ самоуправства чиновниковъ пришли «во всеконечное раззореніе и убожество ¹⁾». Все это поселяло взаимную вражду между двумя народностями и дополняло общую картину неурядицы. Въ это время производилась народная перепись; велѣно было вносить въ ревизскія сказки женскія души: инородцы Уфимской и Исетской провинцій говорили, что женщины переписываются для включенія въ подушный окладъ, что подати удвоятся. Чиновники по личнымъ соображеніямъ утверждали ихъ въ этой нелѣпости, а потому для усмиренія общей тревоги, которая могла быть опасна для правительства, не велѣно было писать въ сказки женщинъ ни у тептаръ, ни у бобылей ²⁾. Ясачные инородцы потому страдали болѣе другихъ, что по тогдашнему чиновному выраженію, были «безгласны» и, не зная по-русски, не могли ни оправдываться противъ обвиненій, ни сами уличать притѣснителей; чиновники, собирая ясакъ, брали съ нихъ вдвое, а когда ихъ обвиняли въ лихоимствѣ, говорили, что «взятокъ никогда не бирывали», — тѣмъ дѣло и кон-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 11, 889.

²⁾ Тамъ же, XVI. 11, 615.

чалось, потому что инородцы не могли доказать ихъ воровства. Якуты, тунгусы, чукчи, братскіе казаки и другіе инородцы, раззоряемые сибирскими дворянами и дѣтьми боярскими, которые, какъ говорить пѣсня, собирали ясакъ:

Изъ-за сабли острья,
Изъ-за крови горячія,

поднялись, наконецъ, противъ грабежа чиновниковъ. Правительство командировало туда князя Щербатова съ отрядомъ ¹⁾).

Не хуже того умѣли дѣйствовать чиновники и внутри Россіи, гдѣ, едва ли еще не дѣятельнѣе, чѣмъ въ Азіи, производился своего рода сборъ ясака. Дѣла въ судахъ тянулись долго; старая «московская волокита» перешагнула за порогъ Петровыхъ преобразованій и изъ приказовъ перешла въ коллегіи и провинціальныя канцеляріи; всякое дѣло въ рукахъ опытнаго судьи дѣлалось безконечнымъ. Екатерину пугала эта плодovitость канцелярской литературы; она сама понимала всю тяжесть для правой и неправой стороны «хитро сплетенныхъ происковъ», которыми удлиннялись дѣла, и повелѣвала сенату найти способъ избавиться отъ этого положенія. «Прошу Бога, да поможетъ вамъ», говоритъ она сенаторамъ въ концѣ указа ²⁾); но послѣдствія не оправдали ея ожиданій. Не смотря на безпрестанно повторяемые указы, чтобъ «въ судахъ обитали правосудіе и истина, и чтобъ ни знат-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 11,749.

²⁾ Тамъ же, XVI. 11,624.

ность вельможъ, ни сила богатыхъ не могли помрачить совѣсти и правды, а бѣдность вдовъ и сиротъ, тщетно проливая слезы, не утѣснялась въ правыхъ дѣлахъ», не смотря, наконецъ, на «недремлющее око» губернаторовъ, — по всѣмъ судамъ сидѣли «помраченныя души», которыя грабили праваго и виноватаго. А между тѣмъ никто не смѣлъ подавать челобитныхъ на имя государыни, и она сама, искавшая правды въ судахъ, называла такихъ «невѣжами и наглецами». Самоуправство чиновниковъ доходило до того, что въ 1768 году въ Оренбургѣ вспыхнуло возмущеніе между купечествомъ. Отъ правительства наряжена была коммиссія, и всѣ члены магистрата жестоко наказаны ¹⁾. Чиновники умѣли пользоваться всѣмъ: вѣря будто бы показаніямъ кликушъ, которыхъ тогда было такое множество въ Россіи, что противъ нихъ неоднократно издавались сенатскіе указы, судьи брали подъ караулъ и истязали тѣхъ, кого кликуши выкликали во время литургіи. По предварительному договору съ судьями, кликуши въ болѣзненныхъ припадкахъ показывали именно на тѣхъ, къ кому хотѣлось бы прицѣпиться чиновникамъ: такъ, обыкновенно выкликались скупые и богатые купцы, зажиточные мужики и проч. Но другіе чиновники добродушно вѣрили ясновидѣнію бабъ и мучили всѣхъ, кого тѣ, по злобѣ или по зависти, выкликали въ церкви, и народъ все терпѣлъ до поры до времени.

Не смотря на то, что взятки заклеямены были позорными именами: «душевреднымъ лихоимствомъ»,

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVIII. 13,101.

«мерзкимъ лакомствомъ», назывались «гнусными», — взятки существовали повсемѣстно. Черезъ три недѣли по восшествіи на престолъ, Екатерина издала особый манифестъ о взяткахъ, въ которомъ говорится, что «лихоимство до такой степени возрасло въ Россіи, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялось. Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветъ, обороняется деньгами; клевететь ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами.» Но особенно въ глуши производились страшные грабежи бѣдныхъ людей. «Мы, говоритъ Екатерина, содрогнулись, услышавъ отъ князя Дашкова, который проѣзжалъ чрезъ Новгородъ, что регистраторъ тамошней губернской канцеляріи Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ людей къ присягѣ, бралъ и за присягу деньги ¹⁾». Валуйскій воевода Клементьевъ и канцеляристъ Богровъ точно такимъ же образомъ «къ лихоимственнымъ взяткамъ касались» и, подобно Ремберу, брали съ присягавшихъ ²⁾. Но то ли еще было!

Императрица издавала манифесты; сенатъ посылалъ грозныя указы: но въ тѣхъ и другихъ всегда повторялось одно и то же, что «къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что все это напрасно, что въ дальнихъ провинціяхъ дѣла идутъ медленно и

---

¹⁾ Ук. Ек. 1762. 37—38.

²⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 12,233.

производятся безсовѣстно, что отъ насилія и лихоимства, или, лучше сказать, отъ самыхъ грабежей народъ приходитъ во всеконечное раззореніе и убожество.» Думали, это происходитъ оттого, что къ должностямъ отсылались люди недостаточные, не имѣвшіе дневнаго пропитанія; что въ суды, какъ въ богадѣльни, сажались члены только для прокорма себя и своихъ семействъ; что не имѣющихъ судей побуждаетъ къ лихоимству угнетающая бѣдность, а другіе невѣжды отважно поступали на всякое предпріятіе, подъ предводительствомъ своихъ подчиненныхъ; грабили во всемъ: досмотрами по вальдмейстерской инструкціи къ предупрежденію порубки казенныхъ лѣсовъ, въ починкѣ дорогъ, при дачѣ паспортовъ, при переоброчкахъ казенныхъ мѣстъ, въ дачѣ квитанцій въ ношеніи указнаго раскольничьяго платья, при высылкѣ въ канцеляріи съ указными платежами, вездѣ и во всемъ выдумывали разные способы къ грабежу подъ разными «претекстами», какіе только «на мысль представить можно ¹⁾». Даже духовенство увлеклось общимъ стремленіемъ: одинъ священникъ, вымогая у одного крестьянина, приглянувшійся ему, рѣзной складень, а у другаго пятьдесятъ копѣекъ, болѣе недѣли не хотѣлъ хоронить умершихъ, такъ что тѣла издавали злосмрадный духъ, текла пересадная кровь изъ труповъ по лавкамъ и помосту и въ тѣлахъ завелись черви ²⁾. Объ этихъ случаяхъ узнавало правительство; а мало ли было такихъ, о которыхъ оно не знало?

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 11,938.

²⁾ Тамъ же, XVIII.

Объ извѣстныхъ случаяхъ публиковали по государству, но напрасно. Положили чиновникамъ жалованье: но ни жалованье, ни манифесты и строгіе сенатскіе указы, ни примѣрные наказанія на площадяхъ, ни политическія казни, ни самый Нерчинскъ, — ничто не въ силахъ было измѣнить существовавшего порядка дѣлъ. «Душевредное лихоимство» и «гнусные взятки» такъ срослись съ натурой русскаго чиновника, что ихъ нельзя было искоренить и такими мѣрами. Вѣрно-подданные продолжали «прикасаться къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ». Губернаторамъ была дана власть отрѣзать отъ должности всякаго изобличеннаго во взяточничествѣ: но изобличать было некому. Да и кто осмѣлился бы донести на взяточника, когда самаго праваго докащика ожидалъ допросъ «подъ пристрастіемъ плетей и батошьевъ», особенно если докащикъ былъ изъ «подлаго» званія? «Матернее» милосердіе доброй императрицы не могло дать счастья Россіи, какого она желала ей.

Не смотря на уничтоженіе тайной канцеляріи, которая представляла такое широкое поприще произволу чиновниковъ; не смотря на то, что уже не существовало «ненавистное израженіе — слово и дѣло», — пытки оставались во всей силѣ. Истязанія на допросахъ различались по пріемамъ, которыми пытали подсудимыхъ: были собственно пытки и пристрастія; второго рода пытка называлась также допросомъ пристрастнымъ: «допрашивать пристрастно», то-есть «подъ пристра-

стіемъ плетей и батошьевъ», какъ тогда выражались, дозволено было во всѣхъ дѣлахъ, вслѣдъ за словеснымъ увѣщаніемъ. Въ пыткахъ велѣно было избѣгать напраснаго кровопролитія: но кровь продолжала литься.

Къ довершенію общаго зла, народный покой нарушенъ былъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвой и въ особенности принятыми противъ нея мѣрами. Между тѣмъ по рукамъ ходили фальшивые манифесты и указы, подававшіе народу несбыточные надежды; сочинялись пасквилы и подметныя письма, разглашались возмутительныя извѣстія о такихъ предметахъ, которые волновали чернь; часто повторялись рекрутскіе наборы для пополненія войскъ къ войнѣ съ турками.

Моровая язва разстроила и безъ того уже непрочный механизмъ государства. По всѣмъ дорогамъ устроены были заставы и карантинны; народная дѣятельность стѣснена до послѣдней возможности, и никто не хотѣлъ повиноваться непривычнымъ мѣрамъ. Въ общемъ бѣдствіи народъ видѣлъ какой-то особенный смыслъ и ждалъ чего-то необыкновеннаго. Тревожась такимъ положеніемъ государства, императрица издала манифестъ, которымъ тщетно старалась возвратить Россіи утраченное спокойствіе. Никто не хотѣлъ идти въ карантинны; незараженные прятали зараженныхъ отъ глазъ полицейскаго начальства и не давали больныхъ; они оставляли свои дома, разнося повсюду ужасъ и заразу, которую уже сами по себѣ чувствовали; иные тайно выносили изъ дому мертвецовъ и кидали на улицахъ непогребенными ¹⁾. Другіе

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XIX. 13,653.

пробирались въ опустошенные дома и грабили оставшееся имущество. Такихъ казнили тамъ, гдѣ заставляли ¹⁾).

Къ осени 1762 года, въ Казанской губерніи, по деревнямъ и селамъ, приписаннымъ къ заводамъ графа Шувалова, разъѣзжали крестьяне съ копіями какого-то высочайшаго манифеста и возбуждали народъ къ неповиновенію. Манифестъ былъ фальшивый. Въ немъ, какъ выразилась императрица, находились «самыя пасквильныя рѣчи». Этотъ фальшивый манифестъ объявлялъ, что государственные крестьяне, отданные архіереямъ и монастырямъ и приписанные къ заводамъ, отнюдь не должны работать на заводахъ и снова обращаются въ ясачные. Тѣ, которые развозили копіи этого манифеста и читали крестьянамъ, требовали, чтобы они отказались отъ работъ; отъ однихъ брали подписку, что тѣ не станутъ работать, а другихъ били, выгоняли изъ деревень и умерщвляли. Волненіе распространилось между всѣми заводскими крестьянами. Тогда изъ Казани посланы были нарочные по всѣмъ деревнямъ объявить народу, что тотъ манифестъ — ложный. Но крестьяне, въ каждой деревнѣ, вооруженные дубьемъ и дрекольемъ, выходили противъ нарочныхъ, запирали ихъ въ караульную избу, грозили и высылали вонъ, говоря, что если губернская канцелярія вышлетъ къ нимъ и большія команды, то и тогда они той губернской канцеляріи слушать ни въ чемъ не будутъ; что инструкція, данная нарочнымъ, фальшивая ²⁾).

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XIX. 13,676.

²⁾ Тамъ же, XIX. 13,676.

Съ большимъ трудомъ возстановлено было спокойствіе между заводскими крестьянами. Оказалось, что манифестъ этотъ сочиненъ былъ какимъ-то дьячкомъ ¹⁾.

Но такихъ манифестовъ ходило тогда много по Россіи, и всѣ они принимались народомъ съ полной вѣрой и волновали его. Между фальшивыми манифестами разносились и пасквили такого же возмутительнаго содержанія. Одинъ изъ нихъ, пущенный въ народъ, былъ перехваченъ правительствомъ. Имѣя форму именнаго указа, онъ начинался слѣдующими словами: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма наше дворянство пренебрегаетъ» и проч.; оканчивался текстомъ: *въ юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*». Угрожающій тонъ пасквиля заставилъ обратить на него вниманіе правительства. Сенатъ публиковалъ въ народъ, что «нескладное сочиненіе пасквиля произошло отъ самаго подлаго и глупаго духа», что сочинитель его заслуживаетъ жесточайшаго истязанія, и должно быть поругано самое перо того дерзкаго, который оказался виновнымъ и призорительнымъ предъ государыней и народомъ. Пасквиль сожженъ рукою палача, на сенатской площади, съ барабаннымъ боемъ, и сенатъ публиковалъ, что тотъ получить 100 рублей, кто укажетъ сочинителя ²⁾. Но никто не указывалъ. Также сожжены были палачами въ Москвѣ, на Красной площади, при многочисленномъ собраніи народа, «ругательныя сочи-

---

¹⁾ Ук. Ек. 1769. 152,155.

²⁾ Полн. Собр. Зак. XVI. 12,089.

ненія», въ которыхъ, какъ сказано въ указѣ, «многихъ фамилій, обоого пола, персоны обижены», и снова велѣно было искать пасквилантовъ ¹⁾. Чрезъ годъ, въ Ярославѣ публично наказывали плетъми и сослали въ Нерчинскъ двороваго челоуѣка г. Михайлова, Андрея Крылова, у котораго нашли пасквильное письмо, подобное сожженному въ Петербургѣ и ходившее по рукамъ между простымъ народомъ. Письмо было также сожжено въ Ярославѣ ²⁾.

Всѣ эти обстоятельства не проходили бѣзслѣдно. Они оставались въ памяти народа, которая берегла ихъ до поры-до времени. По всей Россіи ходили странные толки; они касались всего и были нехорошимъ предзнаменованіемъ; многому давался таинственный смыслъ. Къ несчастію, было много причинъ, поддерживавшихъ въ народѣ это опасное расположеніе умовъ. Толки и слухи, конечно, въ очищенномъ и приличномъ видѣ, доходили до трона и тревожили императрицу, но, къ сожалѣнію, не въ такой степени, въ какой они были опасны и угрожающы сами по себѣ. Чтобъ унять эти толки, императрица издала манифестъ, въ которомъ говорится, что въ Россіи являются «извращенныхъ нравовъ и мыслей люди», которые, будучи заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, до нихъ совершенно не касающихся, заражаютъ и другихъ слабоумныхъ, что они своими истолкованіями дерзостно касаются всего священнаго». Она увѣщаетъ этихъ «за-

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. ХVІІ. 12,313.

²⁾ Тамъ же, ХVІІІ. 12,890.

раженныхъ неспокойными мыслями» оставить всякія вредныя разсужденія, а, въ противномъ случаѣ, грозить, что этихъ «невѣждѣй» не минуетъ наказаніе ¹⁾. Но ничто не помогло. Являлись люди, которые открыто шли противъ существовавшаго порядка. Черезъ четыре мѣсяца послѣ возшествія на престолъ императрицы, — въ самомъ Петербургѣ открытъ былъ заговоръ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, изъ которыхъ одинъ Хрущевъ обвиненъ въ «изблеваніи оскорбленія величества» и въ возмущеніи народа; прочіе были участниками заговора. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого явился Яготинецъ, бывшій житель Ахтырки, который также возбуждалъ народъ противъ правительства: но былъ пойманъ и сосланъ въ Нерчинскъ ²⁾. Въ бывшую тогда турецкую войну изъ за-границы явились къ намъ монахи за подаяніемъ на восточныя церкви; они ходили по всѣмъ домамъ и, какъ иностранцы, не стѣсняясь, говорили о такихъ предметахъ, которые вводили въ соблазнъ русскихъ, или, какъ выразился сенатъ, «болтали все, что имъ въ голову не придетъ». Ихъ не велѣно было пускать въ Россію ³⁾.

Настали памятные семидесятые годы. Публикованіе фальшивыхъ манифестовъ, бунты, вспышки въ самыхъ темныхъ углахъ Россіи, повсемѣстные разбои, начиная отъ отважныхъ подвиговъ «понизовой вольницы» и кончая грабежами пограничныхъ шаекъ, движеніе въ народѣ и тяжелое предчувствіе чего-то недобраго въ

---

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVII. 833.

²⁾ Тамъ же, XVIII. 13,039,

³⁾ Тамъ же, XVIII. 13,372.

передовыхъ людяхъ государства, выразившееся горькою пронию въ литературѣ, — опасныя симптомы въ болѣзненномъ организмѣ государства и дурныя вѣстники. Въ періодическихъ изданіяхъ того времени видимъ постоянныя жалобы на взяточничество, на притѣсненіе судей; ѣдкіе сарказмы казнятъ все, что только пользовалось властью и значеніемъ, злоупотребляя и то и другое.

III.

Въ древней Россіи, передъ всякимъ общимъ несчастіемъ, являлись на небѣ знаменія; ходили «по аеру» хвостатыя звѣзды; на церквахъ, въ полночь, звонили колокола сами собою; слышны были стоны и плачь невѣдомый; помрачалось солнце; изъ сухаго дерева иконъ текли слезы и проч., — и народъ ждалъ бѣды, и бѣда приходила. Въ болѣе новыя времена, такія значенія грядущей кары замѣнялись народными жалобами, которыя сдѣлались особенно замѣтны и сильны въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Уже современники и очевидцы этаго страшнаго акта нашей исторіи, но только не наши соотечественники, а иностранцы, дышавшіе не тѣмъ воздухомъ, который вдыхало привыкшее къ тому русское общество, замѣчали, что какая-то кровавая драма была неизбежна, вслѣдствіе всего склада общества, да и народъ не могъ долѣе выносить своего тяжкаго положенія. Одинъ иностранный писатель, прожившій въ Россіи восемь лѣтъ и бывшій очевидцемъ пугачовскаго мятежа, бросаетъ

прямо въ глаза помѣщикамъ жесткій упрекъ въ безчеловѣчныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Какъ свѣжаго человѣка, его поражали такія явленія, которыя тогдашнему русскому обществу казались нормальными и естественными, потому что приглядѣлись. Ему бросалось въ глаза, напримѣръ, то обстоятельство, что дворяне не рѣдко въ обмѣнъ за одну собаку давали двухъ мужиковъ ¹⁾. Это обидно для человѣчества, говоритъ онъ, и потому если тѣ, которые промѣниваются на собаку, и должны спрятать свое человѣческое чувство, все же они остаются людьми и должны считать себя глубоко оскорбленными, если придадутъ хотя какую либо маленькую цѣну своему существованію. Дворянинъ, который при всякомъ случаѣ даетъ знать своему подвластному, что онъ не ставитъ его выше животнаго, долженъ быть имъ ненавидимъ, и, лишь только этотъ презираемый почувствуетъ себя довольно сильнымъ, онъ долженъ жестоко отплатить своему притѣснителю за то, что тотъ его ни во что не ставилъ. Это многократно подтверждалось во время пугачовскаго мятежа. Но жалъ тѣхъ, прибавляетъ онъ, которые невинно пострадали ²⁾.

Вообще отзывы этого современника о событіяхъ, волновавшихъ тогдашнюю Россію, носятъ на себѣ слѣды большей добросовѣстности и знанія дѣла, чѣмъ

---

¹⁾ :..... «dass Edelleute zwei Bauern um einen Hund weggegeben haben.»

²⁾ Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungs-Geschichte Pugatschews, während eines achtjährigen Aufenthalts gesammelt von einem Augenzeugen. Prag. u. Leipzig. 1792.

являвшіяся въ Европѣ, вслѣдъ за усмиреніемъ пугачовскаго мятежа, разныя описанія, рассчитывавшія на эффе́кть и удовлетворявшія праздному любопытству читателей западной Европы. И эти описанія были тѣмъ невѣроятнѣе, что въ самой Россіи о Пугачовѣ почти ничего не было печатано, а каждый русскій тогдашняго времени зналъ о главныхъ фактахъ пронесшейся надъ Россіею грозы по рассказамъ другихъ. — Уже въ самый годъ казни Пугачова, въ Лондонѣ явилась въ печати на французскомъ языкѣ брошюра, въ которой не было сказано ничего новаго, кромѣ того, что публиковалось тогда у насъ оффиціально въ указахъ и манифестахъ, хотя тѣмъ не менѣе брошюрѣ старались придать занимательность, указавъ, что рассказъ о Пугачовѣ переведенъ съ русскаго оригинала, и приложивъ къ брошюрѣ портретъ самозванца. Портретъ изображаетъ его не то итальянцемъ, не то испанцемъ, съ маленькими черненькими усиками, въ мерлушчатой шапкѣ, какія носили крымскіе татары, и въ мѣховой шубѣ, тоже въ родѣ татарской. Внизу портрета надпись: *Jemelian Pugatschew*. Самой брошюрѣ предпосылается эпиграфъ: «Le crime a ses héros, ainsi que la vertu» ¹⁾.

Эта же брошюра, для удовлетворенія любопытству нѣмецкихъ читателей, была переведена вскорѣ и на нѣмецкій языкъ, и къ ней также приложенъ портретъ

---

¹⁾ Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemelian Pugatschew. D'après l'original russe de M-r F. S. G. W. D. B. Avec le portrait de l'imposteur et des notes historiques et politiques. A Londres, chez C. H. Seyffert. 1775, in 8°.

самозванца, видимо снятый съ перваго лондонскаго изданія брошюры ¹⁾).

Но еще раньше этого перевода, въ Германіи появилось особое сочиненіе о Пугачовѣ, авторъ котораго говоритъ, что хотя для чести человѣчества и слѣдовало передать полному забвенію всѣ безчеловѣчія, производимыя Пугачовымъ въ Россіи, но какъ событіе это занимало весь міръ, и газеты большею частью распространяли о немъ неосновательныя извѣстія, «то мы и рѣшились, говоритъ авторъ, о всѣхъ безчеловѣчныхъ дѣяніяхъ самозванца и о его казни сообщить обстоятельныя извѣстія, извлеченныя изъ русскихъ оригиналовъ.» Къ этому послѣднему описанію, какъ и къ первымъ двумъ брошюрамъ, приложенъ поясной портретъ Пугачова: дикая, съ огромными глазами, фізіономія; усы, длиною по четверти, спускаются на грудь; на головѣ нѣчто въ родѣ казацкой шапки, съ верхомъ, который спускается почти до пояса; на плечахъ родъ польскаго кунтуша, вмѣсто шубы, какъ его у насъ изображаютъ; за поясомъ сабля. Подъ портретомъ подпись: «Wahre Abbildung des Rebellen Jemeljan Pugatschew.»

Содержаніе этого сочиненія не богаче предъиду-

---

¹⁾ Leben und Abentheuer des berühmtesten Rebellen Jemeljan Pugatschew, welcher sich in dem südlichen Russland für Peter III ausgab. Nach dem russischen Original des Hrn. F. S. G. W. D. B. in das französische und aus diesem in das deutsche übersetzt. London, 1676, in 8°. Въ концѣ приложенъ манифестъ императрицы Екатерины II и резолюція о казни Пугачова и его сообщниковъ.

щихъ и все почти основано на опубликованныхъ въ то время объявленіяхъ и манифестахъ ¹⁾).

Таинственная личность самозванца долго не могла потерять обаятельной силы для европейскихъ читателей, и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія о немъ ходили въ Европѣ разныя сочиненія, какъ напримѣръ, изданная въ 1807 году во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ книжка ²⁾, и въ особенности баснословная и романтическая повѣсть, сочиненная Аделаидою Ордé ³⁾, которая, между прочимъ, говоритъ, что «Пугачовъ, поставленный въ другія условія или, по крайней мѣрѣ, родившійся подъ другимъ небомъ, былъ бы защитникомъ отечества» ⁴⁾. Кромѣ того, по словамъ этой писатель-

---

¹⁾ Zuverlässige Nachricht von der Verrätherey und den Verwüstungen des Jemelka Pugatschew, nebst einer Beschreibung seiner Hinrichtung. Mit Kupfern, Schwabach. 1775, in 8°.

²⁾ Leben, Thaten und Ende des berühmtesten Rebellen Jemelian Pugatschews. Frankfurt u. Leipzig, 1807, in 8°. Сочиненіе это также описывается на авторитетъ самовидцевъ (Zuverlässige Nachrichten von dem Auführer Jemelian Pugatschew, und der von demselben angestifteten Empörung, aus glaubwürdigen Quellen u. der Aussagen unverdächtiger Augenzeugen vorgetragen).

³⁾ Histoire de Pugatschew. Par Adélaïde Hordé, élève du conservatoire. A Paris 1809. Два тома in 8°. Къ книгѣ приложенъ эпиграфъ:

Heureux, cent fois heureux, si ce coeur magnanime
Eût fait pour la vertu ce qu'il fit pour le crime.

Вѣроятно, на это сочиненіе Аделаиды Ордé намекаетъ авторъ приведенныхъ нами выше «Bemerkungen etc.», говоря, что во Франціи вышла книга о Пугачовѣ, и что этой книгѣ многіе вѣрятъ; но, прибавляетъ онъ, это жизнеописаніе, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, есть не что иное, какъ измышленіе празднои головы, которая этимъ способомъ старалась, безъ сомнѣнія, зашибить малую толику денегъ (die Erfindung eines müssigen Kopfes, der sich ohne Zweifel dadurch ein Stück Geld zu verschaffen suchte). Bemerkungen, 210.

⁴⁾ A. Hordé, I, 2.

ницы, Пугачовъ былъ, какъ оказывается, сыномъ любви и притомъ довольно странной ¹⁾).

Относительно мотивовъ, побудившихъ Пугачова принять на себя имя умершаго императора, существовали весьма разнообразныя мнѣнія ²⁾, точно также какъ и о томъ, что онъ былъ орудіемъ какихъ-то тайно дѣйствовавшихъ интригъ. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи сказано было новое слово: если не въ появленіи, то въ усиленіи Пугачова, въ первое время его походовъ, подозрѣваютъ сильное вліяніе раскольниковъ. Пугачовъ самъ указалъ на это обстоятельство, когда съ него снимали допросы въ Оренбургѣ и Яицкомъ-Городкѣ. Допросы эти, какъ видно, не были извѣстны Пушкину, при составленіи имъ «Исторіи Пугачевского бунта», и напечатаны только недавно ³⁾; г. Щебальскій воспользовался ими, и затѣмъ у него подъ руками, какъ онъ говоритъ, не было почти ничего новаго, не напечатаннаго. Въ одной принадлежащей намъ рукописи, сообщенной са-

---

¹⁾ Она говоритъ, что самое распространенное мнѣніе, будто Пугачовъ родился отъ знатныхъ родителей (*filz d'un chef de ces cosaques*). Его отецъ былъ взятъ въ плѣнъ при Прутѣ съ Петромъ I. Послѣ отца Емельянъ остался маленькимъ, подъ присмотромъ матери. «*La veuve oublie bientôt qu'elle était mère, et livrée à tous les plaisirs d'un amour illicite avec un pope (amour qu'elle avait entretenu du vivant même de son mari et dont elle brûlait encore malgré les glaces de l'âge)*... Она покинула своего сына и т. д.

²⁾ Историкъ походовъ Суворова, Ф. Антингъ, между прочимъ, говоритъ, что, находясь однажды, еще въ молодости, въ Черкасскѣ, Пугачовъ помогъ какъ-то одной дѣвочкѣ напечь коней въ рѣкѣ; дѣвочка поблагодарила его, сказавъ, что онъ будетъ царемъ (*empereur*). Depuis ce temps-là cette idée roulait toujours dans sa tête. (*Les Campagnes etc., F. Anthing*).

³⁾ Чтен. императ. общества истор. и древностей 1858, 1859 г.

ратовскимъ старожиломъ Никитинымъ 2-мъ ¹⁾, положительно говорится, что Пугачовъ нашелъ сильную поддержку у раскольниковъ, обитавшихъ въ воронежскихъ лѣсахъ, гдѣ его принялъ какой-то Никита раскольникъ и предложилъ услуги своихъ единомышленниковъ.

Мы не станемъ слѣдить за Пугачовымъ и за ходомъ всего мятежа со дня появленія самозванца и такимъ образомъ повторять то, что уже было извѣстно изъ монографіи Пушкина и вообще изъ всего, что было печатаемо въ Россіи объ этой эпохѣ до сихъ поръ. Мы намѣрены дополнить прежнія изслѣдованія о Пугачовѣ новыми данными, не бывшими въ виду у прежнихъ историковъ пугачовщины, и по возможности опредѣлить точнѣе характеръ и значеніе этого явленія въ исторической жизни русскаго государства.

До какой степени затѣянное Пугачовымъ дѣло было произведеніемъ всей суммы государственныхъ и общественныхъ условій, въ которыхъ находилась Россія, видно изъ того, какъ мгновенно потрясены были всѣ низшіе слои населенія государства при первой вѣсти о смутахъ за Волгой, тогда какъ высшія сословія, по видимому, ничего не подозрѣвали, беззаботно продолжая свою обычную веселую жизнь. Въ то время, когда все поволжье лихорадочно волновалось, когда уже нѣсколько крѣпостей было въ рукахъ Пугачова, и бѣлое

---

¹⁾ Рукопись эта называется «Воспоминанія прошедшаго». Отрывокъ изъ нея напечатанъ нами въ «Саратов. Губ. Вѣд.» 1860 г. №№ 22, 23.

съ раскольничьимъ крестомъ знамя развивалось на форпостныхъ каланчахъ, Петербургъ и Москва ничего не знали. Любопытно слѣдить день-за-день, по тогдашнимъ русскимъ газетамъ и по лѣтописямъ пугачовщины, какъ за успѣхами Пугачова въ первое время его появленія, такъ и за тѣмъ, что въ невѣдѣніи творилось въ эти самыя числа въ нашихъ столицахъ. Послѣднія числа сентября 1773 года, когда Пугачовъ бралъ одинъ за другимъ военные посты, расположенные по яицкой линіи, когда передъ нимъ сдавались, почти безъ сопротивленія, крѣпости Илецкая, Розсыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернорѣченская, Сакмарскій-Городокъ и крѣпость Пречистенская, эти именно числа ознаменовались въ Петербургѣ рядомъ торжествъ, блестящими балами, роскошными ужинами при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Когда по заvolжью крѣпостныя пушки или отказывались стрѣлять, или стрѣляли весьма неудачно по мятежникамъ, въ Петербургѣ, по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ Натальею Алексѣевною, пушечная пальба не прекращалась, гремѣла музыка, читались торжественныя рѣчи. Или, наконецъ, перечитывая тогдашнія «Московскія Вѣдомости», именно отъ 19 октября, мы находимъ поразительный контрастъ между тѣмъ, что писалось въ этихъ «Вѣдомостяхъ» и что читаемъ, подъ тѣмъ же числомъ, въ запискахъ Рычкова. Высшія сословія Москвы празднуютъ августѣйшую свадьбу, въ стѣнахъ московскаго университета поется сочиненная на этотъ торжественный случай кантата:

Пойте музы восхищенны
Бракомъ Павла до небесъ.
О! коль въ свѣтѣ вы блаженны —
Родъ Петровъ воскреснетъ здѣсь, и т. д. ¹⁾.

А между тѣмъ Оренбургъ, обложенный со всѣхъ сторонъ мятежниками, чувствуетъ уже недостатокъ въ припасахъ, высылаетъ сильный отрядъ на фуражировку, и изъ этого отряда въ стыкѣ съ толпами Пугачова погибаетъ разомъ 300 человѣкъ. Мало того: когда высшія сословія въ Москвѣ ликуютъ, городъ иллюминированъ, въ богатыхъ домахъ гремитъ бальная музыка, въ этой же Москвѣ, по разнымъ захолустьямъ, по кабакамъ, начинаются уже сходбища, перешептыванья, чтенія пугачовскихъ манифестовъ. Одинъ иностранецъ, бывшій въ то время въ этомъ городѣ, говоритъ, что молва о существованіи самозванца быстро разнеслась по Москвѣ; не было никакого сомнѣнія, что первый манифестъ Пугачовъ распространилъ въ древней столицѣ посредствомъ своихъ сообщниковъ («durch besondere Emissare»). Публикованіе его началось въ кабакахъ, гдѣ тотчасъ произошли сходбища и тайныя совѣщанія о появившемся царѣ ²⁾. Затѣмъ, когда въ городѣ начали уже говорить гласно о яцкихъ событіяхъ, не было никакой возможности не только остановить распространеніе зловѣщихъ слуховъ, но и помѣшать тайнымъ сходбищамъ народа, между

---

¹⁾ «Московскія Вѣдомости» 1773 г., № 85.

²⁾ «Die erste Publication dieses Manifestes geschah in den öffentlichen Kronschenken oder Kabaken» (Bemerkung. 175). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разглашенія дѣлались даже на базарахъ.

коимъ молва о царѣ и его первыхъ подвигахъ расходилась посредствомъ передачи яичкихъ извѣстій изъ устъ въ уста.

IV.

Одинъ Петербургъ долго ничего не зналъ о сѣверо-восточныхъ событіяхъ, которыя съ каждымъ днемъ принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Какъ въ Оренбургѣ первая вѣсть о появленіи Пугачова застала всѣхъ въ расплохъ, во время губернаторскаго бала, такъ и въ Петербургѣ первое извѣстіе о немъ, почти чрезъ мѣсяцъ, получено было во время празднованія бракосочетанія Павла Петровича съ первою супругою.

Вблизи театра дѣйствій состояніе умовъ было въ высшей степени тревожное. Въ Казани въ это время находилось много поляковъ и французскихъ офицеровъ, которые прежде служили въ войскѣ конфедератовъ и, взятые, во время перваго раздѣла Польши, въ плѣнъ русскими войсками, разосланы были на житѣе въ отдаленныя губерніи. Въ Казани, такимъ образомъ, находились нѣкоторые изъ польскихъ конфедератовъ, какъ-то графъ Потоцкій, одинъ изъ Пулавскихъ и др. Одинъ французскій офицеръ, находившійся на службѣ конфедератовъ и вмѣстѣ съ прочими взятый русскими въ плѣнъ и отосланный въ Сибирь, возвращаясь оттуда черезъ Казань въ самомъ началѣ успѣховъ Пугачова, внесъ въ свой дневникъ весьма любопытныя и до сихъ поръ неизвѣстныя въ русской печати подробности о тогдашнихъ событіяхъ въ Казани, о первомъ пора-

женіи русскихъ правительственныхъ войскъ подъ предводительствомъ генерала Кара, о способѣ веденія войны Пугачовымъ, о его стратегическихъ дарованіяхъ, какъ полководца, о состояніи его войска и проч. Дневникъ этотъ вышелъ на французскомъ языкѣ вскорѣ послѣ казни Пугачова, и мы пользовались имъ въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ въ Амстердамѣ, въ 1776 году ¹⁾.

Всѣхъ плѣнныхъ конфедератовъ (какъ поляковъ, такъ и французовъ) считалось тогда въ Казани болѣе полутора ста человѣкъ. Присутствіе ихъ еще болѣе увеличивало опасенія жителей, тѣмъ болѣе, что говорили, будто конфедераты намѣрены войти въ тайныя сношенія съ казанскими татарами и вмѣстѣ съ ними произвести возстаніе ²⁾. Въ это время находился тамъ одинъ русскій князь ³⁾, сопровождавшій свой полкъ

---

¹⁾ Tagebuch eines Französischen Officiers in Diensten der Pohnischen Konfederation, welcher von Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen worden. Amsterdam. 1776.

²⁾ Tagebuch, 55.

³⁾ — «dessen Namen ich, um seine Ehre zu schonen, nicht nennen will» говоритъ иностранецъ, потому что князь этотъ велъ себя въ Казани не совсѣмъ благовидно. Дѣло въ томъ, что на одномъ большомъ офиціальномъ балѣ, который давалъ казанскій губернаторъ, князь этотъ подпилъ и вступилъ въ споръ съ графомъ Потоцкимъ. Дѣло не ограничилось одними словами, и князь пошелъ на Потоцкаго съ кулаками. Вступился губернаторъ. Князь схватился за шпагу, показывая видъ, что хочетъ употребить ее противъ губернатора. Этотъ послѣдній («der eben so wasker als grossmüthig ist», прибавляетъ иностранецъ) напомнилъ ему о неприличіи его поведенія, и когда озлобленный князь приказалъ своимъ людямъ дать графу Потоцкому 300 палокъ («Stockprügel oder Batoggen»), по возвращеніи его домой, губернаторъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, приставилъ къ квартирѣ Потоцкаго вооруженный караулъ изъ 15 человѣкъ и отдалъ приказъ стрѣлять во всякаго, кто бы онъ ни былъ, если только онъ осмѣлится употребить насиліе въ отношеніи графа Потоцкаго (Tagebuch, 53—54).

изъ Тобольска и Томска въ Грузію, который, поссорившись съ графомъ Потоцкимъ и съ казанскимъ губернаторомъ, донесъ ко двору объ опасности, угрожавшей Казани отъ польскихъ и французскихъ плѣнныхъ офицеровъ, и они послѣ того были отправлены въ Сибирь.

Но хотя неизвѣстный князь и обвинялъ казанскаго губернатора, которымъ былъ тогда фонъ-Брантъ, въ измѣнѣ и сочувствіи къ плѣннымъ, однако, этотъ дряхлый старикъ, при всей своей ненаходчивости, долженъ былъ принять какія-либо мѣры противъ угрожавшей опасности, до той поры, когда Петербургъ могъ подать ему руку помощи. Средства его были жалкія, а волненіе въ умахъ народа усиливалось, и смута разливалась по поволжью, какъ степной пожаръ.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ появленія самозванца, оффиціальныя ордеры и промеморіи разнесли вѣсть о Пугачовѣ по всѣмъ сѣверовосточнымъ городамъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, которымъ наиболѣе могла угрожать опасность. Промеморіи и ордеры были, конечно, строго «секретныя». Но раньше оффиціальныхъ бумагъ молва разнесла эту вѣсть по селамъ и деревнямъ, по всѣмъ уголкамъ цѣлой половины восточной Россіи, и народъ перешептывался, смутно вѣря неслыханному событію. «Царь проявился... живъ государь Петръ Ѳедоровичъ», толковали крестьяне, возвращаясь по домамъ съ ярмарокъ и базаровъ, и приносили эту вѣсть въ свои села, въ свои семейства. А между тѣмъ подъячіе, возвращаясь изъ своихъ канцелярій, гдѣ они переписывали ордеры и промеморіи о

самозванцѣ, также перешептывались между собою, придавая особый колоритъ извѣстіямъ о Пугачовѣ.

Прежде всего, вслѣдствіе распоряженій перепуганнаго фонъ-Бранта, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по всѣмъ воеводскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ низовыхъ городовъ толковалось «о взятѣи осторожности отъ собравшейся изъ яицкихъ казаковъ злодѣйской возмутительной толпы.» Предосторожности принимались пока только на бумагѣ, а между тѣмъ около Оренбурга разыгрывались уже кровавыя драмы, и смута моремъ разливалась во всѣ стороны. Понизовые подъячіе, воеводы и коменданты узнали черезъ нѣсколько дней, «что опасность отъ сихъ злодѣевъ не умалается, а прибавляется даже до того, что около Оренбурга взяли уже четыре кѣпости (взято было семь) и, въ самой близости къ Оренбургу находясь, идутъ на оной съ немалою артиллеріею и многими силами»; узнали, наконецъ, подъячіе и воеводы, что посланные оренбургскимъ губернаторомъ на встрѣчу бунтовщикамъ отряды «сдѣлались не исполнителями его предписанія», т. е. частью передались на сторону бунтовщиковъ, частью были перебиты.

Въ это же время власти понизовыхъ городовъ узнали секретнымъ образомъ слѣдующее:

Матерія всего возмущенія состоитъ въ томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачовъ назвалъ себя ложно бывшимъ третьимъ Петромъ императоромъ и тѣмъ сдѣлался начальникомъ показанной злодѣйской толпѣ, и намѣреваются идти по помѣщичьимъ житель-

ствамъ, преклоняя крестьянъ въ свою волю, обнадеживаніемъ дать волю ¹⁾).

Для понизовыхъ властей и подъячихъ такой случай былъ не новость: ровно за годъ до этого они видѣли, какъ наказывали кнутомъ подобнаго лже-императора Богомолова и его государственнаго секретаря ²⁾. Но паденіе нѣсколькихъ крѣпостей заставило ихъ задуматься. Надо было принять мѣры уже не на бумагѣ только, потому что съ театра возмущенія доходили вѣсти одна другой нерадостнѣе, и дѣло, по видимому, принимало серьезный оборотъ. Такъ какъ все среднее и нижнее поволжье, начиная отъ Казани до Каспійскаго моря, входило въ составъ двухъ губерній, Казанской и Астраханской, и такъ какъ въ руководителяхъ яицкихъ смуть и въ лицѣ самозванца, какъ донскаго уроженца и казака, предполагалась возможность тѣсной солидарности съ донскими казаками, то охраненіе поволжья и должно было составить главную заботу властей всего этого края, въ ожиданіи того, чѣмъ разыграется яицкое дѣло. Чтобы пресѣчь мятежникамъ

---

¹⁾ Архивныя дѣла города Царицына. Дѣла эти, въ 1858 году, извлечены изъ царицынскаго архива Н. И. Костомаровымъ въ бытность его тамъ и переданы намъ вмѣстѣ съ архивными дѣлами города Петровска. Дѣла эти богаты замѣчательными подробностями относительно разсматриваемой нами эпохи. Затѣмъ мы пользовались также подлинными дѣлами о пугачовщинѣ, извлеченными нами изъ старымъ архивовъ въ Саратовѣ. Сверхъ рукописей объ этомъ предметѣ, имѣющихся въ Императорской публичной библіотекѣ, мы имѣемъ рукописные матеріалы, полученные нами отъ частныхъ лицъ, отъ В. И. Ламанскаго, И. С. Аксакова (доставленные ему П. И. Пашино), гг. Шишкиныхъ и др.

²⁾ Смотри статью «Самозванецъ Богомоловъ», стр. 72.

сообщеніе съ правой стороною поволжья и, въ случаѣ если они будутъ разбиты подъ Оренбургомъ, перерѣзать отступленіе къ Дону, куда всего скорѣе, какъ думали тогда, могъ пробраться Пугачовъ съ своими шайками, Брантъ приказалъ генералу Миллеру собрать, по крайней мѣрѣ, до 500 человѣкъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, поселенныхъ въ Казанской губерніи, и вооружить ихъ чѣмъ только можно для охраненія границъ Оренбургской губерніи по направленію къ Волгѣ. Такъ жалки были средства, которыми на первый разъ думали защитить поволжье. Изъ этихъ пяти-сотъ отставныхъ, а слѣдовательно, большею частью не способныхъ ни къ чему воиновъ, надлежало сформировать два отряда, поставивъ одинъ около Кечунскаго фельдшанца, а другой между этимъ фельдшанцемъ и городомъ Ставрополемъ, на Черемшанѣ. Отряды снабжены были инструкціями относительно дѣйствій противъ шаекъ возмутителей и «окончательнаго ихъ истребленія» (это считали дѣломъ такимъ легкимъ). Въ то же время во всѣхъ селеніяхъ, лежащихъ къ границѣ Оренбургской губерніи, велѣно было публиковать обывателямъ о томъ, какъ имъ дѣйствовать въ случаѣ появленія мятежниковъ ¹⁾.

---

¹⁾ «Чтобъ они (обыватели) отъ вышписанныхъ собравшихся злодѣевъ яицкихъ казаковъ имѣли надлежащую осторожность и, въ случаѣ ихъ разбойническихъ набѣговъ, ни до какого себя разоренія не допускали; не меньше же сего, если, паче чаянія, будутъ они дѣлать какія воровскія и измѣнническія размышленія со обнадеживаніемъ о дачѣ какихъ-либо льготъ, то отнюдь тому не вѣрить и никакихъ ихъ рассказовъ не слушать и, ничѣмъ не прельщаясь, не приходить ни въ каковыя развратныя помышленія, а тѣмъ паче въ малѣйшее отъ настоящаго порядка

Разумѣется, эти распоряженія, казавшіяся тогда важными, на дѣлѣ оказались пустой канцелярской болтовней, потому что всѣ обыватели, которымъ велѣно было «недреманнымъ окомъ» наблюдать за появленіемъ возмутителей, спали и видѣли, когда они къ нимъ придутъ, чтобы только соединиться съ ними и общими силами добывать себѣ волю. Если бы мѣстныя власти имѣли въ своемъ распоряженіи и не такія жалкія средства, съ какими приходилось защищаться противъ сообщниковъ Пугачова, и если бы тщедушные гарни-

---

замѣшательство, подѣ опасеніемъ съ виновными строжайшаго по указамъ поступка и тяжкаго осужденія.

«Чтобъ они, для лучшаго себя охраненія отъ всякой могущей быть въ семъ случаѣ опасности, впереди своихъ селеніевъ ко Оренбургской и Яицкой сторонамъ, имѣли чрезъ нарочныхъ развѣдываніе, не разѣзжаются ли гдѣ помянутые собравшіеся изъ яицкихъ казаковъ злодѣи, и ежели гдѣ окажутся, то тотчасъ давать знать поставленнымъ по опредѣленію его высокопревосходительства генераль-маіора Миллера изъ поселенныхъ отставныхъ около Кечунскаго фельдшанца и между онаго и Ставрополя на срединѣ командамъ, и обще съ ними старались бы всѣми образы и не щадя живота своего переловить и со всѣмъ истребить тѣ злодѣйскія собранія.

«Если сіи злодѣи отправленными отъ господина оренбургскаго губернатора командами будутъ разбиты, то какъ обыкновенно есть отчаяннымъ злодѣямъ сыскивать отъ поиска себя закрытіе разными образы, и потому они въ маломъ числѣ людей непременно должны будутъ потаеннымъ образомъ и глухими дорогами пробираться, и сего ради имъ, обывателямъ, въ каждомъ жительствѣ накрѣпко смотрѣть и недреманнымъ окомъ наблюдать, чтобъ оныя злодѣи ни подѣ какимъ видомъ и ни гдѣ ни малѣйшаго пристанища и мѣста не имѣли, въ разсужденіи чего ни кого, а особливо казаковъ, кромѣ прохожихъ и проѣзжихъ изъ жительства въ жительство обывателей также и съ указными отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ воинскихъ командъ письменными пропусками, не пропускали бѣ, а всѣхъ таковыхъ неизвѣстныхъ людей и безъ письменныхъ указныхъ видовъ бравъ и подѣ карауломъ представляли въ вышеписанныя команды.»
(О Пугачовѣ, главное архивное дѣло въ Царицынѣ.)

зонные солдаты, эта «негодница», по выраженію Бибикова, съ жалкими начальниками, которыхъ тотъ же Бибиковъ въ письмѣ къ Чернышеву называетъ «скаредами и срамцами», и могли дѣйствовать энергически, даже отчаянно, то всѣ усилія ихъ разбились бы о народную нелюбовь ко всѣму, что тѣснило и сосало до сихъ поръ народъ въ видѣ представителей законнаго порядка того времени.

V.

Первая же серьезная стычка съ непріателемъ доказала, чего можно было ожидать не только отъ народа, но и отъ войскъ. Эта первая встрѣча войскъ императрицы съ толпами Пугачова, въ открытомъ полѣ, кончилась пораженіемъ Кара, главнокомандующаго войсками, посланными противъ мятежниковъ, и Чернышева, находившагося подъ его командою. Съ Каромъ и Чернышевымъ была уже не одна «негодница», не одни «срамцы и скареды», но правильно организованное войско.

Подробности о пораженіи Кара до сихъ поръ у насъ никому не были извѣстны. Его странное бѣгство въ Москву все еще остается какимъ-то не понятнымъ, недосказаннымъ фактомъ. Нѣтъ объ этомъ прямыхъ извѣстій ни у Рычкова, изъ лѣтописи котораго черпалъ Пушкинъ, ни у Обухова, ни въ другихъ рукописяхъ ¹⁾,

---

¹⁾ Т. е. Публичной библіотеки: а) «О началѣ яцкихъ неспокойствъ» и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 года, 87 л.,

ни у самого Пушкина, ни у П. К. Щебальскаго, наконец ¹⁾. Извѣстно было только, что Каръ смѣло двинулся къ Оренбургу, отдѣливъ часть своего войска, подѣ начальствомъ Чернышева, вѣроятно, желая охватить непріятеля съ двухъ сторонъ. Затѣмъ, безъ всякой видимой причины, круто повернулъ назадъ, покинулъ и войско, и ввѣренный ему край и ускакалъ въ Москву. Мы имѣемъ теперь возможность пополнить

скороп. XVIII вѣка (по катал. церковно-славянс. и русс. рукоп., отд. II, XVIII, «исторія», № 35: изъ собранія Фролова). — б) «О злодѣйствахъ и бунтѣ разбойника и самозванца Пугачова», соч. стат. сов. Петр. Рычковымъ. Списана 1785 г. въ Спб., 145 лис., скороп. (тамъ же, № 36). — в) Рычкова краткій экстрактъ о башкирскомъ народѣ и др. статьи. пис. для гр. П. И. Панина въ 1774 г., 319 стр. и прибавленія (скороп.). — г) «О Емельянѣ Пугачовѣ», отрывокъ, 19 лист., скороп. XIX в. (катал. II, XVIII, т. 31. См. катал. отд. V, № 109). — д) Записки Обухова, отъ 28 октября 1773 года и до 28 марта 1774 г. (Опис. рукоп. гр. Толстаго, отд. IV, № 43, 51 л.)

Впрочемъ, одинъ слышанный нами устный рассказъ о *первой* неудачѣ правительственныхъ войскъ заставляетъ предполагать, что рассказъ этотъ относится къ пораженію Кара. — Когда въ первый разъ сошлись царскія войска съ пугачовскими, Пугачъ выѣхалъ впередъ и сказалъ царскому войску:

— Какъ вы смѣете идти противъ своего царя?

— Ты не царь, а самозванецъ, сказалъ генералъ.

— Я тебѣ покажу, что я царь, сказалъ Пугачъ: чьи у тебя пушки?

— Царскія.

— Это мои пушки, говоритъ Пугачъ: — они противъ своего царя стрѣлять не станутъ.

— Попробуемъ, говоритъ генералъ.

— Пробуйте, говоритъ Пугачъ.

Пушки не выстрѣлили — сгорѣлъ только порохъ на затравкахъ. Царскія ружья также не выстрѣлили. Тогда все солдаты присягнули Пугачу. Пугачъ сказалъ генералу: «Пойди и скажи царицѣ, чтобъ прислала поумнѣй тебя.»

Тогда и прислали умнаго генерала, который и разбилъ Пугача.

¹⁾ Исторія Пугач. бунта Пушкина. — Нач. и хар. Пугач. П. Щебальскаго, 60 — 61.

этотъ пробѣлъ въ исторіи мятежа, и намъ будетъ понятно отступленіе Кара, которое всѣмъ почему-то казалось загадочнымъ. По словамъ иностранныхъ офицеровъ, бывшихъ очевидцами первой встрѣчи русскаго полководца съ Пугачовымъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Каръ сдѣлалъ ту ошибку («unrecht gethan»...), что напалъ на непріятеля, не разузнавъ предварительно ни о расположеніи мятежническаго войска, ни о численныхъ силахъ врага. Въ ту минуту, когда обѣ арміи стояли уже въ виду одна другой, Каръ видѣлъ только не большую толпу казаковъ въ боевомъ порядкѣ, которые, однако, казалось, стояли очень смѣло и, по видимому, ожидали немедленнаго нападенія. Каръ и сдѣлалъ это нападеніе, приказавъ прямо ударить на нихъ. Но когда онъ приблизился на ружейный выстрѣлъ, казаки, сдѣлавъ полуоборотъ, раздались вправо и влево и тѣмъ открыли ряды стоявшаго за ними войска. Каръ очутился лицомъ къ лицу съ непріятельскою артиллеріею: мятежники грянули изъ тридцати пушекъ, которыя дѣйствовали губительно, потому что и расположены были весьма удачно, и, повидимому, управлялись хорошими артиллеристами. Но хотя Каръ и видѣлъ, что его войско пришло въ совершенное смятеніе — частью побросало оружіе, частью передалось непріятелю, однако, не потерялъ присутствія духа, а напротивъ, изъ остатка своей арміи тотчасъ сдѣлалъ батальонъ-карè и ретировался «приличнымъ образомъ» т. е. въ порядкѣ ¹⁾, не смотря на сильное безпокой-

---

¹⁾ ... «auf eine anständige Art», какъ говорятъ самовидцы (Tagebuch, 197).

ство, причиненное ему сначала пушками. Непріятель не переставалъ, однако, преслѣдовать его, нападая со всѣхъ сторонъ. Семьнадцать верстъ Каръ слѣдовалъ такимъ образомъ по глубокому снѣгу, который доходилъ до колѣнъ; не испытавъ, однако, болѣе сильнаго натиска непріятеля и достигнувъ, наконецъ, до одной деревни, онъ поспѣшилъ устроить небольшіе ретраншементы, которые, въ случаѣ нужды, могли защитить его. Здѣсь онъ возстановилъ въ остаткахъ своего войска должный порядокъ и больной уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ отставленъ отъ службы ¹⁾.

Къ этимъ подробностямъ первой стычки Кара съ мятежниками прибавляютъ еще рассказъ о маневрѣ, къ которому прибѣгли сообщники Пугачова, и который поколебалъ мужество правительственнаго войска. Въ началѣ битвы, одинъ пугачовскій казакъ приблизился къ рядамъ императорскаго войска и, прокричавъ двоекратно: ура! громкимъ голосомъ сказалъ къ солдатамъ: «именемъ вашего истиннаго и справедливаго государя, который теперь находится здѣсь, объявляю вамъ, что если вы не послушаетесь его приказаній и его воли, то онъ будетъ считать васъ бунтовщиками, если же, напротивъ, вы возвратитесь подъ его знамена, то онъ пожалуетъ васъ съ свойственною его великому милосердію добротою.» Въ то же время, другой казакъ, воспользовавшись замѣшательствомъ Кара, прочиталъ передъ императорскимъ войскомъ манифестъ

---

¹⁾ Вообще говорится, что Каръ впалъ въ немилость, отданъ подъ военный судъ и проч., какъ значитъ и въ извѣстныхъ у насъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ (Tagebuch, 197).

самозванца, какъ бы общаго ихъ повелителя, и оба ватѣмъ ускакали въ толпу мятежниковъ.

Вѣсть о пораженіи Кара съ быстротою молніи облетѣла всю восточную половину Россіи. Изъ Казани бѣжало все, что могло спастись. Бѣжала и жена губернатора ¹⁾. Страшная вѣсть пришла въ Москву, гдѣ уже громко заговорили, что Каръ положительно разбитъ и бѣжалъ, что войско отказалось сражаться противъ таинственной личности ²⁾. Говорили, что съ войскомъ мятежниковъ, кромѣ загадочной личности самого предводителя, разбѣзжаютъ еще кахія-то двѣ переодѣтыя особы. Иные добавляли, что это были два брата принца Ивана (Антоновича?), умершаго въ заточеніи. Объ этомъ заключали изъ того, что никто не зналъ, что съ ними сдѣлалось потомъ и гдѣ они находились. Многіе думали, что они успѣли бѣжать въ Персію и получили какъ отъ персіянъ, такъ и отъ турокъ значительную помощь войскомъ и деньгами ³⁾. Хотя это были пустые слухи, но ихъ опровергнуть нельзя было, потому что въ пользу слуховъ говорило полное пораженіе и гибель Чернышева, котораго самозванецъ повѣсилъ вмѣстѣ съ 36 офицерами ⁴⁾; въ

---

¹⁾ «Sie kam aber mit ihrer Familie zurück (замѣчаетъ авторъ Tagebuch'a) und beruhigte durch ihre Wiederkunft die ganze Stadt, deren Einwohner sich bald darauf ebenfalls wieder einstellten (199).»

²⁾ . . . «sich geweigert hätte, gegen den vermeinten Peter III zu fechten.» Bemerkungen, 176.

³⁾ Tagebuch, 198 — 199 («allein, добавляетъ конфедератъ, diess alles waren blosser Gerüchte, die man nicht beweisen konnte»). Впрочемъ, молва эта была всеобщая и волновала не одинъ простой народъ.

⁴⁾ Въ Tagebuch показано 37. Тутъ же говорится, что Пугачовъ взялъ 9 русскихъ пушекъ, снова потомъ разбилъ другой отрядъ, гдѣ повѣсилъ 9

пользу этого говорило поражение и бѣгство другихъ отрядовъ, которые выступали противъ мятежниковъ.

Всѣмъ извѣстны, затѣмъ, обстоятельства назначенія главнокомандующимъ Бибикова, пріѣздъ его въ Казань, возбужденный имъ энтузіазмъ казанскаго дворянства. Однако, едва ли кто знаетъ о тѣхъ дерзкихъ попыткахъ Пугачова, которые могли отнять самоувѣренность даже у этого умнаго и неустрашимаго полководца. Едва самозванецъ узналъ о его пріѣздѣ, какъ приказалъ впереди своего стана поставить висѣлицу и написать на ней золотыми буквами: *Бибикову*. Затѣмъ, отпуская въ Казань одного плѣннаго, онъ сказалъ ему: «Читай это и запомни хорошенько... Ступай къ Бибикову и скажи ему, что я сдержу свое слово». Посланный въ точности исполнилъ порученіе. Нѣсколько дней спустя, Бибиковъ проѣзжалъ по одной изъ улицъ въ Казани. Какой-то вооруженный татаринъ, верхомъ на конѣ, остановилъ экипажъ генерала подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы сообщить ему нѣчто важное, и обратился къ Бибикову съ такими словами, которыя сильно смутили его. Повторивъ сказанное Пугачовымъ и прибавивъ еще болѣе сильную угрозу, татаринъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ. «Я замѣтилъ, говоритъ самовидецъ, бывшій при этомъ случаѣ, что эта угроза произвела на генерала сильное впечатлѣніе. Онъ сталъ унылъ и задумчивъ. Я сожалѣю о томъ,

---

русскихъ офицеровъ, и затѣмъ разбилъ отрядъ гвардіи въ 500 человекъ, ѣхавшихъ изъ Петербурга на почтовыхъ.

добавляетъ очевидецъ, потому что онъ честный человекъ»¹⁾.

Впрочемъ, и нельзя было не придти въ смущеніе при томъ состояніи, въ какомъ находился весь край. Бибиговъ видѣлъ, что Казань, изъ которой почти все бѣжало, была наполнена только одними арестантами. Это былъ сборный пунктъ всѣхъ пересыльныхъ каторжниковъ, которыхъ тогда, вслѣдствіе указанной нами выше системы управленія крестьянами и вслѣдствіе общихъ смутъ еще до появленія самозванца, гнали въ Сибирь тысячами: однихъ каторжниковъ, назначенныхъ для отсылки въ Оренбургъ, находилось въ Казани 200 человекъ. Но въ Оренбургъ уже ихъ нельзя было гнать, да и въ Казани оставлять такой народъ было опасно. Затѣмъ изъ Москвы привели 700 арестантовъ. Наконецъ, изъ всѣхъ прочихъ концовъ Россіи стянулось въ Казань къ этому времени еще 4,000 ссыльныхъ. Присутствіе въ этомъ городѣ ссыльныхъ поляковъ-конфедератовъ и плѣнныхъ французовъ увеличивало опасность. Въ виду такихъ обстоятельствъ сенатъ распорядился, чтобы арестантовъ больше не посылать въ Казань, а отправлять въ Азовъ, Таганрогъ, Александровскую крѣпость; даже въ Ригу и вообще въ самыя отдаленныя отъ театра возмущенія мѣста. Тѣхъ же арестантовъ, которые осуждены были въ ссылку въ Оренбургъ и находились въ то время въ Казани,

---

³⁾ Tagebuch 200 — 201. Угроза произнесенная татаринѣмъ, такъ переведена по-нѣмецки: «Mache, dass du mit deinen Tyranneyen fertig wirst; denn wir müssen dich haben, und sei versichert, dass wir Leute sind, die Wort halten». Безъ сомнѣнія, фраза переиначена сочинителемъ.

сенать велѣлъ фонъ-Бранту возвратить въ Азовъ и Таганрогъ и притомъ — *черезъ Воронежскую губернію*, потому что (пояснилъ сенать) это «*удобнѣе будетъ!*» По поволжью же отправлять было опасно. Но такъ какъ и эти арестантты могли взбунтоваться, то сенать приказалъ гнать ихъ малыми партіями, человекъ по 20, и каждую партію вести *на канатахъ* ¹⁾.

VI.

Дѣйствительно, весь поволжскій край былъ въ ненадежномъ состояніи. Подлинныя архивныя дѣла того края, никому доселѣ неизвѣстныя, которыми мы пользовались, рисуютъ мрачными красками весь востокъ Россіи. По аналогіи можно заключать, что и другія части имперіи были не въ лучшемъ положеніи.

Военныя и гражданскія власти всей восточной половины Россіи находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Ордеры и промеморіи съ театра дѣйствій повелѣвали имъ ждать съ часу на часъ появленія мятежниковъ, которые, какъ полагали тогда, бросятся или въ Персію, или на Донъ. Правый и лѣвый берега Волги, всѣ почтовые и проселочныя дороги въ разныхъ мѣстахъ обставлены были наблюдательными «маяками», съ наверхенной на верхушкахъ соломой, которую слѣдовало зажигать для поданія сигналовъ. Эти соломенные маяки замѣняли тогда телеграфы. Казенныя

---

¹⁾ Полн. собр. закон. XIX, 14,077.

деньги изъ казначействъ велѣно было тотчасъ же вывезти въ безопасныя мѣста. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приказано было собрать помѣщиковъ и управляющихъ, а въ государственныхъ селеніяхъ — сотниковъ, старостъ и лучшихъ обывателей, которымъ и оповѣстить, чтобъ они учредили дневные и ночные караулы при въѣздахъ въ села и выѣздахъ, останавливали всякаго проѣзжающаго, особенно въ казацкомъ платьѣ, а гдѣ появятся толпы — били бы ихъ и представляли къ подлешающимъ властямъ. Но караулить было некому. Народъ собирали силой. Губернаторы фонъ-Брантъ — казанскій и симбирскій, Кречетниковъ — астраханскій и саратовскій, Шетневъ — воронежскій, атаманъ донскаго войска Сулинъ, оберъ-комендантъ Дмитріевской (Ростовъ на-Дону) крѣпости Потаповъ, комендантъ Царицынской крѣпости Цыплетевъ, коменданты и воеводы городовъ Симбирска, Пензы, Саратова, Камышина и Новохоперской крѣпости, напрасно тратили бумагу на ордеры и промеморіи, потому что, кромѣ дряхлыхъ гарнизонныхъ солдатъ, ни у кого не было войска. Только послѣ Цыплетевъ и Кречетниковъ собрали кое-что. Даже никто не понималъ собственно въ чемъ дѣло, чего надо бояться и чего ожидать: во всѣхъ ордерахъ говорилось только, что «матерія возмущенія» такая-то, а за тѣмъ всѣ эти власти въ одно слово, вмѣстѣ съ военною коллегіею, повторяли нелѣпости, распущенныя по поволѣю, будто мятежники намѣрены идти въ «турецкую область», на какую-то «рѣку Лобу», и потому главная забота всѣхъ состояла въ томъ, чтобъ недопустить этого перехода черезъ бас-

нословную рѣку Лобу ¹⁾. А между тѣмъ полчища Пугачова оцѣпили уже весь сѣверо-восточный край. Во всѣхъ проѣморіяхъ, какъ видно, возлагали большую надежду на Кара. Военная коллегія даетъ знать всѣмъ мѣстнымъ губернаторамъ, что какъ противъ Пугачова пошелъ уже Каръ, то слѣдуетъ только ждать, какъ мятежники бросятся къ рѣкѣ Лобѣ, чтобъ задержать ихъ отступленіе. А эта Лоба едва ли даже и существовала, если только это не была рѣка Лаба, впадающая въ Кубань (да и то едва ли, потому что власти называли ее «нѣкоею» рѣкою).

Но чуть ли не одинъ человѣкъ во всемъ поволжѣ дѣйствовалъ разумно и энергически, не уподобляясь тѣмъ «скаредамъ и срамцамъ» и той гарнизонной «негодницѣ», которая такъ возмущала Бибикова. Это былъ Цыплетевъ, комендантъ Царицына. То былъ едва ли не единственный человѣкъ, отстоявшій ввѣренный ему постъ и не допустившій Пугачова, еще сильнаго, взять Царицынъ. Но объ этомъ будетъ сказано въ свое время, на основаніи имѣющихся у насъ архивныхъ матеріаловъ.

Еще до пораженія Кара, когда къ Цыплетеву дошли вѣсти о самозванцѣ, и онъ узналъ нѣкоторыя обстоятельства этого смутнаго дѣла, Цыплетевъ принялъ не-

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главное царицынское архивное дѣло), л. 1—5, 6—9, 11 и 507. Это объемистое дѣло, въ нѣсколько тысячъ листовъ, заключаетъ въ себѣ всѣ главнѣйшія распоряженія, какія дѣлались на востокѣ Россіи мѣстными властями за все время пугачовщины. Въ немъ есть и подлинныя манифесты самозванца, и подлинныя допросы нѣкоторыхъ захваченныхъ бунтовщиковъ, донесенія участвовавшихъ въ битвахъ командировъ, письма и автографы Михельсона, Суворова и проч.

медленные мѣры къ встрѣчѣ самозванца. Съ предшественникомъ Пугачова, самозванцемъ Богомоловымъ, Цыплетевъ былъ знакомъ лично: во время схватки, когда народъ хотѣлъ силой освободить лжеимператора и мнимаго государственнаго секретаря изъ-подъ караула, Цыплетевъ былъ раненъ и потому, безъ сомнѣнія, помнилъ, что съ самозванцами шутить нельзя ¹⁾. Цыплетевъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: тотчасъ далъ знать по всѣмъ ввѣреннымъ ему командамъ и къ начальнику калмыцкаго народа, чтобы все было готово на всякій случай, чтобы отъ каждой команды выбраны были надежные капитаны и офицеры; велѣлъ составить списки всѣхъ служащихъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, артиллеристовъ, пѣхотинцевъ и знающихъ инженерное дѣло; привести въ порядокъ артиллерию. Хотя въ Царицынѣ и находилось небольшое число войска, такъ какъ въ то время это была одна изъ важныхъ крѣпостей того края, однако, этого войска было недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ Царицынѣ находилось слишкомъ 900 плѣнныхъ турокъ, за которыми необходимъ былъ присмотръ. Цыплетевъ распорядился, чтобъ 1) легкой полевой командѣ ²⁾, части гарнизона и царицынскимъ казакамъ быть въ полной готовности; 2) отъ донскаго войска вытребовалъ пятисотную команду, съ тѣмъ, чтобы она находилась вблизи военной царицынской линіи; и просилъ войскаго атамана нарядить особо 200 казаковъ, да,

---

¹⁾ См. о Богомоловѣ.

²⁾ Этой командой начальствовалъ Дицъ, который впоследствии погибъ въ битвѣ съ Пугачовымъ.

кромѣ того, два полка (по 500 человѣкъ) съ особыми полковыми командирами, которые находились бы въ его распоряженіи; 3) въ волжскомъ войскѣ, отъ самаго Камышина почти, по луговой сторонѣ Волги, велѣлъ учредить форпосты и, отправивъ въ Ахтубинскій заводъ, за Волгу же, одно орудіе и артиллерійскаго оберъ-офицера, учредилъ тамъ особую военную заставу для мѣстныхъ развѣдываній; 4) внизъ отъ Царицына до самаго Чернаго-Яра также учредилъ форпосты и командирамъ строго предписалъ наблюдать за движеніями подозрительныхъ калмыковъ; 5) изъ находившейся въ Царицынѣ артиллеріи, шесть орудій поставилъ на походные лафеты, исправилъ и снарядилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и приставилъ къ нимъ достаточное число прислуги; 6) просилъ своего губернатора, Кречетникова, нарядить 200 калмыковъ Дербетевыхъ Улусовъ, *не говоря имъ о цѣляхъ приготовленія*; 7) изъ обывателей Царицына нарядилъ 300 человѣкъ отъ купечества, снабдивъ ихъ ружьями и припасами для стрѣльбы. Всѣ эти военныя силы онъ отдалъ въ распоряженіе фонъ-Дица. Затѣмъ учредилъ военныя заставы: на рѣчкѣ Пичугѣ, при Томиномъ буеракѣ и на Верхней Мечетной рѣчкѣ, снабдивъ находившихся на заставахъ людей инструкціями. Тѣ же мѣры совѣтывалъ принять и Меллину, коменданту города Камышина, подобно Дицу погибшему впоследствии отъ мятежниковъ ¹⁾.

Волжское казачье войско, территоріи котораго со-

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главн. царицын. архивн. дѣло), л. 16 — 22.

сѣдили съ Царицыномъ, находилось въ жалкомъ состояніи. Когда угрожающія вѣсти о яицкихъ смутахъ вынудили и волжскихъ казаковъ готовиться къ встрѣчѣ непріятеля и велѣно было нарядить не только служилыхъ и отставныхъ казаковъ, но и казачьихъ дѣтей и малолѣтковъ, старшины войска писали Цыплетеву, что во всѣхъ станицахъ нѣтъ ни одного заряда. Они просили его прислать на войско пороху, свинцу и фитилей для пушекъ. Между тѣмъ вскорѣ оказалось, что и пушекъ у нихъ не имѣется. Войсковое начальство вспомнило, что въ 1772 году велѣно было взять у нихъ шесть пушекъ для отправки въ Царицынъ, и потому теперь они просили возвратить имъ, по крайней мѣрѣ, два мѣдныхъ орудія, чтобъ чѣмъ было защищаться въ случаѣ появленія мятежниковъ или киргизъ-кайсаковъ, которые безпрестанно тревожили среднее поволжье ¹⁾).

Хотя къ мѣсту главныхъ военныхъ дѣйствій и пришли свѣжія войска вслѣдъ за Бибиковымъ, однако, все еще недостатокъ въ людяхъ былъ значительный, такъ какъ всѣ наши силы сосредоточены были за Дунаемъ, въ войнѣ съ турками. Чтобы спасти Казань и Оренбургъ и не дать возможности самозванцу разбить и Бибикова, какъ онъ разбилъ Кара, часть резервныхъ войскъ, охранявшихъ недавно возвращенный отъ Польши Бѣлорусскій край, должна была оставить этотъ край почти на произволъ полякамъ и тащиться тысячи верстъ изъ Бѣлоруссіи до Казани: только 12 де-

---

¹⁾ О Пугачевъ (главн. царщын. арх. дѣло), л. 37, 38.

кабря двѣ полевые команды и два гусарскихъ эскадрона дотащились до Саратова и тотчасъ же отправлены были къ театру военныхъ дѣйствій ¹⁾.

Мы остановились на прибытіи Бибикова въ Казань. Тогда же, почти одновременно съ нимъ, стянулись къ Казани и главные военные силы правительства. Ихъ прибыло до 14,000 пѣхоты и кавалеріи. Войска скакали на почтовыхъ день и ночь. Около Бибикова являются уже генералы Мансуровъ, князь Голицынъ, Декалонгъ, Ларіоновъ и затѣмъ полковникъ Михельсонъ — личность, сразу выдвинувшаяся изъ ряда прочихъ бойцевъ за государственный порядокъ. Къ этимъ свѣжимъ войскамъ примкнули остатки арміи Кара. Первая побѣда этихъ войскъ была довольно жалкая, если вѣрить очевидцамъ. Какой-то полкъ, который иностранцы-современники называютъ «режиментомъ черныхъ гусаръ», былъ посланъ по сибирской дорогѣ, чтобы возстановить спокойствіе въ мѣстахъ, встревоженныхъ башкирами и татарами. На пути полкъ этотъ вступилъ въ одно значительное селеніе, наполненное мятежническими толпами татаръ, которые, однако, не были вооружены. Гусары изрубили въ куски всѣхъ, которые имъ попались, и объ этой рѣзнѣ было возвѣщено въ газетахъ, какъ о великой побѣдѣ ²⁾.

Пугачовъ не могъ не знать о томъ, что къ Казани стянулись большія силы регулярнаго войска, и потому предвидѣлъ, что дѣло приметъ серьезный обо-

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главн. царицын. арх. дѣло), л. 34.

²⁾ Tagebuch, 201 — 202. Tagebuch говоритъ здѣсь, между прочимъ, что Бибиковъ и Голицынъ были «die besten Freunde.»

ротъ. Ему предстояло уже бороться не съ гарнизонными начальниками, а съ опытными генералами. Онъ видѣлъ, что для борьбы должны быть силы равныя, у него же недостаетъ хорошихъ полководцевъ, чтобы вести правильную войну. Въ этомъ ему могли быть полезны иностранцы, и потому онъ при случаѣ желалъ ихъ задобрить, чтобъ тѣмъ привлечь въ свое войско людей, знающихъ военное дѣло не по правиламъ азіятской тактики, а знакомыхъ съ европейскими приѣмами войны. Оттого онъ былъ такъ ласковъ со всѣми попадавшимися къ нему иностранцами ¹⁾. Вскорѣ по пріѣздѣ Бибикова въ Казань, самозванецъ захватилъ значительную партію поляковъ, слѣдовавшихъ изъ Сибири, въ надеждѣ, что между ними онъ найдетъ иностранныхъ офицеровъ. Но когда между ними не оказалось ни одного француза, которыхъ ему преимущественно хотѣлось залучить къ себѣ, то онъ и отпустилъ на свободу весь этотъ транспортъ конфедератовъ ²⁾. Впрочемъ, извѣстно, что въ его лагерь въ послѣдствіи находился Пулавскій ³⁾. О присутствіи въ войскѣ самозванца поляковъ и о вліяніи ихъ на него мы скажемъ послѣ.

Какъ бы то ни было, но когда правительство узнало, что Пугачовъ ищетъ случая пріобрѣсти себѣ помощниковъ въ французскихъ инженерахъ, то велѣло всѣхъ находившихся въ Казани плѣнныхъ французовъ выслать немедленно въ Москву ⁴⁾.

---

¹⁾ Bemerkungen, 229.

²⁾ Tagebuch, 202.

³⁾ Ferrand, Hist. des trois démembrement de la Pologne.

⁴⁾ Авторъ Tagebuch'a прямо говоритъ: «*мнѣ сказывалъ объ этомъ*

Такъ какъ сила Пугачова основывалась на проповѣдываемой имъ свободѣ всего крѣпостнаго населенія Россіи и на истребленіи дворянства, то Бибииковъ понималъ, что этой силѣ надо противопоставить другую, по возможности равносильную. Надо было поднять упавшій духъ дворянства и тѣхъ сословій, которымъ если не вполне хорошо, то хоть сносно жилось при существовавшихъ порядкахъ. Мы не станемъ повторять того, что уже всѣмъ извѣстно изъ Пушкина объ этой дѣятельности Бибиикова. По русскимъ свѣдѣніямъ неизвѣстно, какія силы выставило казанское дворянство вслѣдствіе призыва Бибиикова. Но иностранецъ-очевидецъ говоритъ, что казанцы, увлеченные Бибииковымъ и милостивыми словами императрицы, вооружили на свой счетъ 6,000 человѣкъ, купцы 3,000, и 3,000 воиновъ поставили казанскіе татары. Обратились и къ полякамъ, число которыхъ сильно возросло въ Казани. Французъ-очевидецъ съ видимымъ презрѣніемъ говоритъ, что большая часть поляковъ были «ослѣплены» деньгами, которыя имъ предлагали. Имъ дали 100 рублей, и они образовали изъ себя отрядъ улановъ. Горнозаводскіе владѣльцы также обѣщали поставить отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. Всѣ дворяне облеклись въ военные мундиры, чтобъ командовать своими отрядами, которые состояли изъ улановъ, гусаръ, драгунновъ, егерей и стрѣлковъ. Каждый отрядъ отличался чѣмъ-либо отъ другаго и каждый имѣлъ свою форму.

генералъ-аншефъ фонъ-Брантъ» («sagte mir der General-en-chef von Brand»). Tageb. 202.

Въ цѣлой Казани ничего не было видно, кромѣ этихъ новыхъ солдатъ. Въ отношеніи къ полякамъ, говоритъ самовидецъ, допущено было небольшое лукавство ¹⁾: нѣсколько времени спустя, полученъ былъ указъ сената, повелѣвавшій, чтобы всѣ безъ различія поляки, благороднаго и простаго званія, были обращены въ солдаты ²⁾.

Но военныя дѣйствія Бибикова начались не скоро. Даже этотъ энергическій человѣкъ медлилъ въ то ужасное время, когда, кажется, на всю Россію напалъ какой-то непонятный столбнякъ. Все какъ-то не клеилось даже въ рукахъ умныхъ людей. Только конецъ марта 1774 года ознаменованъ былъ первою и дѣйствительною побѣдою надъ мятежниками.

VII.

Между тѣмъ, что же дѣлалось въ остальной Россіи? Въ то время, когда карта владѣній Пугачова расширялась все болѣе и болѣе, когда онъ уже господствовалъ самовластно на пространствѣ десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ, повелѣвалъ разными народами, какъ настоящій государь, издавалъ указы и манифесты и такъ сказать новые летучіе законы, слагалъ съ народа подати, сбавлялъ цѣну на соль (это послѣднее распоряженіе сильно возвысило его популярность), лилъ пушки, чеканилъ монету съ своимъ

---

¹⁾ «ein wenig Hinterlist».

²⁾ Tagebuch, 203 — 205.

изображеніемъ, велѣлъ провозглашать свое имя на эктеніяхъ по церквамъ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній и читать свои грозные манифесты съ громкимъ титуломъ — «Божіею милостію мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій» и проч., и проч., и пр., — въ остальной половинѣ Россіи, по церквамъ, площадямъ и базарамъ читались другіе манифесты и объявленія, въ которыхъ повелѣвалось не вѣрить самозванцу, а стараться поймать его, а равно ловить всѣхъ подозрительныхъ людей съ «вредными письмами». Мало того: назначена была награда въ 1,000 рублей тому, кто поймаетъ Пугачова и представитъ по начальству ¹⁾. Такъ дешево сначала оцѣнили эту голову, которая стоила Россіи нѣсколькихъ сотъ милліоновъ! То была пора какого-то страннаго ослѣпленія, какихъ-то неизъяснимыхъ недоразумѣній со всѣхъ сторонъ. Тутъ дѣйствительно казалось, что началось разложеніе государственнаго тѣла. Въ самое средоточіе верховной власти, въ Петербургъ, во дворецъ пробиралась какая-то таинственная сила, которая издѣвалась надъ этою властью. И какъ бы въ подтвержденіе этого и въ подкрѣпленіе и безъ того чудовищныхъ слуховъ, сенатъ публикуетъ, что кто-то «неизвѣстный человѣкъ принялъ на себя такую дерзость, что во дворцѣ ея императорскаго величества осмѣлился оставить письмо», которое было такого содержания, что сожжено рукою палача ²⁾. Такъ всегда

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главное царицын. архивн. дѣло), л. 30, 39.

²⁾ Полн. Собр. Закон., XIX, 14,100.

бываетъ въ минуты общаго несчастья, что все теряетъ голову, и даже у умныхъ людей точно притупляется разсудокъ, и у сильныхъ въ изнеможеніи опускаются руки. Сенатъ по какому-то странному, непостижимому затменію самъ подрываетъ авторитетъ власти, которая его создала! Военная коллегія забываетъ географію своей страны, путается и извращаетъ названія рѣкъ своего государства!

Но если отъ подметныхъ писемъ не могъ избавиться даже дворецъ императрицы, то во всей остальной Россіи эта страшная литература вновь образовавшагося на востокѣ демагогическаго государства держала народъ въ постоянной агитаціи, а мѣстныя власти въ безпрестанной тревогѣ. Но и въ отношеніи къ этой зажигательной литературѣ правительство поступало какъ-то слишкомъ опрометчиво: народу постоянно толковали, чтобъ онъ перехватывалъ подметныя письма. Даже Бибиковъ разослалъ по всему поволжью ордеры о томъ, чтобъ эти письма задерживать и публично жечь на площадяхъ чрезъ палачей и профѣсоровъ, а копии съ нихъ присылать къ нему и въ военную коллегію. Понятно, что это сожженіе писемъ возбуждало лихорадочное любопытство и страхъ въ народѣ, и церемоніи сожженія этихъ летучихъ листовъ придавали имъ еще большую популярность. Этого мало: разосланы были по всей Россіи печатныя объявленія, которыми народъ призывали къ истребленію и сожженію «сихъ измѣнническихъ ядомъ наполненныхъ писемъ» ¹⁾.

---

¹⁾ О Пугачевъ (главн. царц. архив. дѣло), л. 53, 55.

Съ сѣвера мятежь перекинулся почти на самый югъ Россіи. Пользуясь смутами, киргизъ-кайсаки, кочевавшіе за Волгой, въ Астраханской губерніи, въ предѣлахъ бывшей Золотой Орды, съ луговой стороны Волги переправились на нагорную. Въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ они по льду перешли Волгу въ 30-ти верстахъ выше Дубовки и напали на владѣнія волжскаго войска. Старшина войска и депутатъ Терсковъ едва пробились сквозь эту орду, которая аттаковала форпосты, взяла нѣкоторые изъ нихъ, захватила плѣнныхъ, угнала скотъ, лошадей. Хотя нѣкоторые форпосты и отстрѣливались, но они не спасли хуторовъ волжскаго войска. Послѣ грабежа, киргизы опять перребрались черезъ Волгу по льду и ушли въ степь. Между тѣмъ военныя силы, которыя могли защищать этотъ край, военная collegія вытребовала на сѣверъ, къ Казани и Оренбургу. Отъ донскаго войска посланъ былъ къ Самарѣ, для соединенія съ генераломъ Мансуровымъ, знаменитый донской полковникъ Илья Денисовъ, который съ трудомъ могъ собрать отрядъ въ 500 человѣкъ изъ отставныхъ казаковъ и «выростковъ». Но идти было не съ чѣмъ, и донская войсковая канцелярія просила Цыплетева снабдить отрядъ Денисова провіантомъ, свинцомъ и порохомъ. Какъ жалки были военныя средства, видно изъ того, что отправлявшимся противъ самозванца донцамъ велѣно было выдать только по фунту пороху и по два фунта свинцу на пули. Между тѣмъ Денисовъ не зналъ удобнѣйшаго пути въ Самару, и Цыплетевъ долженъ былъ

дать ему инструкцію, какъ слѣдовать «прямѣйшимъ трактомъ» ¹⁾).

Около Оренбурга и Казани положеніе дѣлъ не улучшалось. Власти начали уже сомнѣваться, дѣйстви-тельно ли они имѣютъ дѣло съ простымъ казакомъ, какъ ихъ увѣряли другіе и въ чемъ онѣ старались увѣрить и себя, и другихъ. Французъ-конфедератъ приводитъ въ своемъ дневникѣ письмо, полученное въ Казани отъ оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа однимъ изъ друзей этаго генерала, уже давно томившагося въ осадѣ, письмо, обращающее на себя вниманіе. Рейнсдорпъ писалъ: «что бы тамъ ни говорили о главѣ мятежниковъ, вы не думайте, что этотъ человекъ — простой казакъ, а если онъ и въ самомъ дѣлѣ казакъ, то или самъ онъ обладаетъ большими познаніями, или имѣетъ около себя людей съ замѣчательнымъ умомъ. Батареи, которыя онъ возводилъ противъ меня, устроены съ полнымъ знаніемъ дѣла, и крѣпостные верки, которые онъ поставилъ для защиты своего лагеря, а равно его траншеи, сооруженныя противъ меня, *самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить*. Я самъ осматривалъ и вполне оцѣнилъ эти работы послѣ его отступленія въ лагерь, который онъ построилъ на казанской дорогѣ» ²⁾).

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главн. царицын. арх. дѣло), л. 51, 57, 58.

²⁾ Вотъ это любопытное письмо: «Ungeachtet alles dessen, was von dem Oberhaupte der Rebellen gesagt wird, glauben sie ja nicht, dass dieser Mensch ein bloßer Kozak sey, und wenn er es ist, so hat er entweder selbst gute Kenntnisse, oder er hat Leute von grossen Einsichten bey sich. Die Batterien, die er wider mich hat aufwerfen lassen, sind vollkommen gut angelegt, und die Befestigungswerke, die er zur Vertheidigung seines Lagers

Еще больше говоритъ въ пользу политическаго и военнаго такта самозванца слѣдующее свидѣтельство очевидцевъ: «Всѣ распоряженія Пугачова основаны на правилахъ военнаго искусства (*auf die Regeln der Kriegskunst*) и исполняются по этимъ правиламъ. Его войска преданы ему и хорошо дисциплинированы и никогда не выходятъ изъ лагеря, не получивъ отъ него на то приказанія. Онъ высылаетъ различныя толпы, состоящія изъ татаръ и другихъ народовъ, для изслѣдованія мѣстности, для приготовленія запасовъ продовольствія и для привлеченія народа на свою сторону. Но онъ приказываетъ щедро оплачивать все, что пріобрѣтается для его лагеря; и каждый изъ его людей получаетъ жалованье по 4 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ русскій солдатъ получаетъ полтора рубля въ 4 мѣсяца» ¹⁾, т. е. въ десять разъ меньше.

Французъ-очевидецъ говоритъ, что когда онъ, въ февралѣ 1774 года, выѣхалъ изъ Казани въ Москву и проѣзжалъ мимо черемисскихъ деревень, черемисы все спрашивали его, и онъ могъ только понять, что спрашивали все о Пугачовѣ. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ имъ *да* и продолжалъ удаляться отъ этихъ опасныхъ мѣстъ.

---

aufgeföhret hat, imgleichen seine Laufgräben, um mich anzugreifen, hätten selbst von dem Herrn von Vauban nicht besser angeordnet seyn können. Ich habe diese Werke nach seinem Zurückzuge in sein Lager, das er auf dem Wege nach Kasan angelegt hatte, untersucht und zu Grunde gerichtet. Diesen Augenblick der Ruhe machte ich mir zu Nutze, um mich mit neuen Vorrath zu versehen und die Anstalten zu einer nachdrücklichen Gegenwehr zu machen» (Tagebuch, 206—207),

¹⁾ Tagebuch, 207—208.

Но и въ Москвѣ было не лучше. Всѣмъ населеніемъ этой древней столицы овладѣло, какъ говоритъ очевидецъ, какое-то головокруженіе ¹⁾. Въ городѣ публично говорили *въ пользу* мнимаго Петра III. Вся Москва была въ постоянномъ волненіи, и хотя во всѣхъ частяхъ города наказывали кнутомъ ²⁾, однако, это жестокое наказаніе никого не останавливало. По всѣмъ закоулкамъ раздавались голоса: «живъ Петръ Ѳедоровичъ!» Казалось, должно было послѣдовать всеобщее возстаніе. Люди графа Толстаго были отданы имъ, изъ боязни, въ полицію; но и подъ кнутомъ кричали: «живъ Петръ Ѳедоровичъ!» Чтобы усмирить эти отчаянныя головы и потушить пламя, которое все больше разливалось и угрожало общимъ пожаромъ, велѣно было распространить по городу извѣстіе, что самозванецъ разбитъ. Это уже самая отчаянная выдумка, къ какой только могъ прибѣгнуть совершенно растерявшій человѣкъ! Извѣстіе не подтвердилось, и авторитетъ власти падалъ все ниже и ниже. Наконецъ, велѣно было на почтѣ вскрывать всѣ письма, и которыя казались сомнительнаго содержанія — утаивать. Мало того, отъ всѣхъ домовладѣльцевъ отобрали письменную присягу на вѣрность. Но ничто не помогало. 6-го марта, часамъ къ 6-ти вечера, вся Москва огласилась общимъ крикомъ: «живъ Петръ Третій!» — и этотъ крикъ, вмѣстѣ съ именемъ Пугачова, раздался во всѣхъ частяхъ города. Нельзя было не предвидѣть,

---

¹⁾ «ein gewisser Schwindel» (Tageb. 213),

²⁾ «die Knut gegeben wurde».

что будетъ плохо и дѣло кончится бунтомъ. Все бросилось бѣжать изъ города. Каждый искалъ только собственного спасенія. Твердость князя Волконскаго съ трудомъ остановила бурю ¹⁾.

Только по подлиннымъ архивнымъ дѣламъ, живымъ свидѣтелямъ этого страшнаго времени, можно судить, въ какомъ отчаянномъ положеніи находилось государство и какъ все растерялось, отчаянно хватаясь за всѣ средства; и средства оказывались жалкими непримѣнными, необдуманнми, поздними. Лихорадочно писанные рапорты, ордеры и промеморіи краснорѣчивѣе всего говорятъ объ общей паникѣ и общей безнадежности. Такъ и видно, что все потеряло голову и лишь въ отчаяніи металось изъ стороны въ сторону.

Военная collegія вздумала чинить крѣпости зимой! Посланы были распоряженія объ исправленіи самыхъ отдаленныхъ отъ центра мятежа крѣпостей — въ Астрахани, Енотаевскѣ, Черномъ-Яру, въ Кизлярѣ, Царицынѣ, и всѣхъ крѣпостей на южной или царицынской военной линіи. Но исправлять было некому; рабочихъ силъ не хватало ²⁾. Военная же collegія, именемъ своего вице-президента знаменитаго графа Захара Григорьевича Чернышева, требовала вѣстей о томъ, что дѣлается въ Оренбургѣ и на Уралѣ черезъ Царицынъ; — и Цыплетевъ долженъ былъ посылать людей развѣдывать объ оренбургскихъ дѣлахъ, чтобъ

---

¹⁾ Tagebuch, 223 — 224.

²⁾ *Общій нарядъ* архивныхъ дѣлъ о Пугачевѣ (въ Царц.), л. 287.

сообщить въ Петербургъ ¹⁾. Когда мятежъ перекинулся въ сибирскія провинціи, то въ Тобольскѣ и другихъ сибирскихъ крѣпостяхъ не оказалось боевыхъ снарядовъ, и военная коллегія велѣла взять ихъ изъ Ростова на Дону и Астрахани ²⁾! Спрашивается, какимъ путемъ можно было требуемыя вещи доставить въ Тобольскъ, и скоро ли онѣ могли поспѣть туда изъ Ростова и Астрахани? Но этого некогда было сообразить, а отчаяніе вынуждало, во что бы то ни стало, дѣйствовать.

Да и было отчего растеряться. Вспыхнулъ бунтъ въ Гурьевѣ, отдѣленномъ отъ правительственныхъ войскъ безконечными степями, по которымъ разъѣзжали толпы киргизъ-кайсаковъ. Нужно было спасти этотъ городъ, и туда командированы были отряды изъ Астрахани. Кандауровъ повелъ 3-ю легкую полевую команду, съ артиллеріею, захвативъ часть отрядовъ изъ Краснаго-Яра. Велѣно было также взять часть команды и у фонъ-Дица; но потомъ это распоряженіе было отмѣнено и приказано взять съ царицынской линіи 200 калмыковъ ³⁾. Киргизъ-кайсаки, кабарда и крымскіе татары начали непріязненныя дѣйствія и наступали на Россію. Крымскій ханъ двинулся къ Дону и началъ опустошенія. Нурали-ханъ, предводительствуя киргизъ-кайсаками, подвигался съ весьма угрожающими намѣреніями къ населеннымъ мѣстамъ, и противъ него командировали Дундукова и Куткина. Походные есаулы

---

¹⁾ *Общій нарядъ* архив. дѣлъ о Пугач., л. 2.

²⁾ Тамъ же, л. 106.

³⁾ Тамъ же, л. 119, 100.

Бирюковъ и Тушкановъ прикрыли Камышинъ. Но все это были жалкія, ничтожныя средства. На форпостахъ почти никого не оставалось: такъ на Пичуженскомъ форпостѣ было только 6 человѣкъ, на Пролейскомъ столько же, — и съ этими силами думали защищать край! Не говоря уже о киргизъ-кайсакахъ, вновь появились разбойники, «понизовая вольница», о которой слухи было-замолкли, — и это было зимой, когда «понизовая вольница» въ другое время рѣдко выходила изъ своихъ зимнихъ становъ на промыселъ. Дѣла въ Кабардѣ, на Кубани и вообще на турецкой границѣ, по донесеніямъ князя Черкаскаго, принимали болѣе грозный видъ: ожидали движенія непріятеля внутрь Россіи, и донскому и волжскому войскамъ велѣно было находиться въ готовности. Надо было защищать военную линію отъ Дона до Царицына, и на нее, для разъѣздовъ, за неимѣніемъ регулярнаго войска, командировали пятисотенный отрядъ калмыковъ Дербетевыхъ Улусовъ. Фонъ-Дицу также велѣно было выѣхать на линію. Противъ движеній кабарды, разныхъ черкесскихъ народностей и турокъ командированъ былъ Демедь къ Кизляру. Дундуковъ, который былъ отряженъ противъ киргизъ-кайсаковъ, вызванъ туда же съ донскими казаками и 300 калмыками при двухъ зайсангахъ. Вся степь отъ Кизляра до царицынской линіи была открыта, и непріятель могъ свободно врываться въ Россію. Демедь съ своей стороны командировалъ къ Моздоку Криденера, который отправилъ впередъ фуражъ, вьючныхъ лошадей и прочія тяжести съ донскими и яицкими старшинами, — транспортъ и

старшины пропали безъ вѣсти! Заподозрѣны были, наконецъ, даже калмыки Дербетевыхъ Улусовъ, всегда вѣрные; и астраханскій губернаторъ Кречетниковъ велѣлъ секретно разузнать о намѣреніяхъ ихъ владѣльца Цендена ¹⁾. Въ Царицынѣ стали опасаться возмущенія плѣнныхъ турокъ, которыхъ тамъ было, какъ мы сказали выше, болѣе 900 человекъ, и потому ихъ принуждены были отправить въ Воронежъ ²⁾.

Странный видъ представляла въ то время Россія, и это видимо бросалось въ глаза иностранцамъ. Все облеклось въ трауръ. Спасенія ждать было не откуда: главные военныя силы все еще были слишкомъ далеко: онѣ были въ Турціи ³⁾.

---

¹⁾ О сомнительномъ поведеніи калмыковъ прежде всего сообщилъ знаменитый академикъ *Палласъ*, который въ это время находился между калмыками, занимаясь своими учеными изслѣдованіями. Въ февралѣ онъ былъ въ Царицынѣ и оттуда отправилъ въ степь свои вещи и принадлежности ученыхъ работъ. Потомъ, изъ улусовъ уже, онъ прислалъ въ Астрахань одного студента съ извѣстіемъ, что калмыки замышляютъ что-то недоброе и, по всей вѣроятности, хотятъ предаться кабардинцамъ (*Общій нарядъ* арх. дѣлъ о Пугачовѣ, л. 39, 293, 294). Впрочемъ, можетъ быть, Палласу только показалось, что калмыки думаютъ измѣнить. Палласъ уже не первый разъ ошибается и дѣлаетъ фальшивыя тревоги: изъ архивнаго царицынскаго дѣла видно, что еще въ Ноябрѣ 1773 года, Палласъ, находясь въ нижнемъ Поволжьѣ, по порученію академіи наукъ, распустилъ слухъ, что Пугачовъ перешелъ Волгу и уже подходитъ къ Саратову. Почтенный академикъ перетревожилъ всѣхъ напрасно. Послали тотчасъ нарочныхъ въ Камышинъ, потомъ въ Саратовъ, и оказалось, что Пугачовъ около Оренбурга (Тамъ же, л. 527, 528).

²⁾ Тамъ же, л. 3, 4, 20, 26, 28, 31, 35, 36, 45, 85, 145, 94, 100, 119, 162, 215, 182, 188, 253, 257, 260, 275, 274, 69.

³⁾ *Bemerkungen*, 186.

VIII.

При такомъ положеніи дѣлъ, первая, дѣйствительная побѣда князя Голицына надъ Пугачовымъ подъ Татищевской крѣпостью, одержанная 22 марта, была очень кстати. Вѣсть объ этой побѣдѣ такъ же быстро разнеслась по всей Россіи, какъ быстро разносились вѣсти о первыхъ пораженіяхъ войскъ императрицы. Думали, что между убитыми найдутъ трупъ самого Пугачова. Но трупа этого не нашли, хотя вполне были убѣждены, что, послѣ такого полного пораженія, онъ будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и потому велѣно было перерѣзать всѣ пути къ отступленію изъ Россіи. Отъ Астрахани, вдоль всей Волги, велѣно было усилить караулы и разъѣзды, чтобы самозванецъ не пробрался на Донъ и въ кубанскую сторону; а чтобы онъ не нашелъ выхода черезъ Гурьевъ въ Каспійское море, для соединенія съ тухменцами и турками, велѣно было учредить сторожевые пункты отъ Гурьева вдоль морскаго берега и разъѣзжать по морю въ лодкахъ для рекогносцировокъ ¹⁾.

За первой побѣдой слѣдовали еще другія, нѣсколько менѣе значительныя пораженія Пугачова. Съ Оренбурга и Яицкаго-Городка, жители которыхъ доведены были продолжительной блокадой до крайняго изнеможенія ²⁾, снята, наконецъ, осада. Имя полков-

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главное архив. дѣло) л. 61—63, 72, 77.

²⁾ Въ Оренбургѣ, къ концу осады, ржаная мука продавалась по 100 рублей пудъ. Осажденные ѣли кошекъ, собакъ, падалъ. Когда же и этого не стало, то употребляли въ пищу глину, голубиный калъ и пр.

ника Михельсона начало повторяться чаще и чаще. Счастье, казалось, улыбнулось Россіи. Но этотъ роздыхъ былъ не надолго. 9-го апрѣля умеръ Бибиковъ, за которымъ какъ будто слѣдовало счастье, а съ его смертью счастье опять надолго оставило русскія войска. Потерю эту слишкомъ сильно чувствовала Россія.

Но не станемъ повторять утомительныхъ подробностей о неудачахъ и удачахъ русскихъ войскъ, объ этой бесполезной гонкѣ за самозванцемъ, который, послѣ всякаго пораженія, усиливался вдвое. Борьба съ нимъ напоминала борьбу сказочнаго богатыря съ многоглавымъ змѣемъ-дракономъ, у котораго вмѣсто одной отрубленной головы выросло двѣ, три, десять и еще болѣе свирѣпыхъ головъ. Но все это извѣстно изъ Пушкина и Щебальскаго. — Наконецъ, взята была Казань. Пушкинъ говоритъ, между прочимъ, что при осадѣ этого города былъ убитъ Каницъ, директоръ тамошней гимназіи. Пушкинъ, какъ видно изъ этого, при составленіи своего труда, опустилъ изъ виду даже многіе, вполне доступные источники о томъ времени. А потому въ его трудѣ есть крупныя ошибки. Такая ошибка допущена имъ и относительно смерти Каница. Въ публичной библіотекѣ хранится печатная рѣчь, сказанная Каницемъ по поводу освобожденія Казани отъ Пугачова ¹⁾.

---

¹⁾ Rede, welche in einer publiquen Versammlung, bey denen Kasanischen Gymnasien nach Wiederherstellung der öffentlichen Ruhe 1775 gehalten wurde. Gedruckt bey der Kaiserlichen Moskowischen Universität (Julius von Canitz, Hoffrath und Director der Gymnasien zu Kasan), in 4°. — Разсказывая объ ужасахъ недавняго времени, Каницъ заключилъ свою

Наконецъ, самозванецъ перешелъ на правый берегъ Волги. «Москва съ ужасомъ ожидала его. Не возможно было удержаться отъ стона, говорить самовидецъ, при видѣ, какъ раздирались внутренности страны; а между тѣмъ тѣ, которые должны были защищать ее, въ чужой странѣ распѣвали хвалебные гимны и побѣдныя пѣсни» ¹⁾. Но Пугачовъ повернулъ на югъ и бурей пронесся по всему правому поволжью. Самовидцы рассказываютъ страшные ужасы объ этихъ, такъ сказать, предсмертныхъ судорогахъ мятежа ²⁾.

Какъ на замѣчательный для насъ фактъ, приводимый иностранцами, мы должны указать на то, что Пугачовъ щадилъ подданныхъ другихъ государствъ, которые попадались къ нему въ руки. При всей своей жестокости, говоритъ авторъ современныхъ замѣтокъ о Россіи, Пугачовъ отдалъ приказъ, безъ сомнѣнія *изъ политическихъ расчетовъ*, чтобы всѣмъ иностранцамъ, которые не состоятъ въ русской службѣ, даруема была жизнь, и чтобы съ ними обходились очень ласково (*glimpflich*). Одинъ шведъ, бывшій учителемъ въ семействѣ извѣстнаго писателя Сумарокова, спасаясь отъ самозванца, былъ схваченъ его людьми, и когда Пугачовъ узналъ о его не-русскомъ происхожденіи, то обратился къ нему съ привѣтливостью и не только предложилъ взять его самого и его жену подъ свое покровительство, но приказалъ особенно угостить его.

рѣчь словами: «но эти ужасы миновались навѣки» (*sie sind vorüber, auf ewig vorüber!*)

¹⁾ Bemerkungen, 187.

²⁾ Тамъ же, 179, 181 — 183, 187, 195 — 197.

Вообще, онъ обошелся съ ними милостиво (mit Höflichkeit, какъ говоритъ иностранецъ), пригласилъ къ своему столу, затѣмъ взялъ съ собою и увѣрялъ, что ужъ давно отдалъ приказаніе не причинять никакого зла ни одному иностранцу ¹⁾. Иногда поляки останавливали атамановъ отъ жестокостей. Такъ у помещика Шилова жилъ одинъ чехъ, котораго атаманъ велѣлъ повѣсить. У несчастнаго уже была веревка на шеѣ. Въ это время, говоритъ самовидецъ, прискакалъ полякъ, любимецъ Пугачова. «Остановись, кричалъ онъ, по выговору этого человѣка, котораго ты хочешь повѣсить, я замѣчаю, что онъ мой соотечественникъ» (онъ былъ чехъ, какъ послѣ оказалось). «Счастье его, сказалъ атаманъ, но если бы онъ былъ даже святой, я повѣсилъ бы его, если бы ты не вступился за него» ²⁾.

Пугачовъ шелъ не останавливаясь, уничтожая одинъ городъ за другимъ. На архивныхъ дѣлахъ тѣхъ городовъ, которые ожидали прихода бури, лежитъ уже отпечатокъ какого-то крайняго, невыразимаго смятенія. Точно всѣ помѣшались отъ ужаса, да и было чего помѣшаться. Коменданты и воеводы городовъ, которые не сегодня, такъ завтра должна постигнуть гибель, не только осуждены ждаты этой гибели, но обязаны извѣстить и сосѣднихъ комендантовъ и воеводъ о томъ же; получаемыя въ канцеляріяхъ бумаги помѣчаются видимо нѣ-скоро, дрожащею рукою, и нѣ-

---

¹⁾ Bemerkungen, 229.

²⁾ Bemerkungen, 231—232.

скоро, лихорадочно пишутся распоряженія и сообщенія. Писать некому. Подъ гонцами пристають лошади. Пакеты пропадають безъ вѣсти вмѣстѣ съ гонцами. Посланные изъ низовыхъ городовъ нарочные къ Казани узнать, что тамъ дѣлается, увидѣли издали пламя, стоявшее надъ этимъ городомъ, а между тѣмъ по Волгѣ уже тянутся караваны судовъ съ толпами Пугачова, а на этихъ судахъ, на мачтахъ, качаются мертвыя тѣла повѣшенныхъ. Но готовиться къ смерти или къ оборонѣ все же надо было, во что бы то ни стало: за неимѣніемъ оружія, по городамъ Пензенской и Саратовской губерніи велѣно было запастись рогатинами, топорами, косами; косы и топоры велѣно было насаживать на шесты, но и этого некому было сдѣлать. Жалкіе остатки командъ, какія находились за Волгой, призывались на нагорную сторону. Въ волжскомъ войскѣ никого не осталось — одни старики, женщины и дѣти. Беззащитные станичные старшины просятъ прислать имъ хоть людей, которые могли бы стрѣлять изъ имѣющихся въ войскѣ 4 пушекъ; просятъ пороху и свинцу; мало того, просятъ прислать имъ хоть донскихъ казаковъ, которые защитили бы ихъ войско отъ неминуемой гибели. Власти опасались за спокойствіе на Дону. Между донцами явилось сомнѣніе, не въ самомъ ли дѣлѣ это царь ¹⁾).

Уѣздные города опустѣли совсѣмъ. Еще когда Пугачовъ былъ далеко, коменданты и воеводы пугали одинъ другаго извѣщеніями о «разливающимся ядѣ»,

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главное архив. царц. дѣло), л. 134.

или объ угрожающемъ имъ «крайнемъ бѣдствѣ». Но съ приближеніемъ самозванца и они замолчали. Чтобы судить, въ какомъ жалкомъ видѣ находились эти города при приближеніи Пугачова, взглянемъ хоть на Петровскъ, лежащій по дорогѣ къ Саратову. Оторопѣвшій воевода куда-то скрылся. Такъ они скрывались и по другимъ городамъ. А когда исчезали власти, бразды правленія бралъ въ свои руки, кто хотѣлъ. Саратовской губерніей, которая тогда составляла часть Астраханской, *de facto* распоряжался поэтъ Державинъ; губернаторъ же Кречетниковъ, собираясь ѣхать изъ Астрахани спасать Саратовъ, приказываетъ готовить для себя по 50 лошадей на каждой станціи, тогда какъ лошадей не хватало даже на посылку самонужнѣйшихъ депешъ. Державинъ пишетъ въ Петровскъ, что если городъ «отъ неизвѣстнаго злодѣя состоитъ въ опасности, то ежели никакихъ средствъ не имѣетъ защищаться, то бѣ находящуюся въ немъ казну, нужные государственныя дѣла, а паче ружейные припасы» прислалъ въ Саратовъ; если же и этого нельзя сдѣлать, то чтобъ все потопили въ водѣ и «усердно ретировались» въ Саратовъ. Оказалось, что въ Петровскѣ «воинскихъ людей, кромѣ штатной команды, никого нѣтъ», а въ этой штатной командѣ было народу «самое малое число», какъ доносили Державину, «и не болѣе десяти человѣкъ». Чѣмъ же было защищаться? Между тѣмъ жители защищаться не хотѣли, «оказывали противности», скрывались, буйствовали. Но это еще не все. Когда денежная казна и нужныя дѣла были собраны приказными служителями и сложены на

подводы, какой-то городской сотникъ Сѣдовъ и «начальникъ всему къ возмущенію злу пахатный солдатъ Осицъ Бастриковъ съ товарищи» воспротивились везти казну и «самовластно съ городской крѣпости подводы сбросили». Другіе кричали: «дѣла сбросить». Явился солдатъ съ ружьемъ и не пускалъ чиновниковъ изъ канцеляріи, грозя переколотъ ихъ. Пока спорили между собой солдаты, сторожа и канцеляристы, Пугачовъ нагрянулъ, и тогда донесено было по начальству, что всѣ предосторожности были приняты, «но токмо уже за нашествіемъ того злодѣя на городъ Петровскъ, всего того исполнить было невозможно, и все имъ расхищено» ¹⁾.

IX.

Саратовъ еще могъ спастись, но его погубили чиновники, спорившіе о томъ, кто старше: полковникъ, или дѣйствительный статскій совѣтникъ (бригадиръ); комендантъ крѣпости, или управляющій конторою иностранныхъ поселенцевъ, т. е. кому изъ нихъ защищать городъ — Бошняку, или Лодыжинскому. Державинъ также вмѣшался въ эти споры и принялъ сторону дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Храбрый Бошнякъ требовалъ отъ Лодыжинскаго людей, которые находились въ его распоряженіи, для устройства укрѣпленій и вала; Лодыжинскій не давалъ, говоря, что онъ генералъ и не долженъ повиноваться полковнику. Эти

---

¹⁾ Архивныя дѣла г. Петровска (О взятіи этого города).

любопытныя, хотя, тѣмъ не менѣе, возмѣтительныя пререканія изъ-за чиновъ, сохранились въ саратовскихъ архивахъ по настоящее время ¹⁾).

Мы имѣемъ записки саратовскаго старожила Никитина 2-го, въ которыхъ взятіе самозванцемъ Саратова описывается иначе, чѣмъ оно рассказано у Пушкина.

Не смотря на упрямство Лодыжинскаго, Бошнякъ все еще надѣялся защитить городъ. Напрасно онъ звалъ къ себѣ на помощь изъ Царицына фонъ-Дица съ легкою полевой командою ²⁾: Пугачовъ. былъ уже слишкомъ близко. Надо было защищаться собственными средствами. Въ Саратовѣ было страшное волненіе. Всѣ начали прятать цѣнныя имуществы, зарывать въ землю и искать спасенія въ бѣгствѣ. Большая часть дворянъ уѣхали; иные рѣшились умереть. Бошнякъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ, кто въ состояніи носить оружіе, явились въ комендантскій дворъ. Народъ не слушался. Явившихся снабжали алебардами и копьями и составили, такимъ образомъ, отрядъ копъеносцевъ. Купцы и мѣщане сдѣлали на свой счетъ 120 желѣзныхъ копій ³⁾. Всѣ участвовали въ работахъ по укрѣпленію города, а потомъ вмѣсто отдыха шли учиться военнымъ приѣмамъ.

Съ трехъ сторонъ городъ обнесли валомъ, поставили на немъ нѣсколько пушекъ на желѣзныхъ передкахъ, которые служили вмѣсто лафетовъ. Способныхъ

---

¹⁾ Архивныя дѣла саратов. конторы иностранныхъ поселенцевъ.

²⁾ *Общій нарядъ* царц. дѣлъ о Пугачовѣ, л. 558.

³⁾ Архивныя дѣла саратов. магистрата.

носить оружіе — если только оно было — оказалось тысячъ 8, большею частію изъ обывателей. Сверхъ того былъ отрядъ и регулярнаго войска, пѣхотинцевъ, которыхъ жители называли «красноперыми», потому что они носили на киверахъ красныя перья. Чтобъ не дать народу упасть духомъ, въ городѣ были постоянные разводы и играла военная музыка.

Бошнякъ хотѣлъ предупредить Пугачова и рѣшился самъ напасть на него, встрѣтивъ за городомъ и заманивъ его въ засаду. Для этой цѣли онъ оставилъ на городскомъ валу до 3,000 человекъ, а съ остальнымъ войскомъ двинулся по петровской дорогѣ на встрѣчу самозванцу и скрылся въ лѣсу, окружавшемъ тогда городъ. Бошнякъ думалъ зайти Пугачову въ тылъ и ударить на него неожиданно. Оставшимся же въ городѣ онъ приказалъ ждать, пока не услышатъ пальбы. При первыхъ выстрѣлахъ, даже ночью, оставшіеся въ Саратовѣ отряды должны были идти на помощь къ коменданту, или ударить въ центръ непріятельскаго войска. Планъ былъ хорошъ; но не удалось ему исполниться. Пугачовъ былъ слишкомъ обстрѣленный полководецъ, чтобы идти на проломъ къ городу, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить сильный отпоръ. «Пугачъ видно умнѣе нашего командира былъ», говоритъ старикъ Калмыковъ, со словъ котораго Никитинъ записалъ рассказъ о нашествіи самозванца на Саратовъ. Отъ переметчиковъ Пугачовъ узналъ, гдѣ засѣлъ Бошнякъ, и, подойдя къ засадѣ, остановился верстахъ въ двухъ, показывая видъ, что идетъ прямо на него. Это было вечеромъ. Самозванецъ велѣлъ разложить въ

своемъ лагерѣ множество костровъ, желая показать этимъ, что остановится на ночевку и роздыхъ. Бошнякъ думалъ напасть на него къ утру, рассчитывая на самый крѣпкій сонъ въ эту пору. Но Пугачовъ ночью же покинулъ свой лагерь и зажженные костры, а самъ, своротивъ съ большой дороги влѣво, обошелъ городъ съ сѣвера и явился на горахъ, господствовавшихъ надъ окрестностью, на Каланчѣ и Соколовой. На этихъ горахъ расположилъ онъ свою артиллерію и на утро, т. е. 6 августа, началъ громить городъ. За растратою картечи, онъ стрѣлялъ мѣдными деньгами, какъ говоритъ преданіе.

Этимъ ловкимъ движеніемъ комендантъ былъ отрѣзанъ отъ города. Толпы Пугачова спустились съ горъ, безпрепятственно перешли Глѣбучевъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ этихъ горъ, и явились на такъ называемомъ «Пѣшемъ базарѣ». Овладевъ гостинимъ дворомъ, они укрѣпились въ немъ. Между тѣмъ, другія толпы явились съ Волги. По Волгѣ плыла цѣлая флотилія, плоты, разшивы, барки и рыбацьи лодки, наполненные народомъ и награбленнымъ имуществомъ. Это былъ флотъ самозванца. «Московскимъ взвозомъ» мятежники вошли въ городъ и явились еще болѣе неожиданно, чѣмъ тѣ, которые пришли сухопутно. Работы Бошняка ни къ чему не послужили. Укрѣпленія его никого не спасли. Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ отъ непрестанной стрѣльбы изъ орудій. Народъ удалился за городъ, на берегъ Волги, къ такъ называемому теперь «Красному кресту». Ъсть было нечего: питались дикими яблоками и полевымъ ягодами. Бош-

ника уже не было въ городѣ, онъ пробился сквозь ряды мятежниковъ и удалился въ Царицынъ. Оставленный народъ присоединился къ арміи Пугачова. Начался страшный грабежъ. Городъ еще не считался покорившимся и присягнувшимъ на вѣрность самозванцу.

Чтобъ спасти остатки города, народъ рѣшился идти къ самозванцу. Всѣ собрались въ думу. Совѣтъ состоялъ тысячъ изъ трехъ растерявшихся, измученныхъ, упавшихъ духомъ гражданъ. На совѣтѣ положили отдаться страшному побѣдителю.

Вся эта толпа потянулась на горы, къ палаткѣ самозванца. «Что это за люди и зачѣмъ пришли?» спросилъ онъ у приближенныхъ. «Обыватели города Саратова пришли къ вашему величеству съ покорностью», отвѣчали ему.

— «Приведите ихъ къ присягѣ.»

За шатромъ самозванца находилось множество священниковъ, которые, однако-жъ, прибавляетъ самовидецъ, были «въ нетрезвомъ видѣ». Они безпрестанно приводили народъ къ присягѣ. Присягнувшихъ подвели ближе къ палаткѣ самозванца. «Я могъ хорошо разглядѣть его черные глаза», замѣчаетъ Калмыковъ.

Палатка была бѣлая, шелковая, съ разными золотыми украшеніями. Внутри ея было устроено небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. Украшенія были довольно привлекательны. На этомъ возвышеніи сидѣлъ самозванецъ. На немъ былъ фракъ и кортикъ. На головѣ казацкая шапка съ золотымъ крестомъ. Черезъ плечо перекинута голубая лента, а на правомъ плечѣ звѣзда. Въ

рукахъ самозванецъ держалъ зрительную трубку, въ которую по временамъ смотрѣлъ на городъ и на его окрестности. Свита его также была украшена крестами и медалями «на подобіе генераловъ», какъ замѣчаетъ очевидецъ.

Самозванецъ обратился тогда къ жителямъ Саратова съ рѣчью. (Онъ говорилъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, какъ замѣтилъ Калмыловъ).

— «Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единого. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство; но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоцѣнной для всякаго русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву.»

Всѣ поклонились до земли и разбрелись въ разные стороны.

Лагерь Пугачова былъ растянутъ вдоль горъ, а вдоль лагеря разставлены были пушки. Казацкая конница гарцовала въ разныхъ направленіяхъ, а пѣхота толпилась около кипѣвшихъ котловъ, въ которыхъ варились пища. Въ станѣ господствовалъ страшный шумъ. Въ концѣ лагеря, на склонѣ горы къ Волгѣ, разставлены были висѣлицы и на нихъ качались трупы повѣшенныхъ, а вѣшали, вновь взятыхъ въ плѣнъ дворянъ потомъ же, вынимая изъ петли, обнажали и сбрасы-

вали подъ гору. На Волгѣ захватили партію бурлаковъ, слѣдовавшихъ съ караванами изъ Астрахани, и также осудили на смерть. Ихъ обвинили въ оскорбленіи величества. Всѣ 60 бурлаковъ были повѣшены.

Между тѣмъ городъ представлялъ ужасное зрѣлище. Казаки, солдаты, народъ и всякая смѣсь азіятцевъ въ неистовствѣ метались по улицамъ, грабили и убивали сопротивлявшихся. Мертвыхъ тѣлъ некому было убирать. Одна толпа особенно обратила на себя вниманіе Калмыкова. Ею предводительствовалъ огромнаго роста мужикъ, одѣтый въ золотую поповскую ризу, а на головѣ, вмѣсто шапки, «бабій волосникъ». Эта толпа шла на промыселъ. Такова была оргія разгулявшейся толпы, всѣхъ неистовствъ которой мы, впрочемъ, не намѣрены перечислять ¹⁾).

Салмановъ, котораго Пугачовъ назначилъ начальникомъ Саратова или «главнымъ командиромъ», отдалъ приказъ, чтобы изъ города, особенно въ Царицынъ, никого не пропускали, потому что всѣ бросились внизъ по Волгѣ на судахъ и сухопутно, спасаясь въ Царицынъ. Лодыжинскій, покончивъ споры съ Бошнякомъ передъ самымъ приходомъ самозванца, снарядилъ судно, на которомъ отправилъ въ Царицынъ денежную казну, бумаги и прочее дорогое имущество. Но это судно, верстахъ въ 60 отъ Саратова, было атаковано окрестными жителями; конвойнаго офицера Ушакова «немилостивно тирански» мучили, деньги и вещи раз-

---

¹⁾ Воспоминанія прошедшаго, Никитина 2-го (рукоп.).

грабили. Оставшіеся въ живыхъ принесли въ Саратовъ вѣсть о гибели судна.

Буйный саратовскій подъячій, подканцеляристъ Фирсовъ, увлекъ за собою толпу саратовской вольницы и, снарядивъ цѣлую флотилію изъ лодокъ, спустился по Волгѣ съ грабежемъ и разбоемъ. Особое судно было наполнено канцеляристами, спасавшимися изъ Саратова. Оно погибло, канцеляристы побиты.

Большая часть дѣлъ присутственныхъ мѣстъ, вытщенныхъ изъ архивовъ и канцелярій, брошены въ Волгу.

9-го августа, Пугачовъ оставилъ опустошенный Саратовъ и двинулся къ югу по астраханской дорогѣ. Конница и часть пѣхоты шла съ нимъ; другая часть посажена была на безобразную флотилію, которая тянулась по Волгѣ, оглашая ее пѣснями, ругательствами, убивая и топя въ Волгѣ-матушкѣ все подозрительное и сопротивляющееся.

Но и съ выступленіемъ Пугачова, Саратову не удалось вздохнуть. По пятамъ самозванца гнались правительственныя войска. Прибылъ Михельсонъ. «Тутъ началось новое дѣйствіе (говорится въ запискахъ Никитина), новый порядокъ, новые допросы, новыя казни.» Стали спрашивать жителей, кого они признаютъ, Екатерину или Петра, и если кто, по незнанію, говорилъ про послѣдняго, то тутъ же вѣшали. Жители совсѣмъ потеряли разсудокъ. Никто не зналъ, что отвѣчать. Вчера вѣшали за Екатерину, сегодня вѣшаютъ за Петра: завтра, говорили несчастные, можетъ быть, будутъ вѣшать за того и другаго. На вопросъ: «кого

признаете?» стали отвѣчать: «мы за того, за кого и вы». Не долго и Салманову привелось начальствовать надъ городомъ. Воевода Савельевъ вступилъ въ должность. Трупы убитыхъ еще не были убраны съ улицъ: — не до нихъ было жителямъ и начальству. Мертвецы лежали такимъ образомъ съ 6-го по 15-е августа. Только въ этотъ день воевода отдалъ приказъ: «въ городѣ и около Соколовой горы лежатъ поверженные на земли мертвыя тѣла, убіенныя отъ государственнаго вора и измѣнника, разбойника Пугачова и его сообщниковъ, исключая убитыхъ того вора товарищей, которыя мертвыя тѣла вамъ (писалъ онъ бургомистру) чрезъ кого надлежитъ собрать и погребсти по христіанской должности, а пугачовыхъ сообщниковъ тѣла, яко не потребныхъ изверговъ, вытща по земли за ноги за городъ, бросить въ отдаленности въ яму, прикрывъ, чтобъ не было отъ нихъ мерзкаго зловонія, землею; тѣхъ же злодѣевъ, повѣшенныхъ публично, отнюдь не касаться, а оставить ихъ на позоръ и наказаніе зараженнымъ и колеблющимся разумомъ отъ разсѣянныхъ злохитрымъ злодѣемъ плевелъ людямъ.» И за тѣмъ тѣла убитыхъ погребены съ честію, а «гнусныя трупы изверговъ» привязаны были за лошадиные хвосты, вытщены за городъ, брошены въ буеракъ и прикрыты землею ¹⁾.

---

¹⁾ Архив. дѣла саратовск. магистрата.

Х.

Пушкинъ и Щебальскій говорятъ, что, когда Пугачовъ взялъ Саратовъ, явились новые самозванцы, именно одинъ въ Пензенской губерніи «бѣглый холопъ,» другой разбойникъ Фирска. Но обратившись къ провинціальнымъ архивамъ, мы убѣдились, что буйства Фирски и «бѣглаго холопа» ничтожны въ сравненіи съ подвигами цѣлаго десятка болѣе буйныхъ головъ, какъ Фирска. Назовемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ: Василій Ивановъ, Ѳедоръ Молотилинъ, Иванъ Ивановъ, Иванъ Вороновъ, Алексѣй Обрываловъ и другіе. Стоитъ только прослѣдить за подвигами этихъ пяти атамановъ, и передъ нами встанетъ живая картина того времени. Василій Ивановъ, отдѣливъ отъ себя партію подъ предводительствомъ Молотилина, отъ Саранска пошелъ степными селами, не подходя къ Волгѣ. Всѣ села, по которымъ онъ проходилъ, были ограблены. Выдѣленная имъ толпа, подъ предводительствомъ Молотилина, прошла грозою по селамъ Бахметевкѣ, Андреевкѣ, Симоновкѣ, Безобразовкѣ, черезъ Баландинскій Городокъ, Монастырщину, Рельню, Ѳедоровку, Шереметевку, Хоненевку, Белгазу, Лысыя горы, захвативъ, такимъ образомъ, уѣзды Петровскій, Пензенскій и Саратовскій. Все, что ни попадалось ему, было разграблено, убито, повѣшено: тотъ «наглостно засѣченъ плетми», другой «убить дубьемъ до смерти», тотъ «застрѣленъ изъ ружья», этотъ «повѣшенъ на воротахъ», «на кузницѣ», этотъ «заколотъ копьями»,

«повѣшенъ на деревѣ», «пришибленъ кистенемъ», «сожженъ за живо», «утопленъ», «заколотъ», а всего больше «повѣшенъ на воротахъ». Но Молотилинъ не долго свирѣпствовалъ. Въ Лысыхъ горахъ онъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ повелителемъ, атаманомъ Ивановымъ, и этотъ послѣдній погубилъ свою креатуру. Разсердившись на Молотилина, Ивановъ отнялъ у него все имъ награбленное, сѣкъ плетми и тамъ же въ Лысыхъ горахъ повѣсилъ. Присоединивъ къ себѣ его партію, Ивановъ вступилъ въ земли войска донскаго.

Другой Ивановъ, по имени Иванъ, прошелъ съ своимъ отрядомъ вдоль всей Медвѣдицы и уже около Етеревской станицы былъ встрѣченъ донскимъ полковникомъ, извѣстнымъ героемъ Луковкинымъ, и вернулся опять въ верхи Медвѣдицы, мстя на каждомъ селѣ свой неудачный походъ.

Вороновъ (саранскій купецъ) съ своей партіей прошелъ по уѣздамъ Саранскому, Симбирскому, Ломовскому, Пензенскому, Петровскому, Саратовскому. Артиллерія его состояла изъ 12-ти пушекъ.

Обрываловъ, бѣжавшій изъ партіи Молотилина, организовалъ самостоятельный отрядъ и свирѣпствовалъ въ степныхъ мѣстностяхъ, между Хопромъ и Медвѣдицею. За нимъ слѣдовалъ обозъ съ награбленнымъ имуществомъ. Онъ прошелъ черезъ Пески, Чедаевку, Щелканъ, Жирное, Монастырщину, Еланъ, гдѣ учинилъ оргію съ женою прикащика, съ духовенствомъ и народомъ. Въ Заевкѣ онъ столкнулся съ атаманомъ Ивановымъ 2-мъ, бѣжавшимъ отъ Луковкина. Представляя изъ себя временную правительственную власть

той мѣстности, Обрываловъ, увидавъ подобнаго себѣ героя, закричалъ своему отряду:

«Коли тѣхъ злодѣевъ, что жгутъ поселки (точно самъ и не жегъ)... бей!» Ивановъ бѣжалъ. Самовластіе отуманило голову Обрывалова. Въѣзжая въ села, онъ приказывалъ народу встрѣчать его на колѣняхъ и, стоя такъ, подносить ему деньги.

Не говоримъ о *восмидесятильѣтнемъ старикѣ* Череватомъ, у котораго въ шайкѣ было пять родныхъ сыновей. Не говоримъ о другихъ атаманахъ, есаулахъ, сотникахъ, которые представляли изъ себя самостоятельныя силы, независимыя отъ Пугачова, хотя дѣйствовавшія его именемъ ¹⁾. Читая архивныя дѣла того времени, удивляешься, какъ могла изъ такого ужаснаго хаоса опять возникнуть государственная жизнь.

Пугачовъ между тѣмъ шелъ въ Камышину, Дубовкѣ, Царицыну. Бѣжавшій изъ Саратова Бошнякъ явился въ Царицынъ 24 августа. У него осталось только 35 человекъ и ни одного заряда. Онъ просилъ у Цыплетева пуль и пороху ²⁾. Оставалась одна надежда на Царицынъ и на коменданта этого города Цыплетева. Камышинъ и Дубовка со всѣмъ жалкимъ волжскимъ войскомъ не могли дать отпора. Цыплетевъ, ожидая грозу, не дремалъ: онъ успѣлъ укрѣпить городъ, собрать разсѣянные по окрестнымъ селамъ отряды, запасти боевыми припасами, провіантомъ. Онъ приказалъ взять пушки со всей царицынской линіи, со всѣхъ форпо-

---

¹⁾ Архивныя дѣла г. Петровска.

²⁾ О Пугачовѣ (глав. цариц. архив. дѣло), л. 145.

стовъ, потому что линія и форпосты не удержали бы самозванца, а между тѣмъ пушки усилили крѣпость лишними орудіями и прислугой. Между тѣмъ онъ звалъ къ Царицыну Багратіона, стоявшаго съ своимъ отрядомъ на Дону, а потомъ двинувшагося на прикрытіе Новохоперской крѣпости. Онъ приказалъ также владѣльцу калмыцкихъ Дербетевскихъ Улусовъ назначенныхъ на Кубань 2,000 калмыковъ стянуть тоже къ Царицыну. Войсковой старшина Манковъ двинулся къ Царицыну съ донскими казаками станицъ Трехъ-островской, Пятиизбянской, Голубинской и Верхне-чирской. Прибылъ Дундуковъ съ калмыками. Войсковая казна волжскаго войска изъ Дубовки переведена въ Царицынъ; 14-го же августа, въ день прибытія въ Царицынъ Бошняка, прибылъ на царицынскую линію и походный атаманъ волжскаго войска Перфиловъ съ 562 «двуконными» казаками (1,156 лошадей). Прибылъ отрядъ извѣстнаго между донцами Михаила Серебрякова (Себрякова) и требовалъ свинцу и пороху. Губернаторъ Кречетниковъ также выслалъ войско изъ Астрахани. Къ нимъ присоединился еще отрядъ донскихъ казаковъ съ полковниками Кутейниковымъ и Грековымъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ изъ Полтавы двинулся прикрывать Воронежъ. Въ Царицынѣ между тѣмъ велѣно затопить всѣ суда, лодки, барки, все изрубить и сжечь, чтобъ самозванцу не на чемъ было переправиться за Волгу, — тогда какъ у него была своя флотилія. Въ Царицынѣ все дѣятельно работало, готовясь къ встрѣчѣ; работали купцы, мѣщане, бобыли, вновь приписанные малороссіяне, поляки. Пушки

поставлены на новые лафеты. Припасена свѣжая прислуга. Пушекъ въ городѣ было 63 ¹⁾. Цыплетевъ работалъ неустанно. Но не всѣ такъ дѣйствовали, какъ Цыплетевъ. Воронежскій губернаторъ Шетневъ, узнавъ, что Пугачовъ еще у Нижняго-Ломова, убѣждалъ въ Павловскѣ — *защищать* этотъ городъ, въ которомъ было 600 пушекъ и 3,000 пудъ пороху съ достаточными военными силами. Воронежъ брошенъ на произволъ судьбы. По счастью, онъ отстоялъ отъ Нижняго-Ломова, а, слѣдовательно, и отъ Пугачова, на 400 верстъ ²⁾.

Пугачовъ подошелъ къ Камышину. Этого города некому было защищать. Комендантъ Меллинъ былъ убитъ. Долго онъ ждалъ подкрѣпленія; но подкрѣпленія ни откуда не было. Кречетниковъ писалъ ему, что высылаетъ въ Камышинъ часть войска и артиллерию... но этотъ ордеръ получилъ Цыплетевъ, а Меллина уже не было въ живыхъ. Войско и артиллерія не дошли до Камышина: было уже поздно.

Послѣ Камышина самозванецъ вступилъ въ землю волжскихъ казаковъ. Въ царицынскихъ дѣлахъ есть положительныя доказательства измѣны волжскаго войска. Уже Кречетниковъ и Цыплетевъ недовѣряли имъ. Первый даже сомнѣвался въ вѣрности донскаго войска, которое, въ случаѣ удачи со стороны самозванца, могло передаться и на его сторону. Но этого не было,

---

¹⁾ *Общій нарядъ* дѣлъ о Пугачовѣ (въ Цариц.), л. 571.—Дѣло *О Пугачовѣ* (главн.), л. 128, 129, 131, 135, 136, 145, 137, 138, 146, 139, 147 — 149.

²⁾ Тамъ же, л. 208, 209.

и донцы, кромѣ нѣкоторыхъ измѣнниковъ, дрались храбро, а атаманы и старшины ихъ дѣйствовали и расторопно, и съ большимъ тактомъ. Но волжское войско положительно измѣнило. Доказательствомъ этому служить «списокъ», найденный случайно, въ октябрѣ 1775 года, на мѣстѣ пораженія Пугачова Михельсономъ. Въ «спискѣ» этомъ волжское войско значится въ числѣ полковъ Пугачова и названо «Дубовскимъ полкомъ». Списокъ найденъ однимъ проѣзжавшимъ изъ Астрахани по Волгѣ офицеромъ, который изъ любопытства вышелъ взглянуть на мѣсто битвы и между мертвыми тѣлами отыскалъ разныя бумаги, которыя и представилъ въ Царицынъ.

Фр. Антингъ въ исторіи «Походовъ Суворова» ¹⁾ говоритъ, между прочимъ, что ниже Камышина донскіе казаки, находившіеся въ войскѣ Пугачова, оставили его по винѣ самого Пугачова. Одинъ изъ начальниковъ волжскаго войска, замѣчаетъ Антингъ, принялъ Пугачова съ большою честію (*somptueusement*), ²⁾ тогда какъ всѣ другіе разбѣжались при его приближеніи. Когда на пиру у этого начальника многіе подпили, яицкіе казаки отрыли нѣсколько пушекъ, принадлежавшихъ волжскимъ казакамъ и спрятанныхъ ими. За это хозяинъ дома былъ тотчасъ же заколотъ. Подозрѣніе пало на одного донскаго казака. Его пригово-

---

¹⁾ Les campagnes du feldmaréchal comte de Souvoroff-Rymniski, v. I, p. 158 — 159.

²⁾ Не говоритъ ли здѣсь Антингъ о казакѣ Забурунновѣ (Антиновской станицы), у котораго Пугачовъ обѣдалъ, торжественно встрѣченный волжскими казаками? (Щебальскій, 111).

рили къ смерти. Но хотъ въ него и выстрѣлили, однако, онъ успѣлъ спастись. Это обстоятельство было причиной того, что въ ту же ночь четыре полка донскихъ казаковъ оставили самозванца ¹⁾).

XI.

Приступъ къ Царицыну и послѣдняя битва съ Михельсономъ подъ Чернымъ-Яромъ составляютъ заключительный актъ этой кровавой драмы. Услуги, которыя оказалъ Россіи Цыплетевъ обороною Царицына, до сихъ поръ не только не оцѣнены по достоинству, но и не замѣчены никѣмъ. Царицынъ былъ первый городъ, который, послѣ Оренбурга и Яицкаго городка, не сдался самозванцу. Передъ приходомъ Пугачова, сами жители выжгли фортштатъ. Суда, находившіяся около города на пристани, спущены ниже изъ предосторожности, чтобы Пугачовъ не переправился на нихъ за Волгу.

Приступъ начать въ 2 часа по полудни 21-го августа. Дѣло было жаркое. Канонада съ крѣпости не умолкала въ продолженіе 5 часовъ. Батареи Пугачова дѣйствовали какъ-то вяло, неудачно, точно въ первый разъ въ жизни усталость одолѣла неутомимаго мятежника. Въ сущности онъ не уставалъ — онъ только не могъ ничего сдѣлать противъ громившихъ его крѣ-

---

¹⁾ «Cet événement indisposa beaucoup les cosaques du Don et dans la nuit les quatre régiments le quitterent.» Но едва ли у Пугачова могло быть 4 полка донскихъ казаковъ (F. Anthing, 159).

постныхъ ядеръ, гранатъ и бомбъ. Шестъ сотъ выстрѣловъ, раздававшихся одинъ за другимъ съ крѣпостныхъ батарей, доказали Пугачову, что тамъ есть чѣмъ стрѣлять. Изъ наведенныхъ имъ на Царицынъ батарей 6 было сбито. Канонада со стороны Пугачова нисколько не вредила крѣпости: отъ его выстрѣловъ взорвало только 10 зарядовъ трехфунтовыхъ пушекъ съ ядрами и картечью, одинъ пудъ пушечнаго пороху, подъ двумя мортирами повреждены лафеты, а подъ одною изломана платформа. Раненъ и опаленъ одинъ только бомбардиръ, да и то отъ того, что отъ частой стрѣльбы у одной пушки оторвало «тарель съ фризой и съ винградомъ» и разбило лафетъ. Къ вечеру канонада умолкла. Ночью въ крѣпости свѣтились только фонари по батареямъ. Все было тихо, только разъ случилась тревога отъ взрыва неудачно брошенной изъ города гранаты, которая разорвала 20 другихъ крѣпостныхъ запасныхъ гранатъ.

Пугачовъ отступилъ отъ Царицына. Это была первая его неудача послѣ Казани.

Два слѣдующіе дня, мимо Царицына, по Волгѣ, тянулась нестройная флотилія самозванца, но ни она не нападала на суда, стоявшія у крѣпости, ни эти суда не нападали на нее, а только посылали вслѣдъ непріятельскимъ караванамъ выстрѣлы. Береговою батареею командовалъ Ильинъ, о которомъ Цыплетевъ отзывался съ особенною похвалою. Наиболѣе неутомимо и мужественно дѣйствовали при защитѣ Царицына — Елчинъ, Харковъ, Ушаковъ, Янцовъ, Власовъ и Свербѣевъ. Фатьяновъ энергически поддерживалъ въ

жителяхъ мужество, ободряя ихъ словомъ и примѣромъ ¹⁾).

Едва Пугачовъ отступилъ отъ Царицына, какъ туда явился Михельсонъ. Бросивъ въ Царицынъ лишнюю тяжесть, негодныя пушки, часть зарядовъ и пороху, этотъ неутомимый преслѣдователь самозванца настигъ его не подалеку отъ Чернаго-Яра. Подробности этой послѣдней битвы извѣстны изъ исторіи Пушкина ²⁾. Суворову, прибывшему въ Царицынъ слишкомъ поздно, оставалось только ловить разбитаго мятежника. Кромѣ Михельсона и Цыплетева, всѣ въ то роковое время какъ-то запаздывали, дѣйствовали вяло, медленно, нерѣшительно: отъ Москвы до Царицына Суворовъ ѣхалъ больше мѣсяца! Но Суворову не удалось и изловить этого замѣчательнаго бѣглеца. Онъ только конвоировалъ его уже закованнаго въ цѣпи. Неутомимый Михельсонъ едва успѣваетъ нанести послѣднее пораженіе своему противнику, какъ уже распоряжается о поимкѣ его. На другой день послѣ битвы, отсылая въ Царицынъ цѣлыя толпы плѣнныхъ дворянъ, «дворянскихъ дѣвицъ», лишнюю тяжелую артиллерію, взятая у Пугачова пушки, онъ говоритъ, что самозванецъ бросился за Волгу, и въ письмѣ къ Цыплетеву приписываетъ своею рукою: «пожалуй, батюшка, прикажите сколько возможно набрать людей и пошлите на ту сторону Волги примѣчать Пугачова

---

¹⁾ *О Пугачовѣ* (главн. архив. царич. дѣло), л. 204—216, 355, 356, 367.

²⁾ Въ царицынскомъ дѣлѣ есть подлинныя письма Михельсона объ этой битвѣ, писанныя Цыплетеву въ день побѣды.

верстахъ во ста внутрь земли и увѣдомляйте меня обо всемъ» ¹⁾).

Между тѣмъ, когда Михельсонъ сдѣлалъ свое дѣло и когда уже не съ кѣмъ было сражаться, къ Царицыну и выше Царицына нагрянули генералы съ запоздавшими войсками: Мансуровъ, Муффель, Меллинъ, Голицынъ, Суворовъ. Они уже распоряжались съ обезоруженными врагами, вѣшали измѣнившихъ, ловили бѣглыхъ и всѣ обращались къ Цыцлетеву — кто за провіантомъ, кто за лошадьми, кто за боевыми припасами. Все начало стягиваться къ Царицыну. Городъ переполнился народомъ, войсками, ранеными, больными, ограбленными. Одинъ Михельсонъ пригналъ въ Царицынъ около 9,000 человѣкъ и каждому изъ нихъ нужно было выдавать кормовыхъ 2 коп. въ день. Начался голодъ. «Школьники» играютъ на улицахъ разбросанными во время канонады ядрами. Собаки таскаютъ по улицамъ трупы умершихъ и засѣченныхъ. Каждый день въ городѣ казни, экзекуціи, гонка сквозъ строй пойманныхъ съ оружіемъ или бѣглыхъ солдатъ. Всякаго, проговорившагося въ пьяномъ видѣ, сболтнувшего, гоняли сквозъ строй и вѣшали. Ни лошадямъ, ни людямъ ѣсть нечего. Народъ питался жолудями. Боялись возмущенія въ городѣ и отобрали у плѣнныхъ всякое оружіе до послѣдняго ножа ²⁾).

Чтобы можно было хоть приблизительно судить объ этомъ ужасномъ времени, укажемъ на нѣкоторые факты,

---

¹⁾ О Пугачевъ (главн. цариц. дѣло), л. 241.

²⁾ Тамъ же 431, 244, 289, 292, 293, 321, 329, 334, 338 — 342, 348, 354, 358, 359, 551, 602, 854.

какіе представляютъ намъ архивныя дѣла. Мы сказали, что Царицынъ переполнился народомъ, преимущественно взятымъ изъ толпы Пугачова и добровольно явившимися голодными и измученными. Изъ Царицына пужно было отправлять ихъ въ мѣста жительства. Партіи по сту и по двѣсти человѣкъ связывали канатами, какъ огромныя своры собакъ, и гнали по разнымъ дорогамъ. Эти партіи перемирали за дорогу: мертвыхъ бросали по деревнямъ, по степямъ, при большихъ дорогахъ. Изъ отправленныхъ на такомъ канатѣ Цыплетевымъ изъ Царицына двухъ партій, одной въ Петровскъ въ 85 человѣкъ, другой въ Саранскъ въ 106 человѣкъ, въ Петровскъ пришло только 3 живыхъ, въ Саранскъ — 17. Все остальное перемерло дорогой. Съ мѣстныхъ начальствъ и родственниковъ умершихъ взыскивали путевыя и прогонныя издержки и не только кормовыя, но и «канатныя» деньги. Изъ 119 человѣкъ, отправленныхъ Цыплетевымъ изъ Царицына въ Саратовъ, дорогой умерло 84 человѣка. Изъ отправленныхъ за тѣмъ до Саратова 311 человѣкъ умерло въ дорогѣ 232. Вслѣдъ за этими гнались на канатахъ до Петровска три новыя партіи въ 548 душъ. Изъ 58 пензенскихъ дошли до мѣста родины только 19 человѣкъ. Партія въ 218 человѣкъ, отправленная изъ Саратова въ Петровскъ, на разстояніи 80 — 90 верстъ, потеряла 58 человѣкъ ¹⁾).

Долго потомъ еще являлась изъ побѣговъ голытьба, принося повинную или говоря, что увлечены были въ

---

¹⁾ Архивныя дѣла г. Петровска, особенно №№ 718, 720, 726 (по описи архива).

толпу злодѣя силою и страхомъ смерти. На допросахъ этихъ повинившихся открывались цѣлыя драмы, которыхъ дослѣдовать до конца не было ни времени, ни возможности. Тутъ уже главную роль играла плеть. Ограбленные или напуганные только, но спасшіеся подъячіе, канцеляристы и воеводы мстили и за свой страхъ, и за свои имущества, и за убитыхъ родныхъ, знакомыхъ. Чиновники мстили за безпорядки, причиненные мятежниками въ канцелярскихъ дѣлахъ и въ архивахъ: имъ нужно было заводить новыя дѣла, подшивать растрепанные бумаги, требовать копіи.

XII.

Не станемъ повторять извѣстныхъ всѣмъ подробностей о поискахъ и взятіи Пугачова. Замѣтимъ только, съ какою быстротою онъ метался за Волгою, не зная броситься ли ему на Узень и Яикъ вербовать разсѣянное въ поляхъ войско, пуститься ли въ море, чтобы тамъ «взять какія ни есть орды,» сплотить ихъ въ новую страшную армію и «выйти паки на Россію.» Вслѣдъ за пораженіемъ его подъ Чернымъ-Яромъ, черноморскій комендантъ Перепечинъ выслалъ изъ этого города отрядъ въ догонку самозванцу; отрядъ видѣлъ перебравшагося за Волгу Пугачова, кинулся за нимъ, гнался до Мухунъ-Зумунъ-Сала и потерялъ изъ виду; а черезъ четыре дня уже видѣли, что *бѣлое знамя* развѣвается въ глуби степей, далеко выше Камышина.

По бѣлому знамени удостовѣрились, что это несется къ Уралу самъ Пугачовъ ¹⁾.

Страшенъ былъ самозванецъ и въ клѣткѣ, въ которую его посадили уже пойманнаго. Въ Яицкѣ сдали его Суворову, который опоздалъ своимъ приходомъ, потому что бросился не въ ту сторону, куда слѣдовало. 1 сентября, онъ былъ въ Царицынѣ. 9-го онъ пишетъ Цыплетеву уже съ Еруслана, со степи, изъ лагеря, боится, чтобъ самозванецъ не поворотилъ назадъ, велитъ отрядить команду къ Елтону, а самъ бросается на Узень. Вслѣдъ затѣмъ онъ уже пишетъ Цыплетеву съ совершенно противоположной стороны, изъ слободы Николаевской, противъ Камышина ²⁾.

Антингъ говоритъ, что когда Пугачова посадили въ особо-приготовленную клѣтку, поставленную на колеса, чтобъ везти его къ Панину въ Симбирскъ, Суворовъ находился при самозванцѣ неотлучно. Но будто бы въ какой-то деревнѣ Мостахъ принуждены были бросить эту клѣтку, потому что Пугачовъ не хотѣлъ сидѣть въ ней покойно. Въ Мостахъ, гдѣ поѣздъ имѣлъ роздыхъ, случился пожаръ и конвоировавшіе Пугачова очень опасались, чтобъ эта тревога не дала самозванцу возможности бѣжать. Здѣсь посадили его въ крестьянскую телѣгу, а сына его, двѣнадцатилѣтняго мальчика, въ другую. По словамъ Антинга, это былъ такой буйный (*turbulent*) мальчикъ, что за нимъ необходимъ

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главн. царц. дѣло), л. 545, 286.

²⁾ Тамъ же л. 344, 345. Самый почеркъ писемъ изобличаетъ торопливость. Въ началѣ писемъ почеркъ руки писаря, а главное содержаніе — въ припискахъ руки самого Суворова.

былъ строгій надзоръ. Оба они были скованы въ тѣлѣгахъ. Ночью дорогу освѣщали факелами. Мартемьяновъ, извѣстный старшина яицкаго войска, слѣдовавшій съ особымъ отрядомъ за Пугачовымъ, дорогой какъ-то поссорился съ нимъ, а, можетъ быть, и просто подрался ¹⁾ и замѣтилъ у самозванца деньги, зашитыя въ платѣ. Зашито было всего только четыре золотыхъ. Когда Мартемьяновъ спросилъ, отчего онъ не имѣетъ съ собой больше денегъ, Пугачовъ отвѣчалъ, что онъ никогда не бралъ много денегъ собственно для себя, а когда захватывалъ богатую добычу, то всегда отдавалъ ее всѣмъ окружавшимъ его ²⁾.

4 ноября Пугачовъ былъ уже въ Москвѣ. Въ дневникѣ Васильева, о которомъ мы упомянули выше, въ этотъ день записано: «привезенъ бунтовщикъ и народный воръ, казакъ Емельянъ Пугачовъ, по полуночи въ 9 часу утра и посаженъ у воскресенскихъ воротъ въ покояхъ монетнаго двора.»

5 ноября въ дневникѣ Васильева записано: «великіе въ Москвѣ стали переговоры о проклятомъ злодѣѣ Пугачовѣ и его варварскихъ дѣлахъ. Тотъ, кто слышалъ таковыя варварства, безъ слезъ быть не можетъ» ³⁾.

10 января 1775 года совершена казнь надъ Пугачовымъ и его сообщниками. Въ приведенномъ нами

---

¹⁾ Антингъ говоритъ: «Martemianow eût un jour une altercation avec Pugatschew» (Les campagnes du comte de Souvoroff, I, p. 168.

²⁾ Les campagnes etc. I, p. 167 — 169.

³⁾ «Продолженіе времени 1774—1777 г.» (Рукопись Румянц. музея. По описанію Востокова № 26).

выше сочиненіи «Zuverlässige Nachricht etc.» помѣщено подробное описаніе какъ самаго эшафота, такъ и порядка казни. Пугачовъ ѣхалъ къ мѣсту казни на позорной колесницѣ, прикованный къ столбу и въ рукѣ держалъ зажженную свѣчу¹⁾.

Нѣкоторымъ изъ сообщниковъ Пугачова смягчено было наказаніе. Въ числѣ такихъ былъ поручикъ Шванвичъ. Отецъ этого Шванвича занималъ довольно высокій постъ въ государственной службѣ. Онъ былъ комендантомъ Кронштадта. Сынъ его находился въ свитѣ Пугачова и, какъ образованный человѣкъ, занималъ должность секретаря: онъ сочинялъ для самозванца, въ случаѣ надобности, указы и манифесты на нѣмецкомъ языкѣ и подписывался за него подъ указами. Приговоръ надъ нимъ былъ смягченъ стараніями Орловыхъ²⁾.

На другой день казни, девяти сообщникамъ Пугачова, предавшимъ его или оставившимъ его раньше, прочтено было передъ Краснымъ крыльцемъ прощеніе, въ которомъ исчислены ихъ вины и ожидавшее ихъ наказаніе. «Нарушенное силою и пособіемъ вашимъ законнымъ властямъ повиновеніе (говорилось между прочимъ въ этомъ объявленіи) требовало казни преступниковъ. Обманомъ вашимъ приведенные въ пагубу несчастные поселяне, страдая за васъ, свидѣтельство-

---

¹⁾ Zuverlässige Nachricht etc. 16 — 18.

²⁾ О поврежденіи нравовъ въ Россіи, Князя Щербатова. Лондонъ, 1858, стр. 80 — 81. «А и Ѳ. Г. Орловы, говорятъ Щербатовъ, славились своею силою. Въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ кичился (казался?) сильнѣе ихъ: это былъ Шванвичъ» (отецъ).

вали о вашихъ злодѣянїяхъ. Разоренные и злобою вашею воспламенному огню преданные селенїя, города и святыя храмы угрожали васъ найжесточайшимъ наказанїемъ: и среди сихъ ужасныхъ развалинъ и опустошенїя, кровь неповинныхъ, коею въ варварствѣ своемъ вы обагрялись, возопила на небо и молила отмщенїя. Могло ли послѣ сихъ неистовствъ раскаянїе ваше принято быть въ уваженїе, да еще и въ такое время, когда все ваше злодѣйское скопище съ вознесеннымъ вами идоломъ — вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками было стѣснено, разбито и, яко прахъ, разсѣяно?.... Но (прибавляетъ послѣ сентенція) все-милостивѣйшая государыня прощаетъ васъ.... Вы освобождаетесь не только отъ смертной казни, но и отъ всякаго наказанїя. Да снимутся съ васъ оковы!» и т. д. ¹⁾).

XIII.

Вообще оцѣнка этого тяжелаго періода русской исторїи была бы неполна, еслибъ мы не указали на заслуги лицъ, которымъ Россїя обязана главнымъ образомъ возстановленїемъ спокойствїя, когда оно въ особенности было необходимо. Замѣчательно, что спасители Россїи вышли изъ среды рядовыхъ тружениковъ, которые бывають незамѣтны въ обыкновенное время, потому что скромны, но которыхъ энергїя, умъ и находчивость проявляются именно въ то время, когда

---

¹⁾ «Московскїя вѣдомости» 1775 г. № 4 (прибавленїе).

всѣ другіе дѣятели теряютъ голову. Военная коллегія, это высшее правительственное мѣсто, въ которомъ заседали первые чины имперіи, въ рѣшительныя минуты медлила, терялась и слишкомъ плохо понимала значеніе возбужденнаго Пугачовымъ движенія. Сенатъ дѣлалъ несообразныя распоряженія. Всѣ губернаторы мѣстностей, съ которыми мятежъ имѣлъ близкую связь, Рейнсдорпъ, фонъ-Брантъ, Шетневъ и даже Кречетниковъ оказались плохими администраторами. Главнокомандующіе дѣйствующими войсками нисколько не оправдали великихъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ страною. Каръ, не потрудился даже узнать силъ и расположенія непріятеля. Щербатовъ дѣйствовалъ нерѣшительно. Панинъ медлилъ въ самыя горячія минуты. Ни одинъ генералъ не выдался хоть бы какимъ-либо крупнымъ дѣломъ, а Декалонгъ даже положительно повредилъ дѣлу своею недѣятельностію ¹⁾. Одинъ Бибииковъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. До чего популярность его возрасла въ самое короткое время, видно изъ того, что тотчасъ послѣ его смерти въ обществѣ уже пѣли сочиненную въ честь этого генерала пѣсню:

Братъ Бибииковъ! твой плодъ
Увяль въ срединѣ лѣта,
И славный твой восходъ
Лишенъ въ полудни свѣта.

---

¹⁾ Бибииковъ въ письмѣ къ князю Волконскому прямо упрекаетъ Декалонга въ томъ, что этотъ генералъ далъ возможность Пугачову успѣться («Продолженіе времени 1774 — 1777 г.» Рукоп. Румянц. муз., выше упомянутый нами дневникъ Васильева). Помѣщенное въ этомъ дневникѣ письмо писано Бибииковымъ изъ Бугульмы, 26 марта, послѣ битвы подъ Татищевской крѣпостію.

Куда простеръ свой взоръ,
Злодѣи не дерзали,
Днесъ паки изъ-за горъ
Возникнуть предпріали ¹⁾.

---

¹⁾ Эта пѣсня внесена въ дневникъ Васильева вскорѣ послѣ смерти Бибикова, съ замѣчаніемъ: «получена пѣсня въ честь генералу Бибикову, *пѣваемая между обществомъ*, слѣдующая:

1.

Да радость умолчить,
Съ слезами вспомнимъ друга,
Котораго гремитъ
Къ отечеству заслуга,
И коего, на насъ
Злясь, рокъ похитилъ гнѣвный:
Мы радостный свой гласъ
Премѣнимъ въ гласъ плачевный.

2.

Братъ Бибиковъ! и т. д.

3.

Лютѣйшу смерть въ степяхъ
Знать зависть умолила,
Дабы въ прекрасныхъ дняхъ
Животъ твой прекратила:
Чтобъ на пути ты палъ
И чтобъ тогда скончался,
Когда ужъ достигалъ
И къ славѣ ты касался.

4.

Съ простымъ ты былъ простой,
Ты мудръ былъ съ мудрецами,
Съ героями герой,
Другъ вѣрной со друзьями.
Пусть скроетъ въ гробъ твой прахъ
Отъ свѣта край далекій,
Но въ дружескихъ сердцахъ
Не умрешь ты во вѣки. («Прод. врем. 1774—1777 г.»)

Но если кромѣ Бибикова ни одна личность въ это время не выдавалась изъ ряда дюжинныхъ дѣятелей, то тѣмъ рельефнѣе встаютъ передъ нами простые офицеры, заслужившіе себѣ историческую славу. Между ними, конечно, первое мѣсто занимаетъ полковникъ Михельсонъ, которому, впрочемъ, отдана должная дань уваженія всѣми историками. Но другая личность какъ-то осталась въ туманѣ, забытая всѣми, можетъ быть по тому, что энергіи этого человѣка не предоставлено было болѣе широкаго поля дѣятельности. Мы говоримъ о полковникѣ Цыплетевѣ. Его заслуги не оцѣнены. О немъ никто не знаетъ, можетъ быть оттого, что онъ какъ-то обойденъ былъ въ свое время. Правда, ему дали чинъ генерала; но дѣла по его способностямъ не дали. Мы уже не разъ говорили о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ встрѣчѣ съ Пугачовымъ, когда онъ несся отъ Казани въ нижнее поволжье. Это было въ іюлѣ и августѣ 1774 года. Но еще въ 1773 году, въ концѣ октября, едва только Пугачовъ началъ усиливаться, и когда всѣ мѣстныя власти довольно апатически относились къ наступающей грозѣ, Цыплетевъ понялъ, что народными движеніями шутить нельзя, и тотчасъ же принялъ энергическія мѣры. 1-го же ноября онъ распорядился такимъ образомъ: 1) находившейся въ Царицынѣ легкой полевой командѣ быть въ полной готовности, и командиръ ея Дицъ исполнилъ это приказаніе; 2) привести въ порядокъ всю военную царицынскую линію, снабдивъ форпосты казаками и пушками; 3) всѣмъ казакамъ волжскаго войска, отставнымъ, малолѣткамъ и выросткамъ сдви-

нуться отъ хуторовъ къ Волгѣ и быть въ готовности встрѣтить непріятеля, кто бы это ни былъ — Пугачовъ, или киргизъ-кайсаки; 4) царицынскому гарнизону быть въ готовности выступить, если нужно въ походъ и на прикрытіе крѣпостей, но въ то же время наблюдать, чтобы не взбунтовались плѣнные турки, которыхъ было въ Царицынѣ болѣе 900 человекъ; 5) вооружить мѣстныхъ обывателей — бобылей, малоросіянъ, поляковъ, купцевъ; 6) артиллерію приготовить къ дѣлу, поставить на лафеты и снабдить боевыми припасами; 7) съ Дону вытребовать на царицынскую линію до 500 казаковъ, изъ Дербетевыхъ Улусовъ взять до 2,000 калмыковъ, да изъ Астрахани просить подкрѣпленія; 8) въ волжскомъ войскѣ, вдоль войсковыхъ земель отъ Антиповской станицы вплоть до Ахтубинскаго городка, за Волгой, по берегу этой рѣки устроить форпосты противъ каждаго жилья и ежедневно дѣлать разъѣзды такъ, чтобы сторожевые казаки утромъ съѣзжались на полупути, размѣнивались вѣстями и вновь расходились на рекогносцировки, изслѣдуя тщательно «шляхи» т. е. слѣды въ степи къ Волгѣ и на нагорной сторонѣ, такіе же слѣды отъ Волги къ жилищамъ; 9) противъ самого Царицына, за Волгой, устроить особый форпостъ (главный), съ офицеромъ, унтеръ-офицеромъ, солдатами и казаками, съ пушкою и канонирами; этимъ форпостнымъ, верстахъ въ 10-ти отъ Ахтубинскаго-городка, въ степи, съѣзжаться съ форпостными волжскаго войска и мѣняться вѣстями, а потомъ слѣдовать на низъ и вновь возвращаться, непрестанно наблюдая за степью; 10) при форпостахъ

на Волгѣ, имѣть готовыя лодки и передавать вѣсти отъ форпоста къ форпосту и на противоположную сторону Волги; 11) офицеру главнаго форпоста разъ въ недѣлю осматривать всѣ форпосты; 12) противъ Царицына, за Волгой и по сю сторону Волги, на песчаныхъ косахъ, имѣть двѣ косныя лодки съ 8 гребцами; сторожевые должны окликать каждое проходящее по Волгѣ судно и ночью стрѣлять въ подозрительныя суда; 13) ниже Царицына устроить форпосты по нагорной сторонѣ, потому что по луговой это неудобно по множеству «ериковъ» (впадающихъ въ Волгу глубокихъ овраговъ); 14) всѣмъ рыбакамъ велѣно быть на нагорной сторонѣ съ своими лодками, а на луговой находиться лишь форпостнымъ лодкамъ; судамъ велѣно приставать опять-таки только къ нагорной сторонѣ ¹⁾).

За этими распоряженіями, мимо Царицына не могло ничто прокрасться, не бывъ не замѣченнымъ.

Наконецъ, оборона Цыплетевымъ Царицына и первая испытанная здѣсь Пугачовымъ неудача лишила послѣдняго на нѣсколько дней энергіи. Тутъ и подошлъ Михельсонъ съ своимъ окончательнымъ, рѣшительнымъ ударомъ.

«Присутствіе духа, неусыпная бдительность, дѣятельность и мужество сопровождали этаго страшнаго (fürchterlichen) человѣка во всѣхъ его предпріятіяхъ.» Такъ говоритъ о Михельсонѣ его современникъ и очевидецъ описываемыхъ нами событій, иностранецъ, из-

---

¹⁾ О Пугачовѣ (главное царц. дѣло), л. 511 — 513.

давшій свои записки въ Германіи ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ этотъ писатель въ такихъ словахъ выражается о Михельсонѣ: «Гордое нѣмецкимъ именемъ нашего спасителя сердце мое излилось въ благословеніяхъ на его особу, и, пока я живу, я не могу слышать имени Михельсона безъ глубочайшаго благоговѣнія и величайшаго уваженія» ²⁾.

Не лишены также интереса отзывы этого наблюдательнаго иностранца какъ о главныхъ мотивахъ, вызвавшихъ пугачовщину, такъ и о томъ, почему въ Россіи такъ легко могла встать и до такой страшной катастрофы дойти эта смута. Онъ говоритъ, что во многомъ тутъ виноваты помѣщики и ихъ безчеловѣчныя отношенія къ крестьянамъ: «дворяне, по его словамъ, служили только для угнетенія своихъ ближнихъ, и потому, если они обращались съ своими крестьянами наравнѣ со скотомъ, то они и не заслуживали ни малѣйшей пощады» ³⁾. Что же касается тогдашняго состоянія Россіи, представлявшей всѣ данныя къ безурядицамъ, то относительно этого предмета онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «При существованіи значительнаго числа мелкихъ гарнизоновъ, которые содержатся правительствомъ въ большихъ и малыхъ крѣпостяхъ, нѣтъ ничего легче, какъ уничтожить эти крѣпости одну за другою, едва лишь вспыхнетъ возмущеніе, потому что крѣпости не могутъ подать одна другой никакой помощи, не подвергая величайшей

---

¹⁾ Bemerkungen, 219—220.

²⁾ Тамъ же 205.

³⁾ Тамъ же 233.

опасности населёніе мѣстностей, лишенныхъ гарнизона. Открытые города представляютъ еще большія опасности, и, не смотря на это, въ нихъ господствуетъ непростительная безпечность, въ отношеніи общественнаго спокойствія и безопасности. Воеводы и другія высшія начальственные лица могли бы, еслибъ только позаботились объ этомъ, получать вѣсти изъ кабаковъ и народныхъ сходбищъ о возмутительныхъ рѣчахъ и тайныхъ совѣщаніяхъ черезъ вѣрныхъ и преданныхъ людей; но они положительно не заботятся объ этомъ. Оттого есть много деревень, въ которыхъ проживаетъ всякая вредная сволочь, воры и разбойники, и при всемъ томъ воеводы, которые могли бы очень хорошо слѣдить за намѣреніями и дѣйствіями этихъ нарушителей спокойствія, нисколько не принимаютъ на себя труда останавливать ихъ безчинства или нечаянными и частыми поисками предупреждать ихъ.» — «Богатый дворянинъ (говоритъ онъ дальше) мало горюетъ о томъ, что во время своего одинокаго путешествія онъ можетъ подвергнуться опасности отъ разбойниковъ, потому что для его особы они нисколько не страшны: онъ никогда не путешествуетъ иначе, какъ окруженный огромнымъ числомъ провожатыхъ ¹⁾; а если этого нѣтъ, то все же разбойники очень боятся нападать на такихъ

---

¹⁾ Что иностранецъ говоритъ правду, т. е. что въ прошломъ еще вѣкъ русскіе большіе господа и даже средней руки помѣщики ѣздили по Россіи не такъ, какъ мы теперь ѣздимъ, а съ большою свитою и съ вооруженными конвоями, то это подтверждаютъ архивныя дѣла того времени. См. статьи: «Атаманъ Ивановъ и есауль Юдинъ»; «Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ»; «Заметаевъ» и др.

проѣзжихъ, за которыхъ они могутъ понести большую отвѣтственность, или которые имѣютъ столько вліянія на начальство, что могутъ потребовать самаго строгатаго слѣдствія надъ виновными» ¹⁾).

Таковы отзывы иностранцевъ о состояніи Россіи того времени. Русская литература конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія указывала на то же въ своихъ «письмахъ», «путевыхъ замѣткахъ», разсказахъ, аллегоріяхъ, басняхъ, разсѣянныхъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ, въ годы, предшествовавшіе пугачовщинѣ ²⁾).

XIV.

Долго не могъ оправиться русскій народъ послѣ этого кроваваго пира. Оргія была слишкомъ бѣшеная, опьяненіе полное, и за то тяжело было пробуждаться послѣ этой оргіи. Отуманенному воображенію долго томившагося въ тяжелой долѣ народа казалось, что счастье было «такъ близко, такъ возможно». За эту пору дикой оргіи у него вылилось все, что цѣлыми столѣтіями накопило на сердцѣ, и когда тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли, опомнились и увидѣли свою ошибку, положеніе ихъ стало еще невыносимѣе.

Ужасную картину представляла Россія не только

---

¹⁾ Bemerkungen, 240 — 250.

²⁾ На эту сторону тогдашней журналистики мы указывали нѣкогда особо въ статьѣ: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности.» 1769 — 1775 г. (Русское Слово, 1860 г.).

въ то время, когда въ Москвѣ еще шелъ сложный процессъ по этому дѣлу, но и тогда, когда отъ сожженнаго трупа этого страшнаго человѣка, который заставлялъ содрогаться весь государственный организмъ огромной монархіи, осталась только горсть земли ¹⁾ и когда настала пора залечить нанесенныя имъ всему государству раны. Остроги, а гдѣ не доставало остроговъ — землянки, сараи и амбары долго переполнены были народомъ, ждавшимъ тяжелаго наказанія за свои ошибки. Долго еще читали связаннымъ колодникамъ: «по учиненіи вамъ жесточайшаго плетьми наказанія и утвержденіи цѣлованіемъ креста и евангелія въ возвращеніи себя въ должную вѣрность и въ безмолвленное законной государынѣ повиновеніе и въ послушаніе учрежденнымъ отъ ея величества начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, имѣете вы возвратиться въ дома свои.» Долго еще чинилось это «жесточайшее» наказаніе, и долго еще по всѣмъ дорогамъ попадались своры злосчастныхъ арестантовъ, навязанныхъ на длинные канаты и съ трудомъ влекущихъ на себѣ «ручныя и ножныя колодки». Если кто-либо изъ этихъ колодниковъ оказывалъ «хотя малое беззаконіе», то такого, «яко недостойнаго уже совсѣмъ жить, колоди». Крестьянъ у помѣщиковъ осталось на половину: большая часть пропала безъ вѣсти, перебита, перемерла, много пошло въ рудники. Въ каждой семьѣ не доставало кого-нибудь. Поля остались

---

¹⁾ «Пугачова трупъ и прочихъ на Болотѣ и съ ешафотомъ сожгли» («Продолж. врем. 1774 — 1777 г.»).

не вспаханними, не засѣянными. Подати не заплачены. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени, во всѣхъ мелочахъ, сама собой рисуется страшная картина того положенія, въ какомъ очутилась Россія, въ особенности же мѣстности непосредственно, пострадавшія отъ мятежа ¹⁾.

Вотъ нѣкоторыя черты, дающія понятіе объ этой картинѣ.

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ казни Пугачова, а всѣ дороги, пролегающія по мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ мятежа, все еще оставались не безопасными отъ множества бродившихъ по разнымъ направленіямъ шаякъ (говорить очевидецъ). Но вслѣдъ затѣмъ другой бичъ посѣтилъ страну и распугнулъ эти шайки одну за другою. Всеобщій неурожай, охватившій страну болѣе чѣмъ на сто нѣмецкихъ миль въ окружности, вызвалъ страшный голодъ между крестьянами. Проселочныя дороги были покрыты несчастными, которыхъ медленная походка и обезображенные голодомъ лица не могли не возбуждать живѣйшаго состраданія. Но, при всеобщей нуждѣ, состраданіе это могло быть только пассивнымъ и не могло явиться на столько дѣйствительнымъ, на сколько требовало этого бѣдственное положеніе несчастнаго народа. Тѣ изъ помѣщиковъ, которые, какъ хорошіе хозяева, наполнили свои амбары хлѣбомъ на случай нужды, должны были по-

---

¹⁾ Мы не заимствуемъ этихъ подробностей изъ архивныхъ дѣлъ провинціальныхъ городовъ поволжья, потому что это составило бы матеріаль для весьма объемистой книги. Мы коснулись этого предмета только въ общихъ чертахъ.

могать своимъ собственнымъ крестьянамъ и могли подать очень скудную помощь тѣмъ, которые отъ голода скитались по ихъ землямъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ валялись мертвыми по большимъ дорогамъ, въ то время, когда ихъ безчеловѣчные помѣщики въ роскоши и полной нѣгѣ проживали по губернскимъ городамъ и въ столицѣ и, предаваясь азартнымъ играмъ ¹⁾, проигрывали такія суммы, десятой доли которыхъ достаточно было для того, чтобы спасти отъ ужасовъ голодной смерти множество семействъ. Многіе помѣщики были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ.»

«Куда ни посмотришь, говоритъ очевидецъ, вездѣ видишь одно только бѣдствіе. Саровская пустынь, монастырь, который своими запасами и собранными отъ dobroхотныхъ жителей суммами въ состояніи былъ помогать нуждающимся, стала для цѣлой страны главнымъ убѣжищемъ всѣмъ голоднымъ, которые издалека стекались туда. Пять сотъ голодныхъ въ продолженіе трехъ дней были снабжаемы въ этомъ монастырѣ обѣдомъ, чтобы послѣ того уступить мѣсто другимъ пятистамъ голоднымъ» и т. д.

---

¹⁾ Что иностранецъ правъ, указывая на развитіе въ тогдашнемъ обществѣ азартныхъ игръ, то подтвержденіе этому можно видѣть въ именномъ указѣ императрицы объ азартныхъ играхъ, который мы цитировали выше при обзорѣніи общаго состоянія Россіи.

Вникнувъ во всѣ подробности эпохи Пугачова, какъ то открываютъ намъ главнымъ образомъ архивныя дѣла того времени, мы положительно можемъ сказать, что тѣ поступаютъ ошибочно, которые стараются найти разгадку этого явленія въ проискахъ какой-либо недовольной партіи, а еще менѣе въ придворной интригѣ. Европа также не принимала участія въ этомъ дѣлѣ. Что и недовольная партія, и придворныя «враги», какъ называетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ «персональных оскорбителей» императрица, и раскольники, и даже наши западные политическіе недоброжелатели могли воспользоваться смутой для своихъ цѣлей, чтобъ запутать и запугать императрицу, все это возможно и это такъ и было. Но самое явленіе вызвано было болѣе важными причинами. Начала его надо искать глубже, а именно, въ политическихъ ошибкахъ предковъ, за которыя исторія наказывала потомство, передавая какъ бы по наслѣдству подобныя долги отцевъ на отвѣтственность дѣтей.

Пугачовъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевской крѣпости.

(Преимущественно на основаніи показаній самого Пугачова.)

I.

Въ войскѣ донскомъ, въ Зимовейской станицѣ жилъ служилый казакъ Иванъ Михайловъ Пугачовъ. У него было два сына, Никита и Емельянъ, и двѣ дочери. До семнадцатилѣтняго возраста Емельянъ жилъ при отцѣ, какъ и прочіе казачьи малолѣтки, на свободѣ и въ праздности, и на восемнадцатомъ году записанъ былъ въ казаки, на мѣсто отца, который вышелъ въ отставку. Черезъ годъ Емельянъ женился, и не прошло недѣли, какъ его нарядили въ прусскій походъ вмѣстѣ съ прочими донскими казаками, а начальникомъ отряда назначенъ полковникъ Илья Денисовъ. Молодой Пугачовъ обратилъ на себя вниманіе полковника своею «отличною проворностью», и тотъ взялъ его къ себѣ въ ординарцы. По выступленіи съ Дона казаки провели первую зиму въ Познани, потомъ, оставивъ зимнія

квартиры, однажды въ ночное время были настигнуты отрядомъ прусскаго войска. Когда въ войскѣ сдѣлалась тревога, Пугачовъ, у котораго подъ присмотромъ находились лошади Денисова, въ торопяхъ, одну упустилъ; за оплошность Денисовъ наказалъ его «нещадно плетью», что долго помнилъ молодой ординарецъ.

Вскорѣ къ войску пришло извѣстіе, что императрица Елизавета Петровна скончалась, и на престолъ вступилъ Петръ III. Съ прусскимъ королемъ заключено было перемиріе, и русскія войска пошли противъ своихъ прежнихъ союзниковъ; но воевали не долго: корпусъ гр. Чернышева былъ отосланъ въ Россію. Едва наши войска успѣли перейти Одеръ, какъ получили извѣстіе, что на престолъ вступила императрица Екатерина Алексѣевна. Войска присягнули ей въ вѣрности. Присягалъ и Пугачовъ, которому было тогда 20 лѣтъ.

— «О названіи себя государемъ мнѣ тогда и въ голову еще не приходило», говорилъ онъ о себѣ впоследствии.

Воротившись изъ походу домой, Пугачовъ прожилъ въ своей станицѣ четыре года. Но скорѣ онъ опять былъ командированъ въ Польшу съ другими казаками подъ начальство генерала Кречетникова. Служба ихъ состояла въ томъ, что они выгоняли изъ Польши русскихъ бѣглыхъ, которые огромными партіями шатались за границей. Съ одной партіей такихъ бродягъ Кречетниковъ отправилъ казаковъ въ Черниговъ, откуда Пугачовъ воротился въ свою станицу. Но и теперь онъ недолго пробылъ дома. Черезъ полтора года

изъ войска донскаго наряжено было четыре полка въ турецкій походъ, подъ предводительствомъ атамана Грекова. Пугачовъ поступилъ въ полкъ храбраго Кутейникова и произведенъ въ *хорунжіе*. Находясь въ походѣ, Пугачовъ не разъ имѣлъ случай проявить свои честолюбивыя наклонности: его давно мучила жажда славы, подвиговъ и отличій передъ товарищами; но рядовая служба безвѣстнаго хорунжаго, бѣднаго, безграмотнаго, выросшаго въ полудикой станицѣ, не могла выдвинуть его впередъ. Въ пьяномъ видѣ, онъ хвастался передъ казаками своей саблей, и на вопросъ одного изъ нихъ: откуда онъ взялъ ее? Пугачовъ отвѣчалъ, что сабля пожалована ему государемъ Петромъ I, что онъ крестникъ этого государя. Впослѣдствіи, онъ самъ заклинался, что выдумалъ это безъ цѣли, по одному самолюбивому побужденію — стать извѣстнымъ между товарищами. И онъ достигъ своей цѣли: слухъ о немъ пронесся между казаками, дошелъ до полковника, и о Пугачовѣ говорили, хоть нѣкоторые знали, что это хвастовство. — Время доказало, что эта личность выходила изъ ряда обыкновенныхъ.... По взятіи Бендеръ главнокомандующій русскими войсками графъ Петръ Ивановичъ Панинъ отпустилъ Пугачова, за болѣзнію домой на мѣсяцъ и съ нимъ сто казаковъ.

— Что-жъ! (говорилъ послѣ Пугачовъ) Когда я, будучи въ арміи, назывался государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило назваться мнѣ самимъ государемъ...

Отпускъ былъ такъ непродолжителенъ, что Пуга-

човъ не имѣлъ времени поправиться; но не смотря на то, что болѣзнь нисколько не уменьшилась, молодой хорунжій собралъ свой отрядъ и повелъ къ арміи. Миновавъ Донецъ, онъ почувствовалъ, что не въ силахъ дальше ѣхать. Въмѣсто себя онъ нанялъ другаго казака, а самъ воротился домой и занемогъ опасно: на рукахъ и ногахъ открылись у него огромныя раны, и не было никакой надежды къ скорому выздоровленію. «Станичные командиры», видя такое положеніе Пугачова, совѣтовали ему взять станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда и ѣхать въ Черкасскъ лечиться.

Въ это время Пугачовъ совершилъ первое гражданское преступленіе, и оно было началомъ всей его послѣдующей, ужасной дѣятельности: онъ способствовалъ побѣгу одного изъ своихъ родственниковъ, казака Павлова, которому тяжкими казались условія тогдашней казацкой жизни.

Донское начальство узнало, кто способствовалъ этому побѣгу.

Пугачовъ видѣлъ бѣду; онъ хорошо былъ увѣренъ, что за такія поступки на Дону не прощаютъ—и самъ бѣжалъ.... Это было первое бѣгство Пугачова... Онъ бѣжалъ, не сказавъ о томъ никому, не простившись ни съ женой и дѣтьми, ни съ старухой матерью; двѣ недѣли онъ жилъ въ степи; бродилъ по лѣсу и по берегамъ рѣчекъ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ, бродилъ безъ цѣли, какъ бродили тогда цѣлыя сотни тысячъ людей недовольныхъ, виновныхъ и невинныхъ,—и эта скучная жизнь бѣглаго надоѣла ему, потому что суж-

дена была ему иная доля. Онъ самъ пришелъ домой, гдѣ его взяли подъ караулъ и отослали въ Чирскую станицу, въ розыскную команду. На допросѣ онъ признался во всемъ, закованъ въ колоду и посланъ по станицамъ въ Черкасскъ за безопаснымъ конвоемъ. Когда его привезли въ Цымлянскую станицу, пріятель его, казакъ Худяковъ, съ которымъ они водили хлѣбъ-соль, просилъ станичнаго атамана отдать ему Пугачова на поруки, для доставленія въ Черкасскъ. Атаманъ согласился. Тогда Худяковъ снялъ съ него колоду и отправилъ въ Черкасскъ съ своимъ сыномъ, «малолѣткомъ», которому не было и двадцати лѣтъ. При прощаньи, отецъ сказалъ сыну на ухо, чтобъ тотъ отпустилъ Пугачова съ дороги. Сынъ такъ и сдѣлалъ: когда они выѣхали въ степь, Пугачовъ простился съ молодымъ Худяковымъ и пошелъ, куда глаза глядятъ, потому что ему уже нельзя было воротиться на родину. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ въ Малороссію, въ Изюмскій полкъ, и въ слободѣ Кабаньей явился къ одному мужику, по фамиліи Коровка, которому признался, что онъ бѣглый донской казакъ и не знаетъ, куда ему дѣваться. Коровка научилъ его, какъ спастись отъ смерти, и совѣтъ этотъ проложилъ Пугачову дорогу къ той жизни, какая ожидала его. Онъ совѣтовалъ пробраться въ Польшу, а оттуда явиться уже въ качествѣ польскаго выходца-раскольника, что дозволено было послѣдними распоряженіями правительства.

Пугачовъ принялъ этотъ совѣтъ. Здѣсь только онъ узналъ, что есть возможность обмануть всѣхъ, спасти свою голову и цѣлый вѣкъ прожить безопасно. Ко-

ровка далъ ему въ проводники сына, и они поѣхали въ стародубскій монастырь, населенный раскольниками и всякимъ сбродомъ: это былъ притонъ всего, что бѣжало изъ-подъ плетей и висѣлицы, отъ произвола помѣщиковъ и подъячихъ. Пугачовъ прожилъ въ монастырѣ пятнадцать недѣль у какого-то раскольническаго старца Вавилы и опять услышалъ тотъ же совѣтъ, какой далъ Пугачову Кровка.

Тогда Пугачовъ и сынъ Кровки отправились въ Польшу проѣхали между русскими форпостами и явились въ знаменитой столицѣ польскихъ раскольниковъ, въ слободѣ Веткѣ, которая населена была людьми всякаго сорта. Но больше трехъ дней Пугачовъ не хотѣлъ оставаться въ Веткѣ и воротился въ Россію, потому что онъ могъ теперь назваться польскимъ выходцемъ. Правда, желаніе его было пробраться въ Бендеры; но съ тѣмъ фальшивымъ паспортомъ, какой написалъ ему сынъ Кровки, этого нельзя было сдѣлать: тамъ предъявлялись печатные паспорта. Находясь въ Польшѣ, Пугачовъ нанимался въ косцы и зарабатывалъ небольшое количество денегъ, съ которыми и могъ выйти въ Россію. Пугачовъ явился на добрянскій форпостъ и сказался польскимъ выходцемъ, утаивъ настоящее свое званіе. Оставаясь въ продолженіе шести недѣль въ карантинѣ, онъ для прокормленія себя нанимался въ работники, и здѣсь впервые посѣтила его мысль — назваться именемъ покойнаго государя. Странная мысль родилась не въ немъ самомъ, а пришла отъ другихъ. Съ нимъ былъ одинъ бѣглый солдатъ, который нашелъ въ Пугачовѣ

сходство съ государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Это узналъ добрянскій купецъ Кожевниковъ и, «лаская его разными образами», старался вывѣдать отъ него тайну его происхожденія. Пугачовъ не утаилъ предъ нимъ ничего. Тогда Кожевниковъ говоритъ Пугачову:

— Слушай мой другъ! Если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Ѳеодоровича... Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены: объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Сей солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно государь, и онъ тебя знаетъ, а простой народъ сему повѣритъ. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по 12-ти рублей на человѣка; деньги же если будетъ нужда, я вамъ дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобы вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собою: ибо намъ здѣсь жить старовѣрамъ стало трудно, и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное.

Пугачовъ обрадовался этой смѣлой мысли; но онъ не зналъ, какъ привести ее въ исполненіе. Заговорщики призвали на совѣтъ добрянскаго кузнеца Крылова и начали разсуждать о приведеніи мысли въ дѣло. На совѣтѣ положили, чтобъ Пугачову ѣхать на Иргизъ, въ Мечетную слободу, къ игумену Филарету. Кожевниковъ и Крыловъ говорили, что Филаретъ приметъ его, дастъ помощь и совѣты, какъ человѣкъ лучше всѣхъ понимающій положеніе дѣлъ яицкаго войска; они

положительно увѣряли, что за Пугачовымъ пойдутъ всѣ раскольники. Самозванецъ и мнимый гвардеецъ, получивъ паспорта, немедленно отправились въ путь и на дорогѣ заѣзжали къ Коровѣ и получили отъ него 370 рублей на вспомошествованіе общему дѣлу, потомъ къ извѣстному луганскому казаку Кузнецову, который нѣкогда совѣтывалъ Пугачову возмутить яицкихъ казаковъ и бѣжать за Кубань.

Кузнецовъ спрашивалъ ихъ, куда они намѣрены пробраться, и Пугачовъ сказалъ, что идутъ на Иргизъ.

— Нынѣ и на Иргизѣ стало великое гоненіе старо-вѣрамъ, такъ не лучше ли пробраться въ другое мѣсто? замѣтилъ Кузнецовъ.

Пугачовъ признался, что онъ думалъ прежде вмѣстѣ съ зятемъ бѣжать за Кубань; но Кузнецовъ возразилъ, что эта мысль несбыточная.

— Какъ можно бѣжать въ такой далекой путь малому числу? Слышно здѣсь, что яицкое войско давно бунтуетъ, такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ.

— Какимъ способомъ и путемъ пробраться на Яикъ? спросилъ Пугачовъ.

Кузнецовъ присовѣтовалъ то же, что совѣтывали ему Кожевниковъ и Крыловъ, — идти къ Филарету; говорилъ, что раскольники не пожалѣютъ ничего, дадутъ денегъ, сколько угодно, и всѣ за него станутъ; что въ этомъ дѣлѣ приметъ дѣятельное участіе донской казакъ Вершиловъ, «почтенный человѣкъ между раскольниковъ» и имѣющій огромныя денежныя средства. При этомъ онъ самъ вручилъ ему 74 рубля да казакъ Долотинъ далъ 42.

Такъ они доѣхали до Малыковки (нынѣ Вольскъ, уѣздный городъ Саратовской губерніи) и явились къ управителю, который приказалъ имъ обождать нѣсколько дней, а между тѣмъ намѣренъ былъ отправить въ симбирскую правительственную канцелярію для записки ихъ новопоселенцами на Иргизъ. Въ это время происходилъ рекрутскій наборъ и мнимый гвардеецъ, спутникъ Пугачова, пошелъ въ солдаты наемщикомъ за одного малыковского крестьянина, и съ той поры имъ не довелось уже встрѣтиться. Пугачовъ, съ позволенія малыковского управителя, не бывъ въ Симбирскѣ, поѣхалъ на Иргизъ въ филаретовскій монастырь, къ настоятелю Филарету, о которомъ говорили ему въ Добрянкѣ Кожевниковъ и Крыловъ; онъ пробылъ у настоятеля три дня и потомъ, вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ опять въ Малыковку просить управителя, чтобъ тотъ не отправлялъ его въ Симбирскъ, «ибо, говорилъ Пугачовъ, лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться». Изъ уваженія къ Филарету управитель согласился, и Пугачовъ вновь явился въ иргизскомъ монастырѣ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ недолго и поселился въ Мечетной слободѣ.

Раскольники, слѣдовательно, были первыми руководителями этого обширнаго замысла.

II.

Это было въ ноябрѣ 1772 года. 15 ноября Пугачовъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Филипповымъ, отправился въ Яицкій городъ для покупки рыбы. Повидимому, это

начало того обширнаго заговора, руководителемъ котораго былъ Филаретъ до той поры, пока не были втянуты въ него сотни лицъ и пока смута не взволновала весь сѣверовосточной край Россіи. Въ Яицкѣ Пугачовъ остановился у казака Дениса Пьянова, отъ котораго вывѣдалъ о состояніи яицкаго войска. Однажды, когда они сидѣли за столомъ и къ обѣду не достало хлѣба, хозяинъ замѣтилъ съ горестью:

— Вотъ до чего мы дошли, что уже и хлѣба не достало.

— Отчего? спросилъ Пугачовъ.

— У насъ было въ Яицкомъ городѣ убійство войсковой руки; казаки, въ томъ числѣ и я, хотя не дрался, однако-жъ при той свалкѣ былъ, убили генерала фюръ-Траубенберга и многихъ изъ его команды, также и старшинской, казаковъ и чиновныхъ людей не мало. А какъ дошло сіе убійство до ея величества, то присланъ былъ для усмиренія генералъ Фрейманъ; а какъ онъ шелъ, то войсковые казаки выѣхали было противъ его на сраженіе и не хотѣли впускать въ Яицкій городокъ; однако-жъ, Фрейманъ осилилъ, и войско, кое противъ его выѣзжало, возвратясь въ городокъ, увидя свою бѣду неминуемую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, а многіе разбѣжались, въ томъ числѣ и я шатался по степи и на узеньяхъ былъ въ укрывательствѣ.

— Такъ вы хотѣли, видно, то же самое сдѣлать, какъ намъ Некрасовъ сдѣлалъ измѣну (замѣтитъ Пугачовъ): подговоря многихъ и бѣжалъ за Кубань, на рѣку Лобу. А передъ выходомъ общалъ каждому

казаку по 12 рублей на человека; а какъ вывелъ въ поле, то ни полущки и не далъ.

— Да какъ быть-то! (сказалъ Пьяновъ) — великое гоненіе... Вотъ я и теперь въ бѣгахъ: того и смотри, какъ придутъ и возьмутъ подъ караулъ.

— Да какъ же быть? (снова замѣтилъ Пугачовъ), хотя по поимкѣ тебя и поколотятъ, да можетъ и простятъ; а когда пойдете за границу, такъ и почтутъ васъ измѣнниками, — получите величайшій отъ государыни гнѣвъ....

Но это смиреніе въ словахъ только маскировало его хитрые происки, раздражало недовольныхъ и вызывало на откровенность. Пугачовъ далъ замѣтить Пьянову, что онъ пріѣзжалъ не спроста, многого не высказалъ и на многое намекнулъ. Крестьянинъ Филипповъ, бывший съ Пугачовымъ въ Яицкѣ, привезъ домой много странныхъ слуховъ и, по простотѣ ли сердца, по наущенію ли Пугачова, распустилъ ихъ въ народѣ, который не замедлилъ донести о томъ малыковскому управителю. Тогда велѣно было схватить Пугачова, который былъ уже въ Малыковкѣ и продавалъ рыбу, и посадить подъ караулъ для допроса; но Пугачовъ, приведенный къ допросу, твердо отвѣчалъ, что онъ не подговаривалъ яицкихъ казаковъ къ походу на Лобу для подданства турецкому султану; не сулилъ по 12 рублей на человека; что на границѣ у него нѣтъ двухъ сотъ тысячъ рублей и на семьдесятъ тысячъ товара и что никакой паша съ пятью милліонами не ожидаетъ ихъ за границей. А доносчики именно показывали, что онъ говорилъ такъ, а не иначе. Его

стали немилосердно сѣчь батогами, пытая, не солдатъ ли онъ, не барскій ли человѣкъ, — но Пугачовъ упорно стоялъ на своемъ и говорилъ, что у него съ Пьяновымъ разговоръ касался Некрасова — и только.

Послѣ допроса его отправили въ Симбирскъ съ двумя конвойными: дорогой онъ сталъ упрашивать проводниковъ, чтобъ отпустили его; но тѣ требовали по сту рублей, а Пугачовъ не имѣлъ этой суммы. Въ Симбирскѣ его не приводили къ допросу. Здѣсь онъ опять пробовалъ подкупить чиновниковъ, обѣщая имъ три рубли за освобожденіе; нашелъ подъячаго, который брался уговорить воеводу, ассесора и секретаря; но какъ съ Пугачовымъ этой суммы не было, то онъ ни въ чемъ не успѣлъ и вскорѣ посланъ былъ въ Казань. Скованный въ ручныя и ножныя кандалы, онъ приведенъ былъ въ губернскую канцелярію и спрошенъ: что за человѣкъ? и опять отвѣчалъ, что бѣглый донской казакъ.

Затѣмъ онъ приведенъ былъ въ острогъ. Вмѣстѣ съ другими колодниками Пугачова посылали на работы, преимущественно на арское поле. Въ острогѣ онъ свелъ дружбу съ однимъ арестантомъ, богатымъ купцемъ Парфеномъ Дружининымъ, отъ котораго ничего не скрывалъ и подговаривалъ къ побѣгу; но Дружининъ не зналъ, какъ и куда бѣжать.

Въ острогѣ, въ одномъ караульномъ солдатѣ они замѣтили, по выраженію Пугачова, «малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни» и воспользовались этой слабостью, чтобъ привлечь его на свою сторону. Пугачовъ дѣйствовалъ такъ хитро, что

умѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь, и не было никого, въ комъ бы онъ не находилъ къ себѣ сочувствія. Разъ пропали у него деньги, и товарищи, узнавъ объ этомъ, хотѣли отыскать виновнаго: «я считаю сіе за милостыню... Кто взялъ — Богъ съ нимъ», сказалъ имъ Пугачовъ. Онъ не пилъ вина и часто молился Богу, за что арестанты и солдаты считали его добрымъ человекомъ.

— И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкратѣся людямъ въ любовь, и послѣ какъ назовусь государемъ, чтобы можно было на сію благочестную жизнь ссылаться, — говорилъ послѣ самозванецъ, когда ему довелось передавать людямъ исповѣдь своей жизни.

Многіе въ городѣ узнали объ этихъ прекрасныхъ качествахъ арестанта и охотнѣе всѣхъ давали ему милостыню: «Кто здѣсь Емельянъ Пугачовъ? Вотъ ему рубль», — часто слышали караульные отъ приходившихъ къ острогу, и слава о Пугачовѣ разошлась между арестантами.

Когда былъ обдуманъ планъ побѣга, и они открыли его согласному съ ними караульному солдату, малороссіянину, и тотъ одобрилъ его, Дружининъ увидѣлся съ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, который жилъ въ Казани, далъ ему денегъ и велѣлъ купить лошадь и кибитку. Когда все было готово, Дружининъ приказалъ сыну выѣхать ко двору одного знакомаго ему священника, но такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, и гдѣ-нибудь вблизи дожидаться ихъ; сами же они въ этотъ день намѣрены были отпроситься у дежурнаго офицера за сборомъ милостыни. Офицеръ отпустилъ

арестантовъ съ двумя конвойными солдатами, изъ которыхъ одинъ былъ участникомъ ихъ заговора. Это было въ послѣднихъ числахъ мая 1773 года. Попа они не застали дома и должны были воротиться въ острогъ, «ибо говорили, по небытности попа дома, не съ кѣмъ напиться и напоить до-пьяна другаго солдата, который не былъ къ побѣгу согласенъ; а съ попадьею-де пить не хорошо, да она же и пить не согласится; а безъ хозяина чинить сіе дурно». Но часа черезъ два, въ обѣдъ, они снова получили позволеніе выйти изъ острога и между тѣмъ замѣтили, что маленькій Дружининъ все приготовилъ къ отъѣзду и кибитка была не далеко. Дружининъ послалъ попа въ питейный домъ купить вина и меду, и всѣ, кромѣ Пугачова, начали пить. Принесеннаго попомъ вина оказалось мало, и Дружининъ опять послалъ его въ кабакъ: всего больше они старались спить того солдата, который не зналъ о заговорѣ; впрочемъ, и самъ попъ не вѣдалъ, что они готовятся бѣжать. Послѣ попойки арестанты простились съ попомъ и пошли въ острогъ. На улицѣ встрѣтилъ ихъ маленькій Дружининъ съ своей кибиткой.

— Ямщикъ! что возмешь довести до острога? крикнулъ къ нему отецъ, показывая видъ, что не знаетъ его.

— Много ли васъ? спросилъ мальчикъ.

— Четверо.

Маленькій заговорщикъ запросилъ пять копѣекъ, и арестанты съ конвойными сѣли въ кибитку. Ямщикъ покрылъ ихъ рогожкой, чтобъ не видно было,

куда повезетъ ихъ, и поскакалъ въ противную сторону отъ острога. Пьяному солдату показалось, что они ѣдутъ слишкомъ долго.

— Что такъ долго ѣдемъ? спросилъ онъ.

— Видно, не въ ту дорогу поѣхали, — отвѣчалъ Пучовъ: — и когда уже выѣхали на арское поле, открыли рогожку: солдатъ удивился, что они уже за Казанью.

— Оставайся съ благополучіемъ! сказали ему заговорщики и вытолкнули изъ телѣги.

Пушкинъ въ «Исторіи Пугачовскаго бунта» совершенно иначе рассказываетъ побѣгъ Пугачова изъ Казани. Онъ говоритъ, что преступникъ, «подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ Казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачовъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ ускакали изъ города» ¹⁾. Замѣтно, что Пушкинъ пользовался показаніемъ солдата, выброшеннаго изъ кибитки на арскомъ полѣ, который, чтобы правдоподобнѣе маскировать свою оплошность, сочинилъ небывалую исторію. Мы видѣли, что дѣло было не такъ.

Черезъ три дня пришла въ Казань конфирмація военной коллегіи на рѣшеніе казанскаго суда: «Оному Пугачову, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ

---

¹⁾ Ист. Пуг. бунта, I, 15.

званіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ лицъ казачьихъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетми и послать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу» ¹⁾. Но эта конfirmaція осталась пришитою къ дѣлу, — Пугачова искать уже было поздно...

III.

Цѣлыя сутки скакали бѣглецы, не останавливаясь и не кормя лошади, и пріѣхали въ одну татарскую деревню, гдѣ укрывалась жена Дружинина. Взявъ ее съ собою и прикупивъ еще одну лошадь, они поскакали къ тому городу, гдѣ жилъ Дружининъ и, не доѣзжая съ версту, послали маленькаго Дружинина взять остальныхъ дѣтей; но жители узнали его, хотѣли связать, и мальчикъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Арестанты поѣхали дальше и на другой день остановились уже на берегу рѣки Вятки, на перевозѣ. На вопросъ, куда они ѣдутъ? бѣглецы отвѣчали, что на Кураковскій заводъ и были перевезены черезъ Вятку. Но никто изъ нихъ не зналъ дороги ни на Яикъ, ни на Иргизъ, а между тѣмъ нельзя было не думать, что ихъ ищутъ; что, быть можетъ, погоня уже близко; а спросить о дорогѣ было не у кого и небезопасно.

---

¹⁾ Ист. Пуг. бунта, пр. 28 — 29.

Но вотъ они повстрѣчали на дорогѣ неизвѣстнаго человека; спросили, какъ и гдѣ переѣхать Каму и какая дорога доведетъ на Яикъ? Тотъ указалъ имъ перевозъ и велѣлъ ѣхать на село Сарсасы.

Пугачовъ вспомнилъ, что въ Сарсасахъ у него есть знакомый мужикъ Алексѣй Кандалинцевъ, котораго онъ узналъ въ Казани, и потому прошелъ прямо въ его домъ, между тѣмъ какъ Дружининъ остановился за селомъ.

Отсюда, обманувъ Дружинина, Пугачовъ вмѣстѣ съ Кандалинцевымъ пробрался на Иргизъ; но прежде они пріѣхали на таловскій уметъ, содержателемъ котораго былъ нѣкто Оболяевъ, по прозванію Еремкина Курица. Здѣсь Пугачовъ раздумалъ уже ѣхать на Иргизъ, гдѣ его помнили и могли опять схватить. Передавъ объ этомъ Кандалинцеву, онъ купилъ у него пару лошадей съ телѣгой и остался на уметѣ. Еремкина Курица узналъ Пугачова: они познакомились съ нимъ въ то время, когда Пугачовъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Филипповымъ, въ первый разъ ходилъ мутить яицкое войско, и этотъ же Филипповъ предалъ его.

— Что, Емельянъ, — отпущенъ изъ-подъ караула? спросилъ Курица.

— Нѣтъ: а я бѣжалъ, — и просилъ Курицу позволить ему пожить у него нѣсколько времени.

— Живи: я много добрыхъ людей скрывалъ.

Находясь у Еремкиной Курицы, Пугачовъ проводилъ время въ охотѣ, стрѣлялъ птицъ и ловилъ въ степи звѣрей. Въ одно время пріѣхали на уметъ, также для охоты, нѣсколько яицкихъ казаковъ и во время

обѣда разговорились о печальномъ положеніи яицкаго войска: говорили, что они скрываются отъ городскихъ властей; что по убіеніи генерала фонъ-Траубенберга, на казаковъ наложено взысканіе, на иного 30, 40, а на иныхъ 50 рублей; что казакамъ той суммы заплатить нечѣмъ, — и они разбѣжались.

— А съ женъ нашихъ взять нечего (добавляли они); что хотятъ, то и дѣлаютъ съ ними... А заступиться за насъ некому; а сотниковъ нашихъ, кои было вступились за войско, били жнутомъ и послали въ ссылку. Итакъ, мы въ конецъ разорились и разоряемся. А какъ мы укрываемся и послѣ пойманы будемъ, то и намъ, какъ сотникамъ, какъ видно также пострадать будетъ... И чрезъ это мы погибаемъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ. Да мы и прежде уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть, однако-жъ, отдумали до времени...

Пугачовъ слушалъ и обдумывалъ: въ голову его опять закралась мысль, которая и прежде изрѣдка посѣщала его... Онъ видѣлъ, что настала его пора, и рѣшился объявить недовольному народу, что онъ — императоръ Петръ III, котораго давно поминала Россія.

Пугачовъ былъ не первый, воспользовавшійся вѣрою народа, что не умираетъ императоръ Петръ III, какъ возвѣщено было милостивымъ манифестомъ; что онъ живъ и находится гдѣ-то въ укрывательствѣ; что придетъ пора, когда онъ явится своему народу и поведетъ его къ счастью путемъ мирнымъ, гдѣ нѣтъ ни неправыхъ поборовъ и тяжкихъ податей, ни жестокихъ

помѣщиковъ и судей неправедныхъ. До Пугачова было нѣсколько самозванцевъ, которые всѣ кончили свое дѣло несчастливо. А между тѣмъ ничто не могло разбить страннаго самообольщенія народа, который чаялъ пришествія добраго царя.

Въ то время, когда Пугачовъ, спасаясь отъ смертной казни, ожидавшей его за способствованіе къ побѣгу на Терекъ зятю своему Павлову, бѣжалъ изъ родной станицы и скитался по Украйнѣ и Польшѣ, не зная гдѣ преклонить голову; раньше, чѣмъ Кожевниковъ и Крыловъ подали ему мысль назваться покойнымъ императоромъ, — императоръ уже явился, и смуты выразили сочувствіе народа къ нему. Это былъ самозванецъ Богомолловъ.

Изъ разговора, слышаннаго Пугачовымъ за обѣдомъ отъ яицкихъ казаковъ, а также изъ словъ Дениса Пьянова, горько жаловавшагося ему на бѣдственное положеніе, до какого дошло яицкое войско, наконецъ, по всему видѣнному и слышанному, Пугачовъ могъ заключить, что въ яицкомъ войскѣ непокойно и что сдерживаемыя народныя страсти ищутъ только предлога и опоры, чтобы мстить за оскорбленія; притомъ онъ вспомнилъ слова прежнихъ своихъ знакомыхъ Кузнецова, Кожевникова, Крылова, Коровки и игумена Филарета, и въ немъ заговорила его природная страсть выдвинуться изъ ряда обыкновенныхъ людей, изъ той узкой среды, куда толкнула его несправедливая судьба (такъ онъ думалъ). Ему было тридцать лѣтъ, когда жизненные силы его находились въ полномъ цвѣтѣ, страсти опредѣлительнѣе вырази-

лись какимъ-то смутнымъ желаніемъ чего-то лучшаго, неизвѣданнаго имъ, стремленіемъ къ тому законному хорошему счастью, о которомъ онъ мечталъ еще въ отцовскомъ домѣ: а между тѣмъ онъ все еще оставался безвѣстнымъ казакомъ, бѣглымъ арестантомъ, безвозвратно потерявшимъ и свою семью, и родину, и свой первый офицерскій чинъ, и всю карьеру честнаго человѣка. Жажда славы, подвиговъ и всеобщей извѣстности, съ самаго малолѣтства овладѣвшая его пылкой душой, все еще не была удовлетворена и всего сильнѣе говорила въ немъ.

IV.

Яицкое войско до самаго восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, въ дѣлахъ внутренняго распорядка и суда, обладало драгоцѣннымъ правомъ, къ сожалѣнію рѣдко выпадающимъ на долю не только подвластныхъ странъ, но даже самостоятельныхъ государствъ, — правомъ *самоуправленія*. «Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; *вз куль да воду* — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія», говоритъ Пушкинъ въ своей исторіи, основываясь на современныхъ свидѣтель-

ствахъ. Когда случалось какое-либо общее войсковое дѣло, на колокольнѣ соборной церкви били *сполохъ*, чтобы всѣ казаки шли на сборное мѣсто къ войсковой избѣ, гдѣ ожидалъ ихъ атаманъ. Когда народъ былъ въ сборѣ, атаманъ выходилъ изъ избы съ булавою въ рукѣ; за нимъ шли эсаулы съ жезлами, входили въ войсковый кругъ, клали жезлы и шапки на землю, читали молитву и кланялись сперва атаману, а потомъ на всѣ стороны казакамъ. Послѣ того опять брали жезлы и шапки въ руки, подходили къ атаману, чтобы принять отъ него приказанія, возвращались къ народу и громко привѣтствовали его словами:

— Помолчите, атаманы-молодцы и все великое войско яицкое!

Потомъ, объявивъ дѣло, для котораго собрались, спрашивали:

— Любо-ль, атаманы-молодцы?

Тогда со всѣхъ сторонъ или кричали любо, или поднимали ропотъ и крики: нелюбо, нелюбо! и атаманъ самъ начиналъ увѣщавать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя выгоды отъ принятія предложенія. Когда атаманомъ были довольны и видѣли, что дѣло правое, то соглашались; въ противномъ случаѣ ропотъ не умолкалъ, и воля народа исполнялась ¹⁾.

Эти исконныя права свободного народа мало-помалу стѣснялись русскимъ правительствомъ, которое исподволь вдавливало въ общую рамку административныхъ формъ все, что не согласовалось съ ними: такъ

---

¹⁾ Истор. и стат. об. ур. каз. (Ист. П. Б., I, пр. 13).

втянуты были въ систему русской жизни вольная малороссійская речь посполитая, запорожская сѣчь, войско донское, волжское и яицкое. Иногда дорого обходилось самой Россіи то тяжелое ярмо, которое она налагала на подвластныя ей полусвободныя области; но она ни на шагъ не отступала отъ своей системы. Яицкое войско продало свою волю кровью многихъ тысячъ. Правительство, по своему обыкновенію, лаская однихъ, чтобы привлечь на свою сторону, вооружало противъ нихъ остальное населеніе; оно умѣло возбуждать внутренніе раздоры, возстановляло одну сторону противъ другой и потомъ пользовалось плодами рукъ своихъ. Съ самаго начала царствованія Екатерины II народная партія яицкаго войска жаловалась на притѣсненія со стороны лицъ, преданныхъ правительству, на чиновниковъ, которые грабили и оскорбляли всѣхъ, кто имѣлъ съ ними какое-либо столкновеніе, и, потерявъ всякое терпѣніе, начала бунтовать. Правительство нарядило слѣдственную комиссію изъ генералъ-маіоровъ Потапова, Черепова, Бримфельда и Давидова, и гвардіи капитана Чебышева. Войсковаго атамана Андрея Бородина удалили отъ должности; на его мѣсто избрали Петра Тамбовцева. Казаки тайно посылали ходатаевъ въ Петербургъ, къ самой императрицѣ, принести справедливую жалобу на притѣсненія: но графъ Чернышевъ; тогда уже президентъ военной коллегіи, самоуправно приказалъ схватить ихъ, заковать въ оковы и наказать, какъ бунтовщиковъ. Казаки теряли надежду. Правительственная партія издѣвалась надъ своими противниками, давая народу чувствовать,

что прошла его воля, попораны всѣ права и завѣтные обычаи, которыми гордилось старое войско; даже бороды казакія не были оставлены въ покоѣ: ихъ грозили сбрить.

Не оставалось ничего больше, какъ силой защищаться отъ позора и мстить за оскорбленія, за насмѣшку, которая такъ обидна въ устахъ сильнаго врага, и они рѣшились защищаться и мстить. 13 января 1771 года Яицкій городъ весь поднялся на ноги и пошелъ на площадь; изъ церкви вынесены были иконы; явился казакъ Кирпишниковъ и повелъ недовольныхъ къ квартирѣ присланнаго отъ правительства чиновника гвардейскаго капитана Дурнова; толпа встрѣтилась съ генераломъ фонъ-Траубенбергомъ, который шелъ на нихъ съ войскомъ и пушками и велѣлъ расходиться по домамъ. Ему отвѣчали крикомъ и выговоромъ.... Понимая невозможность успокоить или даже обмануть народъ, который вышелъ требовать своихъ правъ, генералъ приказалъ открыть по немъ огонь изъ пушекъ; тогда толпа бросилась на пушки, заставила ихъ умолкнуть и погнала по городу фонъ-Траубенберга и его войско. Траубенберга закололи, едва онъ успѣлъ добѣжать до воротъ своей квартиры, Тамбовцева повѣсили, Дурнова изранили, но оставили въ живыхъ; засадили подъ караулъ всѣхъ чиновниковъ и стали править войскомъ сами, тихо и разумно.

Но эта кровавая расправа не прошла даромъ. Въ Яицкѣ явился генералъ Фрейманъ; два раза разбилъ казаковъ въ кровопролитныхъ схваткахъ; наполнилъ плѣнными городскія тюрьмы и, когда тамъ уже не

доставало мѣста, набилъ ими лавки гостинаго двора. Войсковой кругъ былъ уничтоженъ. Рѣдкій миновалъ кнута, или Сибири, или рекрутства.

«Сіи строгія и необходимыя мѣры, говоритъ Пушкинъ, возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. «То ли еще будетъ!» говорили прощенные мятежники: «такъ ли мы тряхнемъ Москвою.» Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался» ¹⁾).

Когда казаки уѣхали съ Таловскаго умета, Пугачовъ просилъ Еремкину Курицу истопить на другой день баню, и вмѣстѣ пошли въ нее мыться. По выходѣ изъ мыльни, Курица замѣтилъ какіе-то знаки на тѣлѣ у Пугачова.

— Что это у тебя на груди?

— Это знаки государевы, отвѣчалъ Пугачовъ.

Курица пришелъ въ недоумѣніе.

— Что ты говоришь? какіе государевы?

— Государевы!.. Я самъ государь Петръ Ѳедоровичъ...

Курица до того пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, что не сказалъ ни слова. Они вошли въ землянку. Пугачовъ снова заговорилъ о своемъ высокомъ званіи

---

¹⁾ Ис. Пуг. бунта, I, 12.

и говорилъ съ увѣреностью. Курица повѣрилъ «и дѣлалъ ему, яко царю, приличное учтивство».

— Еслибъ яицкіе казаки войсковою руки умные люди какіе проѣхали, то я бы съ ними погугорилъ, сказалъ мнимый царь.

— Ко мнѣ будетъ скоро яицкой Григорій Закладной, для лошади попросить, доложилъ Еремкина Курица.

Когда пріѣхалъ Закладной, Пугачовъ распорядился по-царски: приказалъ пожаловать его лошадыю отъ своего имени. А Еремкина Курица докладывалъ:

— Ты самъ не называйся при Закладномъ государемъ, а я ему объявлю, что ты царь, и попрошу его, чтобы онъ прислалъ сюда изъ городка умнаго человѣка, Короваева съ товарищемъ, кого онъ знаетъ.

Услышавъ неожиданную вѣсть, Закладной «поблагодарилъ Бога, что открывается благополучіе», и поскакалъ въ городъ. Черезъ сутки пріѣхалъ и Короваевъ съ товарищемъ. Когда Курица доложилъ о пріѣздѣ ихъ, самозванецъ приказалъ ввести того и другаго въ сарай, гдѣ находился самъ.

— Ты ли надѣжа государь нашъ, Петръ Ѳедоровичъ? говорилъ Короваевъ.

— Я... Чрезъ кого вы извѣстны обо мнѣ стали? Тотъ сказалъ, что ихъ прислалъ Закладной.

— Ну, яицкіе казаки! Коли вамъ угодно, такъ вы меня примите, — я государь вашъ, Петръ Ѳедоровичъ; а не угодно, такъ откажите: я поѣду на Узень вашу и тамъ буду жить до времени.

— Я поѣду въ войско и тамъ съ другими поду-

маю (сказалъ Короваевъ), — и прїѣдемъ сюда въ третій день съ умными и престарѣлыми людьми.

— Хорошо, поѣзжай... Да скажи о семъ хорошимъ людямъ!

Тутъ самозванецъ сталъ говорить, какимъ образомъ онъ, царь, спасся отъ смерти въ Петербургѣ и гдѣ былъ до сихъ поръ; говорилъ, что и *примѣты царскія* имѣетъ. Слушатели внимали словамъ его съ полною вѣрою. Затѣмъ Короваевъ и товарищъ его уѣхали.

Въ это время случилось обстоятельство, которое могло гибельно кончиться для Пугачова. У русскаго царя неостало рубашекъ: находясь въ острогѣ, онъ такъ обносился, что нечѣмъ было смѣнить грязнаго бѣлья, да и прочее платье Бѣлаго царя было не лучше рубахи. Онъ вспомнилъ, что въ прошломъ году, живя въ Мечетной слободѣ, оставилъ свои рубашки на квартирѣ у Степана Косова, и потому рѣшился съѣздить за ними вмѣстѣ съ Еремкиной Курицей.

Только бѣгствомъ Пугачовъ спасся отъ погони. При возвращеніи его на уметъ, Короваевъ представился самозванцу, когда тотъ, стоя у рѣки, мылъ руки, чтобъ онѣ, вѣроятно, казались болѣе царскими. Короваевъ попросилъ самозванца къ себѣ въ станъ, предложилъ ему свою лошадь, а самъ слѣдовалъ за нимъ пѣшкомъ. Въ станѣ былъ одинъ только Шигаевъ. Сѣли обѣдать. Но лишь только начали рѣзать хлѣбъ, увидѣли, что къ нимъ подъѣзжаютъ два человека, нѣкто Чика, будущій графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, президентъ военной коллегіи Пугачова, и Мясниковъ.

— Надобно отъ нихъ укрыться; сказалъ Короваевъ: эти люди не надежные, а особенно Чика.

Самозванецъ и Шигаевъ бросились въ траву. Подъѣхалъ Чика.

— Что ты, Короваевъ, — зачѣмъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Приѣхалъ звѣря бить.

— Нѣтъ! видно, людей обманывать... Вы приѣхали къ государю, да и я вѣдь того же ищу.

Когда Короваевъ услышалъ, что Чика уже знаетъ все, то просилъ самозванца показаться. Они поздоровались очень дружелюбно и сѣли обѣдать вмѣстѣ. После обѣда Короваевъ обратился къ самозванцу:

— Покажи-тко намъ царскіе знаки, чтобъ было памъ чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что я васъ о семъ просилъ.

Самозванецъ взялъ ножикъ и, разрѣзавъ воротъ у рубашки до пупа, показывалъ имъ свои раны.

— Отъ чего эти знаки? спросили его.

— Когда въ Петербургѣ противъ меня возмутились, такъ это гвардейцы кололи штыками.

— А это что у васъ? спросилъ Чика, увидѣвъ у него на лѣвомъ вискѣ пятно отъ золотухи.

— Это шрамъ у меня, — потому что болѣло.

И когда казаки спрашивали, какимъ образомъ онъ ушелъ изъ Петербурга, самозванецъ сказалъ, что его спасъ одинъ офицеръ и вмѣсто него похороненъ другой.

— И намъ слышно было, что государь скончался; однако-жъ, болѣе поговаривали, что онъ живъ, да взять не знали гдѣ... А теперь видимъ, что ваше

величество здѣсь... Да гдѣ-жъ вы такое долгое время были? спрашивали казаки.

— Былъ я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Ерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, а оттоль вышелъ на Донъ, а съ Дону пріѣхалъ къ вамъ и слышу, что вы да и вся чернь, обижены... Такъ я хочу за васъ вступить и удовольствоваться... и хотя не время было мнѣ явиться, однако-жъ, видно, Богъ привелъ... А когда вы меня не примете, такъ я пойду на Узень для жительства до времени.

— Примемъ, батюшка! сказали въ одинъ голосъ казаки: только вступишь за насъ и въ нашихъ отъ старшинъ обидахъ помощи. Мы въ конецъ всѣ разорились отъ большихъ денежныхъ поборовъ... Да гдѣ уметчикъ? спросили они.

— Въ Мечетной взяли подъ карауль.

— За что?

— Богъ знаетъ! мало ли есть злыхъ людей? И меня хотѣли было арестовать, однако-жъ, я ушелъ... И гдѣ-то я не былъ! Былъ въ Царицынѣ подъ карауломъ, былъ и въ Казани, и изо всѣхъ мѣстъ Богъ меня вынесъ.

— Да какимъ образомъ вы спаслись?

— Вѣдь вездѣ не безъ добрыхъ людей... Помогутъ, такъ и уйдешь. Да вотъ и теперь надобно думать, что при Мечетной будетъ погоня за мною, такъ надобно отселѣ скрыться куда ни есть.

— Теперь поѣдемъ къ намъ въ хуторъ, и тамъ поживете, а мы между тѣмъ станемъ соглашать къ принятію васъ войско, сказалъ Шигаевъ.

Но Короваевъ и Чика замѣтили:

— У тебя Шигаевъ въ хуторѣ жить не можно для того, что многіе ѣздятъ. Я лучше возьму на свои руки; а гдѣ будемъ съ нимъ жить, я вамъ послѣ объявлю, а теперь вамъ не скажу. А вы поѣзжайте въ городокъ и купите матеріи на знамена, и все, что должно, исправлять надобно проворно, добавилъ Чика.

Послѣ этого, раздѣлившись на 2 партіи, они всѣ поѣхали на казачьи уметы, по направленію къ Яицкому городку; въ тридцати верстахъ отъ города заговорщики снова съѣхались и ночевали вмѣстѣ, а на другой день опять разстались: Шигаевъ и Короваевъ отправились въ городъ для покупокъ, а Чика и Мясниковъ повезли самозванца на хуторъ къ казакамъ Кожевниковымъ; не доѣзжая они остановились въ степи, и Чика поѣхалъ впередъ переговорить, могутъ ли Кожевниковы принять царя. Тѣ, конечно, приняли.

V.

Въ то время, когда Пугачовъ приводилъ въ исполненіе давно задуманный планъ и уже сталъ выходить изъ ничтожества, котораго не тѣрпѣла его душа, казанское начальство производило о немъ развѣдыванія и бесполезные поиски; о побѣгѣ важнаго колодника дали знать во всѣ ближайшія мѣста; казанскій губернаторъ, генералъ-аншефъ Яковъ Ларіоновичъ фонъ-Брантъ донесъ объ этомъ происшествіи военной коллегіи, которая предписала ему, почти три мѣсяца спустя послѣ

побѣга арестанта, дѣлать секретные поиски въ селеніяхъ Оренбургской губерніи и особенно въ жилищахъ яицкихъ казаковъ. Но время было потеряно.

Между тѣмъ неожиданное происшествіе встревожило умы всѣмъ, кто могъ понимать его важность. 15 сентября отставной сотникъ Липилинъ объявилъ яицкому коменданту подполковнику Симонову, что казаки затѣваютъ что-то недоброе. Онъ сказалъ, что на сызранской дорогѣ шатается неизвѣстный арестантъ, бѣжавшій изъ Казани; что онъ видѣлъ его на Таловскомъ уметѣ, говорилъ съ нимъ.... А по городу уже ходили нехорошіе слухи...

Симоновъ разослалъ отряды во всѣ мѣста, гдѣ, по его соображеніямъ, могъ укрываться опасный арестантъ. Отряды возвращались и доносили, что его нѣтъ нигдѣ.

Но черезъ три дня тотъ, кого искали, самъ явился подъ Яицкомъ.

У Кожевниковыхъ высокая особа введена была въ отдѣльную избу. Хозяинъ уже не спрашивалъ, кто его гость, потому что Чика все пересказалъ. Сообщники Пугачова тогда же разбѣхались въ разные мѣста вербовать слугъ царю, а между тѣмъ Кожевниковъ, по приказанію Чики, шилъ знамена къ предстоящему походу. Вдругъ, пріѣхалъ изъ Яицка братъ Кожевникова и привезъ нерадостную вѣсть, что вездѣ ищутъ того человѣка, который находится въ ихъ домѣ, и что отряды скоро будутъ въ хуторѣ. — «А какъ у насъ отыщутъ, такъ будетъ намъ великая бѣда!...» Въ ту же ночь Пугачовъ вмѣстѣ съ Мясниковымъ ускорилъ на рѣку Усиху, верстъ за 30 или за 40 отъ ху-

тора, приказавъ Кожевникову и Коновалову (который жилъ въ одномъ съ нимъ поселкѣ) привезти за нимъ палатку и съѣстнаго: извѣстіе, привезенное изъ города, не могло не встрѣвожить самозванца, у котораго въ перспективѣ былъ или тронъ Романовыхъ, или топоръ палача. Оттого такъ безконечно долго тянулись для него часы слѣдующаго дня, когда онъ видѣлъ, что, не смотря на его приказъ, ни Кожевниковъ, ни Коноваловъ не пріѣзжали, а время проходило бесполезно. Не дождавшись никого, онъ, въ тотъ же вечеръ, самъ поскакалъ на хуторъ и приказалъ ѣхать за собой обоимъ соумышленникамъ. На Усихѣ онъ пробылъ четыре дня, въ продолженіе которыхъ не явилась къ нему ни одна душа, хотя онъ предварительно о томъ распорядился. Мысль, что ему измѣнили, не разъ приходила въ голову самозванца; но онъ не терялъ надежды, потому что ему, въ сущности, ничего не оставалось въ жизни: терять уже было нечего, на милость не надѣялся — да онъ и не ждалъ милости... А между тѣмъ раскрывалъ планъ своихъ дѣйствій немногимъ оставшимся съ нимъ: онъ говорилъ, что когда яицкое войско выѣдетъ *на плавню*, онъ соберетъ своихъ приверженцевъ, явится къ казакамъ и перевяжетъ всѣхъ старшинъ; потомъ войдетъ въ Яицкъ, выгонитъ Симонова и арестуетъ всю команду. А когда это не удастся, добавлялъ онъ, «то подумавъ пойдемъ, куда разсудимъ»...

Сомнѣнія и надежда не покидали самозванца до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали въ станъ два казака, Львовъ и Ивановъ, и не успокоили его, одобривъ

планъ нападенія. Они тогда же отправились въ городъ собирать новыхъ приверженцевъ. Думали даже, если плавни не будетъ, идти прямо на Яицкъ.

— Если Богъ поможетъ мнѣ воцариться, сказалъ Пугачовъ: — то Яицкому городку быть вмѣсто Москвы или Петербурга, а яицкимъ казакамъ имѣть надъ всѣми перевѣсъ...

Онъ приказалъ немедленно прислать къ нему писаря для исполненія его словесныхъ приказаній.

— Хорошо, сказалъ Львовъ.—А я пришлю вашему величеству и кафтанъ съ шапкою получше.

На другой день явился въ станъ казакъ Никита Карповъ—тотъ самый, который послѣ поставленъ былъ Пугачовымъ въ атаманы яицкаго войска; съ нимъ пріѣхалъ Иванъ Почиталинъ, впоследствии любимый секретарь самозванца, и привезъ для своего государя зеленый кафтанъ, бешметъ и шапку; Чика привезъ знамена, Мясниковъ сапоги. Въ тотъ же день Карповъ представилъ самозванцу татарина Идорку, явился Алексѣй Кочуровъ, будущій сподвижникъ Пугачова и нѣкоторые другіе. Одни пріѣзжали въ станъ, представлялись лжеимператору и принимали участіе въ совѣтѣ, другіе откланившись уѣзжали приводить въ дѣло его рѣшенія (совѣта). Въ пылу разговора прискакали въ станъ два гонца, одинъ изъ братьевъ Кожевниковыхъ и другой казакъ, и сказали:

— Наряжается въ яицкомъ городкѣ партія къ вамъ для поимки и скоро сюда будетъ, такъ надобно себя спасти...

Это извѣстіе навело такой страхъ на весь совѣтъ,

что заговорщикъ, бросивъ палатку, поскакалъ въ степь съ одними знаменами, съ которыми не хотѣли разставаться, какъ съ символами своего великаго значенія и будущей власти.

— Куда ты меня ведешь? спросилъ Пугачовъ Чика, на котораго уже и тогда больше всѣхъ полагался. Чика руководилъ поѣздомъ.

— Поѣдемъ въ Толкачевъ хуторъ. А когда можемъ собрать столько людей, чтобъ появиться къ городку, такъ думать нечего — поѣдемъ туда со славою. Когда же увидимъ, что не съ чѣмъ, то скроемся въ Узени... Я думаю, когда подъѣдемъ къ Яицкому городку, то многіе къ намъ пристанутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда донесено будетъ, что съ нами были согласны.

Чика слишкомъ хорошо зналъ и положеніе своего войска, и слабыя стороны управленія, и неудовольствіе народа, чтобы такъ дерзко разсчитывать на успѣхъ. Самъ Пугачовъ съ дѣтства еще, которое протекло среди независимаго Дона, и горькимъ опытомъ послѣдующей жизни, которую онъ провелъ среди людей, непріязненно постановившихъ себя въ отношеніи ко всему, что исходило отъ престола и законныхъ властей, — навѣкъ угадывать, какія язвы были самая чувствительныя въ больномъ организмѣ государства, и потому касался самыхъ больныхъ ранъ народа. Онъ самъ былъ изъ среды этой вѣчно роптавшей массы, притомъ изъ среды преступниковъ, которыхъ довелъ до остроговъ, можетъ быть, этотъ же самый разладъ съ жизнью и недовольство своимъ положеніемъ. Онъ зналъ, что

на зовъ его откликнется много голосовъ и не здѣсь такъ тамъ встанутъ за него милліоны недовольнаго народа,—иначе онъ не говорилъ бы такъ самоувѣренно, что въ случаѣ неудачи на Яикѣ, онъ «бросится въ Русь», увлечетъ ее за собою и повсюду поставитъ новыхъ судей, ибо въ нынѣшнихъ, говорилъ онъ, «присмотрѣна мною многая неправда».

Увѣренность Чики, съ которою онъ говорилъ послѣднія слова, не могла не придать твердости Пугачову; притомъ онъ самъ видѣлъ во всѣхъ окружавшихъ его полную готовность помогать ему всѣми силами. Во время этого бѣгства Идорка просилъ самозванца, не прикажетъ ли онъ ему ѣхать въ свои кибитки, собрать лошадей и ждать на дорогѣ его поѣзда къ Яицку. Самозванецъ, конечно, позволилъ, и татаринъ поспѣшилъ исполнить его волю. Въ полночь Пугачовъ прибылъ въ Толкачевъ хуторъ, гдѣ все уже знало о появленіи великой особы и все было на ногахъ; въ числѣ прочихъ представлялся ему Якимъ Давилинъ, который впослѣдствіи считался дежурнымъ въ свитѣ Пугачова и былъ въ милости. Тутъ же самозванецъ приказалъ секретарю своему написать указъ на Кожихаровъ форпостъ; а въ указѣ между прочимъ объявлялъ, что государь Петръ Третій, императоръ все-россійскій, принявъ царство, жалуетъ вѣрныхъ яицкихъ казаковъ рѣками, морями, лѣсами, крестомъ и бородою. Самозванецъ зналъ, что эти милости привлекутъ на его сторону всѣхъ недовольныхъ, и раскольники толпами пойдутъ подъ его знамена. Онъ приказывалъ, чтобы всѣ казаки, бывшіе на форпостѣ, шли къ нему, какъ

законному государю. Когда секретарь написал указъ и давалъ самозванцу подписать его, то лжеимператоръ приказалъ самому Почиталину написать подъ указомъ имя императора, говоря, что ему нельзя подписываться до самой Москвы, — что онъ не долженъ казать свою руку и что «есть въ ономъ великая причина». Указъ произвелъ свое дѣйствіе: казаки оставили форпостъ и явились въ станъ самозванца, у котораго такимъ образомъ уже было въ отрядѣ сорокъ человѣкъ казаковъ и двадцать калмыковъ. Не теряя времени, Пугачовъ приказалъ развернуть знамена. Они навязаны были на копейныя древка. Всѣхъ знаменъ было восемь, и на полотнѣ не было ничего нашито кромѣ осмиугольнаго раскольничьяго креста. Помолясь Богу, Пугачовъ поднялъ ихъ, — и это бѣлое полотно съ осмиугольнымъ крестомъ долго носилось по Россіи и много, много крови было подъ нимъ пролито....

Весь отрядъ Пугачова сѣлъ на коней, обошелъ Кожихаровъ форпостъ и выѣхалъ на яицкую дорогу. Татаринъ Идорка встрѣтилъ его, у своихъ кибитокъ, съ двадцатью человѣками татаръ и съ яицкими казаками. Проходя мимо Бударинскаго форпоста, самозванецъ взялъ съ него еще двадцать казаковъ и повелъ свой отрядъ далѣе.

VI.

Въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, передъ самымъ началомъ пугачовскихъ смутъ, за пограничною линіею русскихъ владѣній на востокъ, кочевали въ

степяхъ три многочисленныя орды киргизъ-кайсаковъ. Большая орда управлялась въ то время ханомъ Эрали, средняя—Аблай-ханомъ и меньшая—Нурали-ханомъ, владѣнія котораго находились въ сосѣдствѣ съ землями яицкаго войска. Состоя подъ покровительствомъ русскаго правительства, они въ то же время были самыми безпокойными сосѣдями нашими: какъ подвластные русскому престолу, киргизъ-кайсаки давали намъ, въ случаѣ необходимости, помощь войскомъ; какъ сосѣди, они грабили наши купеческіе караваны, угоняли стада, уводили плѣнныхъ, а, иногда переправясь черезъ Ликъ, входили въ русскія поселенія, пробирались мимо пограничныхъ крѣпостей и форпостовъ, грабили все, что могла захватить ихъ нестройная, разсыпная конница, и съ добычей уходили вновь въ свои кочевья. Въ защиту отъ нихъ проводились укрѣпленныя линіи, воздвигались крѣпостцы, ставились на возвышенныхъ мѣстахъ маяки и пикеты, посылались сторожевые разъѣзды въ степь: но при всѣхъ предосторожностяхъ кайсаки налетали, какъ саранча, мгновенно производили грабежъ въ разныхъ мѣстахъ и также исчезали мгновенно, оставляя сожженные села и деревни. Они называли себя самыми покорными слугами Россіи, и не было сосѣда опаснѣе ихъ.

На привалѣ у Бударинскаго форпоста татаринъ Идорка далъ мысль Пугачову воспользоваться этими качествами киргизъ-кайсацкаго народа. Самозванецъ тотчасъ же приказалъ написать къ Нурали-хану указъ, въ которомъ, называя себя государемъ Петромъ III, требовалъ отъ хана вспомогательнаго войска и сына

въ заложники; а между тѣмъ, не дожидаясь возвращенія посланнаго, пошелъ прямо къ Яицку. По дорогѣ онъ заходилъ еще въ два форпоста и взялъ съ cadaго по двадцати человѣкъ. Почти у самаго городка схваченъ былъ яицкій казакъ Скворкинъ «старшинской руки», то-есть принадлежавшій партіи правительства, и приведенъ предъ Пугачова. Въ страхъ другимъ, самозванецъ приказалъ его повѣсить; — это была первая жертва народной мести. Въ то же время явился къ Пугачову одинъ киргизскій мулла и просилъ письма къ Нурали-хану, говоря:

— Я вѣрно уповаю, что Нурали-ханъ дастъ помощь.

Тогда Пугачовъ приказалъ написать письмо и вручилъ муллѣ, а войску своему, которое состояло уже изъ ста сорока человѣкъ, въ томъ числѣ двадцати татаръ и двадцати калмыковъ, велѣлъ построиться въ одну шеренгу и прямо идти на городъ. Знамена распустились.

— Я пошлю туда къ войску указъ, говорилъ самозванецъ казакамъ:—и когда насъ примутъ, такъ прямо въѣдемъ, а когда будутъ противиться, то поѣдемъ мимо за Строгановъ садъ и тамъ ночуемъ.

Изъ города замѣтили бѣлыя, развѣвающіяся знамена и толпу, двигавшуюся по направленію къ рѣчкѣ Чагану, черезъ которую перекинутъ былъ мостъ отъ города. Всѣ догадались, что это за толпа и какія знамена. Никто не ожидалъ столь быстраго появленія таинственнаго арестанта, котораго надѣялись увидѣть въ городской тюрьмѣ, закованнаго по рукамъ и по ногамъ, — и въ городѣ началось необыкновенное вол-

неніе. Партія, недовольная правительствомъ, скрывавшая свою злобу и отлагавшая до времени месть, потому что была безсильна, выражала явно, чему она сочувствуетъ; люди сомнительной вѣрности, только до поры казавшіеся благонамѣренными, не могли не принять сторону недовольныхъ. Комендантъ Симоновъ увидѣлъ, что отъ казаковъ ему не ждать добра, — а между тѣмъ надо было защищаться во что бы то ни стало, потому что бѣлыя знамена развѣвались все ближе и ближе. Онъ рѣшился предупредить нападеніе. Тогда Пугачовъ увидѣлъ, что изъ города выступили всѣ яицкіе казаки, и за ними пѣхота съ пушками, и перебрались черезъ мостъ. Пѣхота и пушки остановились у моста, а казаки шли на встрѣчу Пугачова; ихъ, какъ донесли ему, было тысячъ до трехъ. «Я думалъ въ то время, что разберутъ по рукамъ», говорилъ послѣ Пугачовъ; но, не уstraшенный этой первою встрѣчей, онъ шелъ прямо противъ яицкаго отряда, будучи увѣренъ, что многіе изъ нихъ скоро станутъ подъ его бѣлое знамя. Казаки остановились. Изъ толпы яицкаго войска отдѣлился отрядъ человѣкъ до двухъ сотъ и подвигался къ Пугачову. Ими командовалъ премьеръ-маіоръ Наумовъ ¹⁾. Тогда со стороны Пугачова показался казакъ на конѣ, держа на головѣ царскую грамоту. Посоль вручилъ пакетъ старшинѣ Акутину, который предводительствовалъ яицкими казаками, и велѣлъ его «вычестъ въ кругу», а самого Аку-

---

¹⁾ У Пушкина здѣсь перепутаны имена: Наумовъ два раза названъ капитаномъ Крыловымъ; но тутъ же, на одной страницѣ, называется и Наумовымъ. Ист. Пуг. бунта, I, 20.

тина требовалъ къ Пугачову «для опознанія» государя, потому что старшина бывалъ въ Петербургѣ и видѣлъ Петра III. Казаки требовали, чтобы бумага была прочитана въ кругу. Наумовъ не позволялъ. Войско пришло въ негодованіе, и ставшіе во главѣ недовольныхъ казаки, Овчинниковъ и Лысовъ, первые ушли къ Пугачову; за ними послѣдовало человѣкъ до пятидесяти, которые тотчасъ же перебѣжали къ самозванцу и силою перетасили съ собою много другихъ казаковъ, не хотѣвшихъ идти за ними, ухвативъ подъ уздцы ихъ коней. Отрядъ Наумова обратился въ бѣгство, а за нимъ отступили къ городу и прочіе казаки. Пугачовъ двинулся вверхъ по Чагану, намѣреваясь перевести свое двухсотенное войско черезъ рѣку въ бродъ. Вечерѣло. Чтобы не допустить этой переправы, отъ городской команды отдѣлили отрядъ съ намѣреніемъ пересѣчь дорогу Пугачову: тогда онъ приказалъ своему отряду ударить на нихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзать отъ города. Атака была такъ стремительна, что рѣдкій успѣлъ ускакать въ городъ, тогда какъ прочіе были захвачены въ плѣнъ и перевязаны; иные сами передались Пугачову. Изъ Яицка не подано было никакой помощи. Пойманные и связанные казаки «старшинской руки» отданы были на ночь подъ крѣпкую стражу; въ числѣ ихъ находился престарѣлый старшина Витошковъ, бывавшій въ Петербургѣ.

— Знаешь ли ты меня? спросилъ его Пугачовъ.

Витошковъ отвѣчалъ, что видѣлъ его еще маленькаго.

— Вотъ спросите: онъ меня знаетъ, сказалъ Пу-

гачовъ тѣмъ, которые еще сомнѣвались въ его происхожденіи.

На утро казаки спрашивали самозванца:

— Что, ваше величество, прикажете дѣлать надъ взятыми въ плѣнъ казаками?

— Надобно ихъ увѣрить, да привести къ присягѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Мы имъ не вѣримъ! возражали казаки.

— Мы, ваше величество, знаемъ, кого можно простить и кого повѣсить: тутъ есть великіе злодѣи, — говорили Овчинниковъ, Лысовъ и другіе съ ними.

Самозванецъ видѣлъ, что надо исполнить ихъ желаніе, и приказалъ дѣлать рели. Изъ плѣнныхъ отобрано было одиннадцать подозрительныхъ казаковъ — и тутъ же повѣшено.

— Не погрѣшите, да безвинныхъ людей не погубите, просилъ Пугачовъ, когда вѣшали несчастныхъ.

— Мы, ваше величество, знаемъ! отвѣчали казаки въ одинъ голосъ.

Палачевскую должность исправляли въ это время казаки Ѳедоръ Карташовъ и Яковъ Бурковъ: они охотно пошли въ эту должность. Повѣшены были: сотники Черториговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники — Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые — Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ. Это была вторая искупительная жертва народной мести. Сотникъ Витошковъ былъ помилованъ по просьбѣ войска ¹⁾.

---

¹⁾ У Пушкина Витошковъ, названный Витошкиновымъ, поименованъ въ числѣ повѣщенныхъ. Но самому Пугачову лучше знать, кого онъ вѣ-

По совершении казни, Пугачовъ снова отправилъ въ городъ указъ, требуя покорности; онъ повелѣвалъ войску одуматься и встрѣтить своего законнаго государя; но посланный не возвращался. Пугачовъ пошелъ опять къ городу, но, встрѣченный пушечнымъ огнемъ, отступилъ.

— Что, други мои, васъ терять напрасно: пойдемъ туда, гдѣ насъ примутъ, говорилъ онъ своему войску, удаляясь отъ Яицка,

А казаки говорили: «Пойдемъ, ваше величество полемъ до илецкой станицы». И онъ повелъ ихъ вверхъ по оренбургской дорогѣ. Симоновъ не смѣлъ и думать о преслѣдованіи, потому что на яицкое войско не надѣялся, а солдаты нужны были въ городѣ, гдѣ со дня на день готовъ былъ вспыхнуть бунтъ. При малѣйшемъ смятеніи, стоило только отворить двери городской тюрьмы и открыть лавки гостиннаго и мѣноваго двора, наполненные предводителями прежнихъ войсковыхъ бунтовъ, и гибель всѣхъ пограничныхъ русскихъ крѣпостей была неизбежна. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Симоновъ отправилъ немедленно гонца къ оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, и просилъ помощи; но это извѣстіе пришло въ Оренбургъ слишкомъ поздно: путь къ сѣверу былъ уже закрытъ для проѣзда нарочнаго, и онъ долженъ былъ пробираться окольными

шаль, особенно въ первое время: въ допросѣ онъ сказалъ Потемкину, что простилъ Витошкова (Чт. Мос. Общ. Ис. и Др. р. 1858, кн. II, матеротеч. 20). Пушкина ввела въ ошибку лѣтопись Рычкова.

дорогами. Гонецъ могъ проѣхать въ Оренбургъ только чрезъ Самару...

Пугачовъ явился на Гнилинскій форпостъ и взялъ оттуда лошадей и пушку. Это было первое орудіе въ его артиллеріи. Не доходя другаго форпоста, онъ приказалъ остановиться и сдѣлать войсковой кругъ, гдѣ позволилъ казакамъ, по старинному обычаю, который былъ у нихъ отнять правительствомъ, выбрать войсковаго атамана, полковника, эсаула и другихъ чиновниковъ. Атаманомъ избранъ былъ Овчинниковъ, полковникомъ — Лысовъ, Витошковъ эсауломъ. Послѣ того Пугачовъ приказалъ сдѣлать счетъ своему войску, и насчитали 450 человѣкъ: войско это умножено было Давилинымъ, котораго Пугачовъ послалъ впередъ по линіи къ Илецкому городку забирать съ форпостовъ людей и выводить къ нему навстрѣчу. Самъ Пугачовъ бралъ всѣхъ, кого встрѣчалъ, и форпостная стража, вся, со всей линіи, стала подъ его знамена; одни шли охотно и охотно цѣловали крестъ и евангеліе; другіе присягали по необходимости. Пушки, порохъ, ядра и ружья, все бралъ Пугачовъ и, въ продолженіе сутокъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, становился вдвое могущественнѣе того, какимъ былъ наканунѣ: въ теченіе одной недѣли онъ былъ атаманомъ ничтожной шайки и предводителемъ многочисленной, нестройной, но уже страшной арміи. Въ Илецкій городокъ онъ послалъ указъ на имя атамана Портнова, повелѣвая выйти съ войскомъ на встрѣчу, всѣхъ казаковъ жаловалъ, по своему обыкновенію, крестомъ и бородою, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ

и вѣчною вольностью. Впереди себя онъ отправилъ своего вѣрнаго Овчинникова съ десятию казаками. Овчинниковъ послалъ указъ Портнову. Получивъ указъ, атаманъ не думалъ читать его народу; но казаки возмутились и принудили его «вычестъ въ кругу государево письмо». Ночью Портновъ приказалъ спустить внизъ по Илеку плоты, чтобы разорвать мостъ, который велъ къ городу; но мостъ устоялъ, и казаки арестовали своего атамана. Овчинниковъ вошелъ въ городъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ и Пугачовъ при колольномъ звонѣ и стеченіи народа. Его встрѣтили съ хлѣбомъ-солью и со всѣми знаками повиновенія. Пугачовъ прошелъ прямо въ церковь, велѣлъ пѣть молебенъ и многолѣтіе государю Петру Ѳедоровичу; на ектеніяхъ упоминалось то же имя, а имя императрицы было исключено. Пугачовъ говорилъ къ народу:

— Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь, и пускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я лишенъ престола, тѣхъ безъ всякой пощады перевѣшаю. Сынъ мой — человѣкъ еще молодой, такъ онъ меня и не знаетъ. — А самъ между тѣмъ горько плакалъ передъ Богомъ и говорилъ: Дай Богъ, чтобъ я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здороваго!...

Проходя изъ церкви въ отведенный для него домъ, онъ не переставалъ говорить къ народу, возбуждать въ немъ самыя несбыточныя надежды и затрогивать самыя больныя и вѣчно новыя раны его сердца. Во

время обѣда онъ приказалъ растворить для народа питейный домъ и пить за его здоровье.

— Я ваше величество узналъ, говорилъ одинъ старый казакъ, увидѣвъ Пугачова:—я въ то время былъ въ Петербургѣ, какъ вы обручались.

— Ну, старичокъ, хорошо, когда ты меня узнаешь, говорилъ Пугачовъ и снова ласкалъ народъ надеждами, а самъ плакалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Пришли илецкіе казаки и стали жаловаться на своего атамана: Портнова обвиняли въ томъ, что онъ не хорошъ къ войску, обижаетъ его, «да и ваше величество (прибавляли недовольные) хотѣлъ обидѣть и поломать плотами мосты». Пугачовъ приказалъ повѣсить атамана, разграбить его домъ, имущество и взять деньги. Малолѣтняго сына атаманскаго самозванецъ взялъ къ себѣ. Взялъ крѣпостныя пушки, нѣсколько бочекъ пороху, прибавилъ триста человѣкъ къ своему войску и снова двинулся по оренбургской дорогѣ. На пути приказалъ сдѣлать кругъ илецкимъ казакамъ и выбрать полковника, эсауловъ, сотниковъ и хорунжихъ. Званіемъ полковника удостоили Творогова, который былъ судьей и секретаремъ. Съ дороги Пугачовъ послалъ указъ въ крѣпость Разсыпную, требуя немедленной сдачи; а между тѣмъ самъ шелъ не останавливаясь. Въ Разсыпной хотѣли защищаться; но Пугачовъ взялъ приступомъ жалкія укрѣпленія, повѣсилъ коменданта, маіора Веловскаго, офицеровъ и священника; взялъ пушки и порохъ; поверсталъ въ казаки солдатъ; а находившіеся въ крѣпости казаки пошли къ нему охотою.

VII.

Въ шесть дней Пугачовъ прошелъ 170 верстъ, но еще нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія. До Оренбурга оставалось только сто верстъ. Это было 24 сентября. Что же дѣлалось въ Оренбургѣ? Что предпринимали власти? 22 сентября, вечеромъ, прискакалъ въ Оренбургъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Илецкій городъ взятъ, и казаки измѣнили присягѣ. До сихъ поръ въ городѣ никто не зналъ, что происходило за двѣсти и за сто верстъ отъ Оренбурга. Страшная вѣсть разнеслась по городу въ тотъ же самый вечеръ изъ дома губернатора, у котораго былъ балъ, по случаю празднованія дня рожденія Государыни Императрицы. Гости развезли вѣсть по городу, и поднялись странные толки. Прискакалъ и другой гонецъ, изъ Яицка, посланный Симоновымъ черезъ Самару. Прискакалъ, наконецъ, третій гонецъ, Якишбай, съ татарскимъ письмомъ отъ Нурали-хана, «объявляю, писалъ ханъ, — что на сихъ временахъ проявился здѣсь Ея Императорскому Величеству измѣнникъ и приговариваетъ заблудящія рѣчи, что онъ якобы великій императоръ Петръ Ѳеодоровичъ», что ханъ имѣлъ уже отъ него два посланія и подъѣзжалъ къ Яицку, предлагая Симонову свою помощь, но получилъ въ отвѣтъ, что и безъ него обойдутся. «Мы, на степи находящіеся люди, прибавлялъ Нурали, — не знаемъ, сей ѣздящій, воръ ли? или реченный государь самъ? Посланный отъ меня подъ однимъ претекстомъ нарочный возвратясь объявилъ,

что какой онъ человѣкъ — не знаетъ и не опозналъ, томко де борода у него русая.» Ханъ давалъ знать, что подвластная ему орда можетъ перейти Яикъ, эту запретную линію, черезъ которую не смѣла перешагнуть нога Киргиза; что онъ сдѣлаетъ это безъ позволенія губернатора. Письмо дышало какой-то двусмысленной самоувѣренностью и не менѣе двусмысленнымъ смиреніемъ и угрожающими намеками. Ханъ требовалъ возвращенія аманата, именитаго Иштекбай-батырь; смиренно предлагалъ отдать обратно 50,000 лошадей, угнанныхъ башкирцами и бѣжавшихъ изъ орды кизылбашей. Испуганный губернаторъ спѣшилъ увѣрить хана, что кончина императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ государя въ гробу и цѣловалъ его мертвую руку; возвратилъ аманатовъ кизылбашей и скотъ; просилъ хана выдать самозванца правительству, если тотъ бѣжитъ въ киргизскія степи. Не успѣлъ онъ отвѣчать Нурали, какъ пришло еще новое извѣстіе.... Рейнсдорпъ не зналъ что дѣлать.

Потерявъ безъ толку почти двое сутокъ, когда нельзя было медлить ни минуты, Рейнсдорпъ 24 сентября командировалъ къ Яицку бригадира, барона Билова съ 410 солдатами пѣхоты и конницы, при шести орудіяхъ, приказавъ забирать по дорогѣ людей со всѣхъ крѣпостей и форпостовъ. Рейнсдорпъ обѣщалъ пять сотъ рублей награды тому, кто приведетъ къ нему Пугачова живаго въ руки, и 250 за мертваго: такъ дешево оцѣнена была голова, мечтавшая надѣть на себя корону Мономаховъ и Романовыхъ. Подполковнику Симонову велѣно командировать изъ Яицка майора

Наумова съ легкими полевыми командами и съ казаками въ тылъ Пугачову и для соединенія съ барономъ Биловымъ; изъ Ставрополя приказано выслать 500 человѣкъ калмыцкаго войска, которое можно было собрать въ ближайшихъ кочевьяхъ, 500 башкирцевъ да 300 сентовскихъ татаръ; командиру Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру барону Корфу, — идти форсированнымъ маршемъ къ Оренбургу.

Но было уже поздно.

Изъ Разсыпной Пугачовъ повелъ свое войско на Нижне-Озерную крѣпость. На встрѣчу ему шель изъ крѣпости капитанъ Суринъ съ ротою солдатъ и отрядомъ казаковъ, высланными (поздно уже!) комендантомъ крѣпости, на помощь покойному Веловскому, накануне повѣшенному вмѣстѣ съ женою. Суринъ встрѣтился съ Пугачовымъ на дорогѣ, попался въ плѣнъ и былъ повѣшенъ. Отрядъ его увеличилъ собой войско самозванца, охотно промѣнявъ Сурина на Пугачова. Народная память сберегла имя этого капитана, и солдаты еще при Пушкинѣ пѣли (можетъ быть и теперь поютъ):

Изъ крѣпости изъ Зерной,
На подмогу Разсыпной,
Вышелъ капитанъ Суринъ
Со командою одинъ...

Быстрые переходы Пугачова никому не давали времени ни опомниться, ни обсудить критическое положеніе страны, въ которое ее поставили событія одной недѣли. Всѣ распоряженія Рейнсдорпа оказались бесполезными, и онъ со страхомъ видѣлъ, что надо

думать уже о защитѣ Оренбурга и своей собственной квартиры. Баронъ Билловъ, выступивъ изъ Оренбурга и, миновавъ Татищевскую крѣпость, приближался уже къ Озерной, какъ въ ночное время, версть за пятнадцать отъ крѣпости, услышалъ пушечные выстрѣлы; глухой гулъ орудій заставилъ его остановиться. Онъ полагалъ, что опоздалъ приходомъ; что крѣпость уже взята Пугачовымъ и отступилъ. Справедливо или ложно то было, но къ нему дошелъ слухъ, что Пугачовъ идетъ съ трехтысячнымъ войскомъ, и онъ засѣлъ въ Татищевой. Рейнсдорпъ снова, въ тотъ же день, приказалъ ему «неотмѣтно и немедленно» слѣдовать къ Озерной; но Билловъ не двинулся ни на шагъ. Баронъ Корфъ также сидѣлъ въ Верхне-Озерной и не слушалъ приказаній Рейнсдорпа. Напрасно рассчитывали и на калмыковъ, башкирцевъ и сентовскихъ татаръ: вмѣсто пятисотъ калмыковъ едва набрали триста, да и тѣ бѣжали съ дороги; изъ сентовскихъ татаръ никто не дошелъ до Билова и также бѣжали, не слушаясь приказаній. Маіоръ Наумовъ и войсковой старшина Мартыянъ Бородинъ съ легкою полевой командой и казаками, отправленные изъ Яицка въ тылъ Пугачову, выступивъ въ степь, совершенно потерялись изъ виду, и долго не было объ нихъ никакого слуху, и никто не зналъ, гдѣ они и что съ ними сдѣлалось.

Едва разнеслась вѣсть о гибели Веловскаго и Сурина, — какъ Пугачовъ осаждалъ уже Озерную; не успѣлъ онъ сдѣлать приступа, какъ казаки, бывшіе въ крѣпости, покинули ее и явились къ самозванцу. Въ крѣпости остался только комендантъ, маіоръ Харловъ

и ничтожная горсть инвалидовъ съ двумя офицерами. Харловъ не надѣялся на успѣхъ; едва ли рассчитывалъ онъ даже остаться въ живыхъ и поспѣшилъ отправить свою молодую жену, съ которою онъ жилъ только нѣсколько недѣль, къ ея отцу, къ Елагину, коменданту Татищевской крѣпости. Въ ночь на 26 сентября, желая ободрить своихъ старыхъ солдатъ, онъ приказалъ стрѣлять изъ двухъ пушекъ, которыя у него были: эти-то, какъ ихъ называетъ Пушкинъ, *несчастные* выстрѣлы испугали Билова... За то роковая пальба была какъ бы сигналомъ для Пугачова и привлекла его вниманіе; утромъ онъ явился передъ крѣпостью, слѣдуя впереди своего войска.

— Берегись, государь, сказалъ ему старый казакъ: — неравно изъ пушки убьютъ.

— Старый ты человѣкъ! (отвѣчалъ самозванецъ) развѣ пушки льются для царей.

Но крѣпости было нечѣмъ и нечѣмъ защищать. Двѣ крѣпостныя пушки напугали только храбраго барона, но не могли испугать Пугачова; да и стрѣлять никто не хотѣлъ. Харловъ бѣгалъ отъ одного инвалида къ другому, умоляя и приказывая дѣйствовать: его уже никто не слушался, да и напрасное было бы усиліе. Харловъ самъ схватилъ зажженный фитиль, выпалилъ едва ли не на воздухъ и бросился къ другой пушкѣ. Несчастный думалъ, что онъ одинъ можетъ защитить крѣпость! Но осаждающіе ворвались въ городъ, и осада была кончена. Побѣдители бросились на Харлова и одинъ за другимъ наносили ему тяжелыя раны: все, что имѣло чинъ и значеніе, все

дворянское и правительственное, все, что носило атрибуты власти, столько лѣтъ давившей народъ, — поднимало всю силу народнаго негодованія и гибло, какъ дотолѣ губило само все, къ чему ни прикасалось. Подъ ударами Харловъ просилъ пощады, давалъ выкупъ за свою жизнь и повелъ къ тому мѣсту, гдѣ спрятано было его имущество. Его не пощадили. Одни расправлялись въ городѣ, другіе за городомъ ставили уже рели, чтобы вѣшать, кого народъ укажетъ. Передъ висѣлицей сидѣлъ Пугачовъ и принималъ присягу жителей и солдатъ. Между ними показался Харловъ, ведомый казаками, весь исколотый и въ крови, съ вышибленнымъ глазомъ и обезумѣвшій отъ ранъ. Выбитый глазъ висѣлъ у него на щекѣ. Повѣсивъ двухъ офицеровъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая, Пугачовъ велѣлъ повѣсить и Харлова. Когда надѣвали на него петлю, солдаты просили Пугачова, чтобъ помиловалъ ихъ коменданта, котораго имъ стало жаль. Но казаки требовали казни. Рассказываютъ, что Бикбай самъ взошелъ на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, перекрестился и самъ затянулъ себѣ петлю. Видъ смерти сдѣлалъ его равнодушнымъ къ магометовой религіи...

Въ 28 верстахъ отъ этой, сейчасъ взятой крѣпости, и въ 54 верстахъ отъ Оренбурга стоитъ Татищевская крѣпость. Войско Пугачова потянулось къ ней. Получивъ послѣднія нерадостныя вѣсти, Рейнсдорпъ, въ тотъ же день писалъ указъ въ уфимскій уѣздъ, въ башкирскія волости, и приказалъ нарядить тысячу человекъ башкирцевъ, съ старшинами, съ исправными

ружьями и на добрыхъ коняхъ; командиромъ къ нимъ посланъ былъ старшина и почтъ-коммиссаръ Мендей Тулеевъ; башкирцамъ обѣщано было награжденіе. Къ бригадиру Биллову командировали еще 300 сентовскихъ татаръ съ старшиною. Но изъ этихъ никто къ нему не явился. Съ дороги Пугачовъ послалъ указъ въ Татищевскую крѣпость, повелѣвая сдаться. Въ Татищевской комендантомъ былъ полковникъ Елагинъ; въ крѣпости сидѣлъ также баронъ Билловъ съ отрядомъ. Они рѣшились защищаться. Утромъ 27 сентября знамя Пугачова заблѣлось вдали, войско его заняло высоты, облежавшія крѣпость, и осажденные видѣли, какъ самозванецъ разставилъ свою артиллерію, и дула пушекъ самъ направлялъ на городъ. Толпы казаковъ кружили около самыхъ стѣнъ крѣпости и кричали солдатамъ, чтобъ не слушались бояръ и сдались. Крики ихъ заглушены были выстрѣлами изъ крѣпостныхъ орудій и отвѣтными выстрѣлами Пугачова. Сотникъ Подуровъ, начальствовавшій въ крѣпости надъ оренбургскими казаками, передался Пугачову со всѣмъ своимъ отрядомъ. Пугачовъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части; одной половиной, которая облежала городъ въ нижней части, командовалъ Витошковъ; другую половину повелъ на приступъ самъ Пугачовъ и атаковалъ верхнюю часть укрѣпленія. Гулъ орудій и ружейная пальба не умолкали съ полдня до полночи. Ночью осаждающіе подожгли сѣно подлѣ крѣпостнаго оплота, дымъ повалилъ на крѣпость; пламя шло къ стѣнамъ, коснулось деревянныхъ укрѣпленій, перекинулось въ городъ и произвело общее смятеніе. Осажденные оро-

бѣли, бросились тушить огонь; осаждающіе бросились на нихъ, ворвались въ крѣпость, сошлись съ гарнизономъ и задавили его. Казаки кололи пиками, другіе рубили, чѣмъ попало. Схватили барона Билова и отрубили ему голову. Схватили Елагина, содрали кожу, какъ съ барана, вырѣзывали сало (онъ былъ тучный) и мазали свои раны. Жену его изрубили въ куски. Вдову майора Веловскаго, повѣшеннаго въ Разсыпной, удавили. Всѣхъ офицеровъ перевѣшали. Нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ и башкирцевъ вывели изъ крѣпости въ поле и разстрѣляли картечью. Весь гарнизонъ, носившій, по тогдашнему обыкновенію, напудренные косы, остригли въ кружало, по-казацки, всѣхъ привели къ присягѣ и поверстали въ казачью службу. Захватили всѣ пушки, числомъ до тридцати, съ двумя единорогами, всю полковую, кабацкихъ и соляныхъ сборовъ денежную казну, множество военной аммуниціи, провіанта, соли и вина. Пугачовъ приказалъ тушить городъ, но было уже поздно. Войско вышло въ поле и расположилось лагеремъ. Оно простиралось у него до 3,000 человѣкъ.

Самозванецъ Ханинъ.

Исторія такихъ государствъ, какъ Россія, всегда будетъ оставаться неполною, недосказанною повѣстью минувшей жизни народа, если не будетъ останавливаться на тѣхъ моментахъ этой, повидимому, безцвѣтной и однообразной жизни массъ, въ которые народъ заявлялъ чѣмъ-либо о своемъ скромномъ существованіи. Правда, иныя изъ этихъ заявленій удивляютъ историка видимымъ отсутствіемъ смысла и цѣли; иногда они кажутся совершенно безумными, ребяческими манифестаціями, и имъ до сихъ поръ не считали нужнымъ давать мѣсто въ исторіи; но, какъ бы то ни было, не намъ обвинять народъ въ томъ, что онъ еще не развился до осмысленныхъ выраженій своей внутренней жизни и своихъ ожиданій; что онъ не успѣлъ еще научиться жить и дѣйствовать разумно.

Все XVIII столѣтіе богато событіями, которыя должны войти въ будущую исторію русскаго народа; однако, съ сожалѣніемъ мы должны признаться, что намъ болѣе извѣстны только тѣ моменты этой исторіи,

которые ставятъ народъ въ невыгодномъ свѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, невыгодно для него могутъ быть поняты и перетолкованы. Особенно бросаютъ тѣнь на чистоту народныхъ побужденій событія второй половины этого вѣка, время самозванцевъ, хотя не вина народа, что онъ, противъ воли, поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать такъ, а не иначе. Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, мы замѣтимъ, что въ русской исторіи самыя неполныя и отрывочныя свѣдѣнія объ исторической жизни народа и его самостоятельныхъ политическихъ моментахъ должны считаться драгоценными матеріалами: здѣсь все ново и любопытно. Къ числу такихъ свѣдѣній должны принадлежать и извѣстія о самозванцахъ, выразившихъ собою извѣстную сторону исторической жизни русскаго народа. Личность Пугачова, при разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, уясняется болѣе и болѣе, и намъ становится болѣе понятнымъ это смутное время—послѣднія сорокъ лѣтъ прошлаго вѣка, на которое ошибочно взглянулъ нашъ великій поэтъ Пушкинъ, въ своей *Исторіи Пугачевского бунта*. Въ числѣ самозванцевъ, Пугачовъ былъ не первый; но онъ не былъ и послѣднимъ: не дальше какъ черезъ четыре—пять лѣтъ послѣ его казни явилось новое лицо, принявшее на себя имя, которымъ Пугачовъ взволновалъ бѣольшую половину Россіи; эта личность была несчастнѣе Пугачова, и волненіе, вновь начинавшееся въ поволжѣ съ появленіемъ новаго самозванца, было тотчасъ же подавлено.

Этотъ новый самозванецъ былъ казакъ Ханинъ ¹⁾.

Въ мартѣ 1780 года, по секретному распоряженію дубовскаго начальства, волжскими казаками схвачены были въ хуторѣ помѣщиковъ Персидскихъ, на Илавлѣ, донской казакъ Максимъ Ханинъ, два малороссіянина и двѣ женщины, изъ коихъ одна была молодая крестьянская дѣвушка, и за карауломъ привезены въ Дубовку ²⁾. Они обвинялись въ важномъ государственномъ преступленіи. По снятіи первыхъ допросовъ, въ самой Дубовкѣ взято было еще одно подозрительное лицо, прикосновенное къ дѣлу. Но такъ какъ дѣло это было великой государственной важности, то черезъ два дня, всѣ шесть колодниковъ отправлены на судъ въ Царицынъ, и при этомъ дубовское начальство извѣщало царицынскаго коменданта, полковника Цыплетева, что, по показанію одной изъ арестованныхъ женщинъ, молодой дѣвушки, Ханинъ называлъ себя *непристойнымъ ему именемъ*; что прежде онъ находился въ арміи Пугачова и производилъ немалые гра-

---

¹⁾ Предшественники Пугачова были: Степанъ Малый (или Степано Пикколо), дѣйствовавшій и царствовавшій въ Черногоріи подъ именемъ Петра III, и Кремневъ, извѣстія о которомъ сообщены намъ В. И. Ламанскимъ. Матеріалы о самозванцѣ Ханинѣ получены нами отъ профессора Н. И. Костомарова, который, по порученію начальника Саратовской губерніи, извлекъ ихъ изъ стараго царицынскаго архива. Хотя извѣстія о Ханинѣ очень кратки; но такъ какъ личность эта не была, кажется, извѣстна никому изъ нашихъ историковъ, то мы и пользуемся имѣющимися у насъ матеріалами для настоящей статьи.

²⁾ Дубовка, посадъ, въ которомъ теперь до 12 тысячъ жителей, находится въ Саратовской губерніи, на Волгѣ, въ 317 верстахъ на югъ отъ Саратова. Въ этомъ мѣстѣ Волга протекаетъ въ 60 верстахъ отъ Дона, и на этомъ пространствѣ строится желѣзная дорога.

бежи, но отъ наказанія спасся бѣгствомъ; что зимою 1780 года, онъ съ однимъ малороссіяниномъ ѣздилъ за чѣмъ-то по русскимъ селамъ, а къ нему потомъ, тоже неизвѣстно по какимъ дѣламъ, пріѣзжалъ изъ далекаго русскаго села священникъ. Все это, добавляли въ извѣщеніи изъ Дубовки, «крайне до сумнѣнія доводитъ, что какія ни есть неистовыя разглашенія отъ нихъ въ русскихъ мѣстахъ не были-ль.»

Разглашенія были въ самомъ дѣлѣ странныя.

Когда Пугачовъ казненъ былъ въ Москвѣ, а прочіе его соучастники, двигатели народныхъ силъ минувшаго возмущенія, наказаны, кто смертною казнью, кто кнутомъ и ссылкой въ Сибирь, волжскіе казаки, находившіеся до того времени въ Дубовкѣ, были тотчасъ переселены на Терекъ, въ наказаніе за присягу Пугачову и участіе въ его послѣднихъ попыткахъ овладѣть Царицыномъ и удержатъ за собой ускользавшую изъ его рукъ власть надъ умами народа. Дубовка опустѣла. Въ ней осталось лишь нѣсколько казаковъ, подъ названіемъ *семейства*, которое управлялось войсковымъ старшиной Савельевымъ. На мѣсто казаковъ Дубовка стала заселяться выходцами изъ сосѣднихъ губерній. Въ 1778 году, Шатскаго уѣзда, села Хомутовки, экономическій крестьянинъ Гаврила Прохоровъ, въ числѣ прочихъ переселенцевъ, пришелъ съ своимъ семействомъ въ Дубовку, чтобы записаться въ число ея обывателей, и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, отъѣзжая снова на родину, оставилъ въ деревнѣ Морцѣ дочь свою, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, въ услуженіи у одного крестьянина. Вѣроятно, дѣвушка была хороша

собой, потому что обратила на себя вниманіе сосѣдей. Потомъ она противъ воли вовлечена была въ смутное народное дѣло, которое начинало тогда вновь разыгрываться въ поволжьѣ, еще не успѣвшемъ вздохнуть послѣ недавняго страшнаго волненія, и принимало зловѣщій характеръ. Эта же дѣвушка была безсознательною причиною того, что дѣло это потушено въ самомъ началѣ, и притомъ безъ жертвъ, безъ крови и безъ шума. Къ хозяину молодой крестьянки пріѣзжали иногда гости или знакомые изъ другихъ деревень, и они-то сдѣлали ее безвинною участницей замышлявшагося тогда заговора.

Въ февралѣ 1780 года, въ Морецъ пріѣхалъ одинъ священникъ съ сыномъ, а съ ними два крестьянина изъ одного русскаго села и приглашали дочь Прохорова ѣхать куда-то съ ними.

— Поѣдемъ съ нами къ Петру Ѳедоровичу, говорили они: — тебѣ жить будетъ не худо.

И когда дѣвушка отказывалась, ее взяли насильно и увезли.

Въ это время отецъ ея возвратился въ Дубовку и черезъ нѣсколько дней отправился за дочерью; но тамъ ея уже не было: ее увезли изъ Морца. Крестьянинъ, у котораго она находилась въ услуженіи, сказалъ Прохорову, что за ней пріѣзжали такіе-то и такіе люди и повезли на Медвѣдицу. Прохоровъ поѣхалъ искать дочь. На пути онъ повстрѣчался съ людьми, которые взяли его дочь, уже не далеко отъ Медвѣдицы, въ Березовской степи, у станицы этого имени, и сталъ спрашивать ихъ, куда они дѣвали его дочь.

— Не плачь, сказалъ ему священникъ: — мы отвезли ее въ хорошее мѣсто, къ большому боярину Петру Ѳедоровичу.

Они обнадеживали притомъ Прохорова, что онъ не останется безъ вознагражденія.

— Да и сынъ твой, отданный въ солдаты, возвратится, говорили они и запрещали кому бы то ни было сказывать объ этомъ.

Дѣвушку, между тѣмъ, эти люди привезли изъ Морца на рѣчку Илавлу, въ хуторъ войскового атамана волжскаго войска, Василя Персидскаго, и отдали какому-то слесарю-ружейнику, отставному донскому казаку Максиму Ханину и, переночевавъ у него, уѣхали. Этотъ Ханинъ былъ то самое лицо, которое называли «большимъ бояриномъ Петромъ Ѳедоровичемъ». По всему замѣтно было, что съ этимъ именемъ связана какая-то важная тайна, извѣстная немногимъ; что подъ именемъ Ханина кроется другая личность... На слѣдующую ночь Ханинъ открылся дѣвушкѣ, что онъ не мужикъ и не казакъ, а государь императоръ Петръ Третій; онъ, говорилъ, что вѣсть о его смерти распущена ложно; что тотъ, кого называли Пугачовымъ не казнень въ Москвѣ; что императоръ Петръ Третій и Пугачовъ одно лицо, и это лицо — онъ, котораго ложно называютъ казакомъ Ханинымъ, ружейникомъ и т. п. Самозванецъ, желая обольстить дѣвушку, обѣщалъ взять ее замужъ, сдѣлать государыней. Вѣрила ли его словамъ дѣвушка, или не вѣрила; но она долго не соглашалась быть государыней, долго сопротивлялась, — однако, напрасно...

Кромѣ священника съ сыномъ и упомянутыхъ крестьянъ, къ самозванцу пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ неизвѣстные люди, и часто приходили малороссіяне изъ сосѣдней слободы Ольховки, привозили ему хлѣбъ и разные подарки, называли батюшкой, государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и о чемъ-то съ нимъ совѣтовались.

Видно было, что готовился заговоръ, что Ханинъ не даромъ ѣздилъ по русскимъ селеніямъ, что не даромъ являлись къ нему гости и сторонніе посѣтители, и такое живое участіе принимали въ его судьбѣ духовныя особы, пріѣзжавшія къ самозванцу Богъ-вѣсть откуда. Но это продолжалось не много времени. Сосѣднее населеніе было встревожено и, быть-можетъ, обрадовано таинственною вѣстью о появленіи между ними царя, который почему-то упорно сохранялся памятью народа и жилъ въ его воображеніи много лѣтъ спустя послѣ кончины. Самая гибель Богомолова, Пугачова и Кремнева, со всѣми ихъ приверженцами, не разбила этой странной вѣры: такъ евреи, въ своей двутысячелѣтней безпріютности и въ потерѣ національнаго единства, утѣшаютъ себя ожиданіемъ какого-то освободителя.

Первый доносъ на самозванца былъ сдѣланъ крестьяниномъ Прохоровымъ; а молодая дочь его навела слѣдователей на мысль, что готовится какой-то заговоръ. Не подозрѣвая всего, что творилось въ глуши степныхъ хуторовъ дубовское начальство предварительно приказало взять отъ Ханина привезенную къ нему дѣвушку и, прежде возвращенія къ отцу, подвергло

ее допросу въ присутствіи волжскаго войсковаго старшины Савельева, управлявшаго тогда Дубовкою, походнаго атамана и двухъ старшинъ. Здѣсь только объяснилось, что дѣвушка прикосновенна къ важному государственному дѣлу, о которомъ до сихъ поръ никто не подозрѣвалъ. Она рассказала, какъ взята была отъ своего хозяина, въ Морцѣ, и привезена къ какому-то таинственному человѣку, называвшемуся и казакомъ Ханинымъ, и большимъ бояриномъ Петромъ Ѳедоровичемъ; какъ онъ открылся ей въ томъ, что онъ государь; какъ пріѣзжали къ нему неизвѣстные люди и о чемъ-то говорили и пр. Когда допросили ея отца, онъ показалъ то же, что зналъ, слышалъ и видѣлъ, и тѣмъ усилилъ подозрѣніе присутствовавшихъ. Тотчасъ же распорядились схватить всѣхъ, на кого показывали Прохоровъ и его дочь. 12-го марта былъ допросъ этихъ двухъ лицъ, а 15 числа самъ Ханинъ и его домочадцы, малороссіяне Токаревъ и Любецкій, служившіе у него работниками, и находившаяся въ его домѣ женщина, тогда же арестованные, были уже допрашиваемы въ царицынской комендантской канцеляріи. Привезенъ былъ и Прохоровъ съ дочерью. Главное лицо между арестованными былъ Ханинъ, мужчина лѣтъ пятидесяти. Кромѣ нѣсколькихъ ружей, въ домѣ его не нашли ничего подозрительнаго, могущаго навести на мысль о заговорѣ; но изъ новаго допроса, начатаго съ Прохорова, его дочери и прислуги Ханина открылось много важныхъ обстоятельствъ; всѣ допрашиваемые уличали Ханина въ самозванствѣ, въ похищеніи царскаго имени; изъ всѣхъ показаній видно

было, что заговоръ начать не въ домѣ Ханина, а гдѣ-то на сторонѣ; что прислуга самозванца уже послѣ узнала о томъ, что онъ называетъ себя государемъ, и узнала почти нечаянно, и что объ этомъ знали раньше ихъ лица, совершенно имъ неизвѣстныя, изъ другихъ провинцій. Но Ханинъ заперся во всемъ, въ чемъ его уличали, можетъ быть, потому что главныхъ участниковъ заговора онъ не видѣлъ въ присутствіи, или увѣренъ былъ въ ихъ безопасности: священникъ еще не былъ пойманъ, не были открыты и другіе заговорщики. На судѣ, передъ комендантомъ Цыплетевымъ и другими присутствовавшими, онъ рассказалъ вкратцѣ свою прежнюю жизнь, которая проведена была дурно и преступно. Самозванецъ родился въ войскѣ донскомъ, въ Михайловской станицѣ, гдѣ и состоялъ на службѣ; около шестидесятаго года, за воровство былъ наказанъ кнутомъ въ Новохоперской крѣпости и оставленъ отъ службы; жилъ потомъ въ Березовской станицѣ наемнымъ работникомъ; оттуда сошелъ въ Дубовку, гдѣ кормился своими трудами, и, наконецъ, поселился на Илавлѣ въ хуторѣ Персидскаго; онъ сознался, что привезенную къ нему дѣвушку «по усильству своему растлилъ». Обо всемъ прочемъ говорилъ, что никогда не называлъ себя государемъ, и его никто не называлъ «батюшкой».

— Оное внесено на меня напрасно, и я никогда никому о семъ не говаривалъ, а изъ чего оное произошло, не знаю, сказалъ онъ въ концѣ допроса; но, уличенный очными ставками, сознался въ своихъ намѣреніяхъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ 1778 г. Ханинъ ѣздилъ за чѣмъ-то въ Самару. Въ Самарѣ онъ возобновилъ старое знакомство съ однимъ уральскимъ казакомъ, по фамиліи Оружейниковымъ, вмѣстѣ съ которымъ они служили когда-то подъ знаменами Пугачова. Встрѣча, по обыкновенію, произошла во царевомъ кабацѣ. По выходѣ изъ питейнаго дома, между разговоромъ, Оружейниковъ спросилъ Ханина: откуда онъ? и тотъ отвѣчалъ, что изъ Дубовки. На новые вопросы уральца, Ханинъ отвѣчалъ, между прочимъ, что находился «у бывшаго злодѣя Пугачова въ толпѣ». Едва онъ это выговорилъ, Оружейниковъ обратился къ нему и сказалъ:

— Для чего ты называешь его Пугачовымъ и армію его толпой? Онъ былъ не Пугачовъ, а дѣйствительно императоръ Петръ Θεодоровичъ третій.

— Каковъ онъ былъ собою? спросилъ его Ханинъ, который, хотя и находился подъ знаменами Пугачова, однако, надо думать, не видалъ въ лице самозванца.

Тогда Оружейниковъ взглянувъ на него, сказалъ:

— Таковъ, какъ ты.

Эти слова запали въ душу Ханину, и онъ рѣшился на смѣлый поступокъ. Думалъ ли онъ, что неудачи, испытанныя Пугачовымъ, его паденіе и трагическая смерть произошли отъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ, которыхъ въ другой разъ можно было избѣгнуть, или обольщала его та громкая, хотя печальная извѣстность, которая постигла первыхъ самозванцевъ, или, наконецъ, имъ руководили самыя недалекія, мелочныя стремленія, — только онъ рѣшился идти по слѣдамъ

Пугачова и пошелъ по нимъ обдуманно. Это не была случайная вспышка, которая, повидимому, руководила дѣйствіями предшественника Пугачова, молодаго Богомолова: Богомоловъ не обдумалъ плана, по которому долженъ былъ дѣйствовать; онъ, находясь въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ Ханинъ, не успѣлъ даже вдохнуть въ окружающихъ увѣренность въ его высокомъ назначеніи и поселить единодушіе въ солдатахъ, съ которыми находился въ одномъ отрядѣ. Богомоловъ сказалъ даже на допросѣ, что онъ будто бы «въ пьянствѣ, безъ дальняго замысла объявилъ себя императоромъ Петромъ Третьимъ», и, можетъ-быть, это такъ и было въ самомъ дѣлѣ. Напротивъ, Ханинъ старался подготовить умы къ своему появленію; на его сторонѣ былъ и опытъ, и увѣренность въ сочувствіи народа. Возвратившись изъ Самары, онъ началъ приводить въ исполненіе задуманный планъ: сначала открылся немногимъ довѣреннымъ лицамъ, которыя развезли тайну по сосѣднимъ селамъ; потомъ самъ лично ѣздилъ по русскимъ поселеніямъ и разжигалъ народныя страсти, тайнственно и какъ бы противъ воли открывая свое происхожденіе. Еще до возвращенія на Илавлу, онъ, какъ безъ сомнѣнія видно, успѣлъ побывать во многихъ мѣстахъ и переговорить не съ однимъ лицомъ.

Мы видѣли, что заговоръ былъ обнаруженъ въ самомъ началѣ, и народъ не успѣлъ заявить своего сочувствія къ самозванцу одною изъ тѣхъ манифестацій, съ которыми его спокойная натура, апатическая до поры до времени, такъ успѣла свыкнуться въ то смут-

ное время. Послѣ перваго допроса, въ Царицынѣ, преступниковъ разсадили по разнымъ мѣстамъ, предварительно осмотрѣвъ, нѣтъ ли съ ними ножей и другаго оружія: самозванца скрыли въ особой «каморкѣ» при гауптвахтѣ, а Токарева, Любецкаго, Пелагею Васильевну (женщина, служившая у Ханина) и Прохорова съ дочерью задержали у Предтеченскихъ воротъ, гдѣ былъ родъ тюрьмы. Къ нимъ никого не пускали, и преступники не могли никуда выходить. Въ то время было обыкновеніе посылать преступниковъ въ міръ кормиться подаяніемъ, потому что казенныхъ денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе арестантовъ, отчасти было не достаточно, отчасти же эта сумма расходилась по карманамъ чиновниковъ; а иногда даже совершенно не ассигновалась въ пользу преступниковъ. Для сбора милостыни приковывали колодниковъ къ одной цѣпи или связывали канатомъ и водили по городу, какъ на сворахъ, «на связкахъ», и колодники, звеня кандалами, распѣвали по улицамъ, площадямъ и подъ окнами: «Подайте, православные христіане, бѣднымъ заключеннымъ, несчастнымъ узникамъ, подайте, Христа ради!» Ханина и другихъ арестантовъ, раздѣлявшихъ его участь, не только не посылали въ міръ, для сбора подаяній и на городскія работы, но даже не позволяли выходить изъ каморъ на дворъ для естественныхъ надобностей: двери, гдѣ они были заключены, отворялись только для подачи пищи и осмотра колодниковъ. Такъ научилъ осторожности Цыплетева первый самозванецъ Богомоловъ, котораго чернь и преданные ему артиллеристы хотѣли

отбить у караульных и прозвели жаркую свалку на базарной площади въ Царицынѣ. Пугачовъ научилъ ихъ быть еще осторожнѣе.

Но первый допросъ не могъ удовлетворить слѣдователей. Были обстоятельства, которыя заставляли подозрѣвать, что Ханинъ не все сказалъ. Съ Илавлы привезли еще двухъ соучастниковъ его, крестьянъ помѣщика Персидскаго, малороссіянъ Андрея и Кондратія Колесниковыхъ, «за найкрѣпчайшимъ карауломъ, въ ножныхъ колодкахъ и наручняхъ», которыхъ взяли тайно, «непримѣтнымъ образомъ», какъ доносилъ коменданту Цыплетеву волжскій войсковой старшина. Колесниковыхъ взяли въ слободѣ Ольховкѣ, гдѣ у нихъ происходили совѣщанія съ самозванцемъ, и гдѣ Ханину представлено было еще одно лицо, приѣзжавшее издалека, малороссіанинъ Печерскій, который могъ бы разгласить о появленіи мнимаго царя у себя на родинѣ. Кромѣ того, Цыплетеву прислали изъ Дубовки частное письмо, полученное отъ казаковъ Варламова и Заикина, которымъ они извѣщали, вѣроятно, узнавъ стороной о широкихъ затѣяхъ самозванца, что у Ханина, на хуторѣ казака Гнусаря, была «непристойная гульба», клонившаяся, какъ подозрѣвали, къ «его зловредному замыслу», потому больше, что самозванецъ безъ всякой причины и повода подарилъ Гнусарю двадцать рублей денегъ и ружье, «флинтъ». По тому времени это былъ царскій подарокъ.

Когда допрошены были Колесниковы, показаніями которыхъ разъяснились нѣкоторыя новыя обстоятельства заговора, Ханина съ соучастниками потребовали

къ пыткамъ. Сначала присутствующіе увѣщавали его сознаться, но напрасно. Только подъ истязаніями допроса, въ мученіяхъ пытки, самозванецъ признался во всемъ, да и то едва ли. Въ его умѣ созрѣвалъ обширный замыселъ. Когда Ханинъ былъ въ Самарѣ и видѣлся съ упомянутымъ уральскимъ казакомъ, Оружейниковымъ, этотъ приглашалъ его уйти въ Сѣчь къ Запорожцамъ и побудить ихъ къ мятежу. Оружейниковъ говорилъ, что всѣ офицеры стоящаго на Уралѣ полка, кромѣ полковника и майора, всѣ нижніе чины и болѣе тридцати человекъ уральскихъ казаковъ готовы поднять бунтъ, что тамъ есть и запорожцы, которые обѣщали помощь своего войска. Они намѣревались идти прямо на Москву и взять ее; оттуда идти къ Петербургу и также взять. Заговорщики рассчитывали, помня недавнее дѣло Пугачова, что за ними пойдутъ и солдаты русской арміи¹⁾. Въ головѣ ихъ уже бродила безумная мысль, что они возьмутъ «ея императорское величество подъ свою власть и сковавъ посадятъ въ заточеніе, а знатныхъ всѣхъ особъ истребятъ на смерть».

Нѣтъ сомнѣнія, что Ханинъ имѣлъ и другіе замыслы, но онъ о нихъ не сказалъ; не сказалъ также и о своихъ планахъ.

Вотъ, въ силу этой-то смѣлой мысли, Ханинъ,

---

¹⁾ ...«И при всемъ томъ разсуждали между собою, что какъ они съ запорожцами на сіе зло пойдутъ, то помогутъ имъ и изъ полковъ преданностію (то-есть предательствомъ, измѣною), такъ какъ и въ бывшее замѣшательство происходило, военнослужители.» (Собственные слова Ханина, сказанныя на допросѣ.) По собственному признанію Ханина, онъ увѣренъ былъ, что войска «подадутъ ему людьми способъ».

присвоивъ себѣ имя покойнаго императора, сталъ дѣйствовать рѣшительно и бросилъ въ народъ опасное сѣмя, которое всходило скоро, потому что падало, относительно, на благопріятную почву. Давно знакомый магическій шопоть: «живъ батюшка государь Петръ Ѳедоровичъ», ходилъ по народу, передаваясь изъ устъ въ уста, съ уха на ухо, и обѣщалъ недоброе, пока не схваченъ былъ дерзкій слесарь, безграмотный казакъ, имѣвшій виды на всероссійскій престолъ.

Извѣстіе о появленіи этого новаго самозванца естественно должно было произвести страшную тревогу въ оффиціальномъ мірѣ. Тогдашній астраханскій губернаторъ, знаменитый Иванъ Варѣоломеевичъ Якобій ¹⁾, одинъ изъ умнѣйшихъ людей вѣка Екатерины, прискакалъ въ Царицынъ, чтобы самому лично слѣдить за дѣломъ, которое могло разыгратъ новую кровавою драмой, еще такъ недавно поколебавшею весь организмъ государства. Онъ нашелъ самозванца уже пойманнымъ и скованнымъ; за соучастниками его разосланы были тайные поиски. Онъ приказалъ подвергнуть пыткѣ тѣхъ, которые были у него въ рукахъ: его тревожила неизвѣстность, съ какимъ намѣреніемъ заговорщики «дерзнули отдать титулу великаго имени» одному изъ среды своей. Якобій велѣлъ настрого «развѣдывать и примѣчать, не будетъ ли въ здѣшной ок-

---

¹⁾ Иванъ Варѣоломеевичъ Якобій (р. 1726 г. ум. 1803) генераль-поручикъ. Онъ былъ астраханскимъ губернаторомъ съ 1776 по 1781 годъ; затѣмъ до 1783 года былъ генераль-губернаторомъ уфимскимъ и симбирскимъ, а съ 1783 по 1789 годъ — генераль-губернаторомъ колыванскимъ и иркутскимъ, послѣ чего былъ преданъ суду, продолжавшемуся нѣскольکو лѣтъ. *М. Д.*

ружности оставаться по нихъ какихъ слѣдовъ и отрыжковъ»; а между тѣмъ, отъѣзжая въ Саратовъ, приказалъ и заговорщиковъ, послѣ пытки, везти вслѣдъ за собою.

3-го апрѣля ихъ пытали, а 8-го вывезли изъ Царицына по саратовской дорогѣ. Командиромъ отряда, сопровождавшаго заговорщиковъ, назначенъ былъ капитанъ Зубовъ; конвой состоялъ изъ небольшой партіи солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и двѣнадцати казаковъ съ старшиною. Всѣ были вооружены. Кромѣ того, изъ всѣхъ селеній, черезъ которыя провозили арестантовъ, брали народъ для сопровожденія секретнаго поѣзда и для защищенія его въ случаѣ опасности, или, какъ выразился Цыплетевъ, «на цѣлое себя и важныхъ колодниковъ сохраненіе». Злу начальникъ, какъ называли самозванца, закованъ былъ въ ножныя кандалы и наручни; прочіе семь колодниковъ, не исключая женщины и молодой дѣвушки, въ ножныя желѣза. Конвою строжайшимъ образомъ запрещено было останавливаться въ степи, а ночныя стоянки велѣно имѣть непременно въ жилыхъ мѣстахъ. Когда же конвой останавливался ночевать, арестантовъ вновь тщательно осматривали, а хозяевъ высылали вонъ изъ дома, чтобы даже они не знали и не подозрѣвали, какого гостя принимаютъ у себя. Ханину отводили особое помѣщеніе, и Зубовъ былъ при немъ неотходно. Народъ, проѣзжіе и прохожіе, встрѣчавшіеся съ поѣздомъ во время его шествія, не смѣли заговаривать съ конвойными, а тѣмъ менѣе съ арестантами, и потому никто не зналъ, кого везутъ подъ такимъ строгимъ прикры-

тіемъ. Имени Ханина не смѣли произносить даже конвойные, а еще меньше рассказывать, кто онъ такой. «Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, одного отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій, подѣ неупустительнымъ штрафомъ», говорилось въ инструкціи, данной Зубову. Наконецъ, строжайшимъ образомъ предписывалось остерегаться, чтобы самозванецъ, въ дорогѣ, не былъ кѣмъ отбитъ и скрытъ гдѣ-либо; въ случаѣ нечаянныхъ нападеній со стороны народа, велѣно было защищаться «сильною и вооруженною рукой». Такъ мало довѣряли мѣстныя власти видимой тишинѣ и покорности народа, и такъ сомнительно было спокойствіе повольжья, возстановленіемъ котораго столь усердно занимались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и съ такими огромными массами войскъ лучшіе умы того времени, графъ Петръ Панинъ и Суворовъ.

Однако, торжественный поѣздъ Ханина никѣмъ не былъ остановленъ въ дорогѣ: самозванецъ благополучно прибылъ въ Саратовъ на окончательный судъ. Вслѣдъ за нимъ, черезъ недѣлю, по той же дорогѣ и съ такими же предосторожностями, слѣдовалъ другой поѣздъ. Это везли соумышленниковъ Ханина, захваченныхъ послѣ. Второй поѣздъ состоялъ изъ девяти арестантовъ

Что было съ Ханинымъ по пріѣздѣ въ Саратовъ, мы не знаемъ. Для насъ осталось также неизвѣстною участь священника съ сыномъ (послѣ оказалось, что они были изъ села Вязовки), принимавшихъ, какъ видно,

дѣятельное участіе въ заговорѣ, а также участь Печерскаго и Маслова, который вмѣстѣ съ священникомъ привозилъ къ самозванцу дочь Прохорова. Судьба ихъ рѣшилась въ Саратовѣ, и всѣ обстоятельства раскрытыя по слѣдствію, замыслы заговорщиковъ, показанія тѣхъ участниковъ возмущенія, которые оставались на Уралѣ, Оружейникова и запорожцевъ, если только они были пойманы, — все это остается до сихъ поръ тайной, потому что бѣольшая часть бумагъ истреблена временемъ. Ханинъ, конечно, если не умеръ подъ кнутомъ или на висѣлицѣ, то кончилъ жизнь въ Сибири. Запорожская Сѣчь была вскорѣ уничтожена.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Самозванецъ Степанъ Малый	1
Дополнительныя данныя о Степанѣ Маломъ	55
Самозванецъ Богомолловъ	72
Пугачовъ	98
Пугачовъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевской крѣпости	216
Самозванецъ Ханинъ	268

